

Пролетарская Культура.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ.

Орган Центр. Комитета Всероссийского Совета Пролеткульта.

Адрес редакции и конторы: Москва, Волхонка, 18. Тел. 26-30.

Прием у секретаря редакции ежедневно от 10 утра до 4 ч. дня.

№ 9—10.

Июнь—Июль.

1919 г.

СОДЕРЖАНИЕ: Пролетарская культура и ее критики. *Ф. Калинин.*—Очерки организационной науки. Ст. 2-я. *А. Бойданов.*—Ч. Дарвин и К. Маркс. *К. Ткачев.*—Познание в свете истории. *В. Полянский.*—Рост Пролеткульта. *О. Райнин.*—О тенденциях пролетарской культуры. *А. Гаснев.*—О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гасневу).—*А. Бойданов.* О провинциальных пролетарских университетах.—*А. Бойданов.* К закрытию пролетарского университета.—Хроника Пролеткульта: В провинции. *О. Райнин.*—Отчеты.—Библиография: М. Герасимов. "Завод весенний" и "Цветы под огнем". *П. Л.—В. Александровский.* "Рабочий поселок" и "Север". *В. П.—ий.*—*А. Погорский.* "Цветы восстания". *В. П.—ий.*—Пролеткульт". *А. О.—.* "Пролеткульт" *П. Рудокон.*—"Труд и Творчество". *П. Рудокон*

Пролетарская культура и ее критики.

Вопрос о пролетарской культуре, несмотря на завоевание многочисленных сторонников, продолжает с другой стороны подвергаться ожесточенным нападениям. При этом нельзя не заметить, что этот вопрос поднят и разрабатывается коммунистами-большевиками (со стороны меньшевистских теоретиков он всегда встречает наиболее враждебное отношение) и все-таки в наших партийных кругах и в кругах Советского Правительства он еще не пользуется полным правом гражданства, а только терпится. Когда они в благодушном настроении, то и отношение к этому вопросу выражается в снисходительной улыбке, а лишь только благодушие исчезает, то и отношение соответственным образом меняется. В чем же дело? Чтобы ответить на этот вопрос, лучше всего противников и критиков пролетарской культуры разделить на типы и описать сущность их критики.

К первому типу критиков пролетарской культуры я отношу тех, которые проводят различие по существу между понятием пролетарской культуры и культуры социалистической. Этот тип критиков вообще отрицает возможность пролетарской культуры, пока в той или иной степени продолжает существовать буржуазный строй, а пролетариат существует в качестве эксплуатируемого класса. В этом положении, по их мнению, у пролетариата для создания своей культуры не хватит ни сил ни времени. Что же касается социалистической культуры, то ее возможность они не отрицают, но приурочивают к полному оформлению и укреплению социалистического общества. Я думаю, что такого рода подход обнаруживает все признаки метафизики, это значит рассматривать культуру, как нечто абсолютное и неподвижное, вылившееся в определенные и неизменные формы. С точки зрения самых элементарных понятий марксизма такой взгляд не выдерживает даже легкого прикосновения критики. Положение пролетариата в капиталистическом обществе в качестве источника общественных ценностей и эксплуатируемого класса сделало его краеугольным камнем социалистических идей и их носителем, а это значит, что с первых шагов

своей сознательной борьбы за идеалы социализма он этим самым закладывал фундамент социалистической культуры (или культуры пролетарской, что для нас одно и то же). Разница между зародившейся уже в буржуазном обществе пролетарской культурой и культурой социалистического общества не по существу, а по степени развития, объему и окраске. Пока существует классовая борьба, то и развивающаяся пролетарская культура будет сохранять эту классовую окраску, а по существу она также общечеловеческая, как и культура будущего социалистического общества. Я думаю, нет нужды доказывать, что и в социалистическом обществе культура не перестанет развиваться и подвергаться изменениям.

Второй тип противников пролетарской культуры состоит из тех, которые ограничивают объем научного социализма. Они ограничивают его компетенцию пределами только общественных наук. Этот тип противников пролетарской культуры наиболее распространен. Они с убежденностью и жаром будут говорить о пролетарской политике и экономике, но не находят возможности распространять этот взгляд, например, на точные науки, а если вы укажете им на возможность такого мышления, они рассеются вам в лицо. „Почему же это происходит?“—спросит недоуменно читатель. Объясните это можно только особой ограниченностью их мысли, неспособностью последовательно распространять свои мысли на те области, которые выходят из обычного круга мышления. Когда им приходится рассматривать вопрос политического порядка, то они, как марксисты, правильно будут рассматривать его в конкретной обстановке и подходить к нему с практической организационной стороны в интересах пролетариата. Но ту же самую политическую науку можно рассматривать отвлеченно само по себе, как они склонны рассматривать точные науки вне их практического применения, такого рода определение ничуть не будет отличаться от буржуазного и по существу будет правильным. Напр.,—„политическая наука есть учение о системе организации государства“. Но таким определением ни один марксист удовлетвориться не может, несмотря на то что в общем оно правильно. Революционный марксист вынужден будет дать определение, которое ближе подходит к конкретной действительности, напр., определение:—„политическая наука есть учение о классовой системе организации государства“ гораздо ближе к действительности и более приемлемо. Так можно дойти до определения, вполне отвечающего современному сознанию пролетариата.

Совсем другое отношение у этого типа наших критиков, скажем, к математике. Рассматривая ее, или определяя к ней свое отношение, они как-то забывают классовую точку зрения, точку зрения пролетарскую, и склонны ее принимать отвлеченно как таковую, а не в применении к конкретным вопросам общественной действительности. Математика и другие точные науки, как мы уже не раз говорили, важны для нас не сами по себе, а в интересах какого и каким классом они используются. Не даром говорили даже в буржуазном обществе, что наука этого общества является его служанкой. Цель применения науки определяет способ подхода к конкретным задачам практики и влияет на развитие и изменение ее существа. Наши критики делят науки на два разряда—одни общественные, для рассмотрения которых классовая точка зрения является само собой разумеющейся, обычной, и науки технического, прикладного характера, для которых классовая точка зрения как-то не считается необходимой, потому что эти науки прямо и непосредственно не затрагивают классовых интересов. Непоследовательность этого типа наших противников можно только объяснить привычкой обычного мышления в том масштабе, который был установлен нашими учителями научного социализма. Они в свое время не затрагивали этих вопросов и этого рода наук, просто потому, что не было исторической необходимости их затрагивать. Прямая политическая и экономическая борьба исторически заставляла держать фронт борьбы пролетариата в определенном масштабе, и расширять его—значило бы растратывать зря силы. Совершенно иное положение теперь, когда исторический момент диктует

нам необходимость расширить и развернуть фронт борьбы. Наши критики второго типа не удосужились еще подумать, что какая бы то ни была наука сама по себе,—вне конкретных задач она не имеет для нас никакого значения, она привлекается на службу в целях какого-нибудь класса, какой-нибудь организационной практики.

Третий тип наших критиков меньше всего распространен, может быть потому, что он только намечается. Ярким выразителем этого типа является Алексей Гастев¹⁾. Он обнаруживает претензию на научность и экспериментальность подхода к вопросу пролетарской культуры. Теория классовой борьбы для Гастева недостаточна научна, он ее считает слишком упрощенной и элементарной, чтобы строить перспективы пролетарской культуры. Для тов. Гастева недостаточно и философских построений марксизма, от них видите ли, „веет восточной философией“. Не удовлетворяясь теорией классовой борьбы и теорией труда, тов. Гастев полагает, что прощупать путь пролетарской культуры можно только в том случае, если мы займемся тщательным изучением типов индустриального пролетариата и типов не российского отсталого пролетариата, а западно-европейского с его автомобильной, аэропланной и военной промышленностью. Путь развития пролетарской культуры тов. Гастев указывает в изучении тарифно-нормировочной классификации рабочих типов индустриальной промышленности, с ее нормами выработки.

Все указания тов. Гастева были бы чрезвычайно убедительны, если бы, действительно, технические движения, на которые разделяется физический труд, имели решающее значение в развитии пролетарской культуры, пролетарской идеологии. Изучение простых движений в процессе труда рабочего интересно и значительно для развития производства, его технической стороны и административно-организационного управления предприятием, но эти психотехнические данные не будут иметь решающего и определяющего значения в формировании пролетарской культуры. Как ни велико значение развивающейся техники, как ни велико значение на этой почве складывающегося типа производства и форм, типа труда в формировании культуры,—все же это имеет только частичное влияние. Культура определяется, как и идеология, способом производства и положением класса, а вовсе не так просто формируется, как представляется тов. Гастеву. Гастев фетишизирует технику. Не нужно забывать, что жизнь рабочего не ограничивается его профессией, у него есть весьма сложный по своему разнообразию быт вне завода, который определяется классовым положением. Пусть нам покажет тов. Гастев на любую индустриально-развитую страну, где профессии рабочих сколько-нибудь серьезно отражаются на их быте, на их культурном уровне. Совсем другое дело классовое положение в производстве, самые незначительные изменения в этом положении сейчас же отражаются на культурном быте рабочих. Вот пример: при царском режиме на Сормовском заводе по преимуществу работал квалифицированный рабочий. Это обстоятельство определенным образом отражалось и на быте. Когда молодой рабочий хотел от холостой жизни перейти к семейному положению, то будущая жена и ее ближайшие родственники должны были этого жениха купить, дать ему приданое, и кроме того, по установившемуся обычаю, год или больше кормить. Мужчина ценился как единственный работник. Женщина же по характеру производства в Сормове не могла применить своих сил. Совсем другое положение в текстильном районе Москвы. На какой-нибудь фабрике Барановых работали по преимуществу женщины-ткачихи. Мужчин было сравнительно мало, и большинство их занимало такие профессии, которые оплачивались ниже ткачих. От этого увеличивалась ценность женщин и при замужестве мужчина должен был давать приданое будущей жене, а не наоборот. Все это определенным образом сказывалось на положении и быте женщины и ее культурном уровне. Итак, если мы хотим

1) Статья А. Гастева „О тенденциях пролетарской культуры“ помещена в этом № журнала.

серьезно проследить, как складывается культура пролетариата, нужно изучить намекающийся тип производства в целом, определяемое им экономическое положение пролетариата и отражение его на быте. Не отрицая значения техники индустриально-развитого предприятия и новых формирующихся типов профессий рабочих в развитии пролетарской культуры, мы все-таки скажем, что этого одного еще мало. Не надо забывать, что в социалистическом обществе общественно-необходимый труд будет занимать значительно меньше времени, чем теперь, а это значит, что и формирование социалистической культуры будет находиться в зависимости, кроме технического и других факторов, от тех форм экономического положения в обществе, которые сложатся в результате нового социалистического производства.

Несостоятельность наших критиков очевидна и едва ли вызовет серьезные сомнения. В нашем отношении к вопросу пролетарской культуры мы исходим из научного социализма, из его материалистического понимания истории, которое говорит, что способ производства определяет отношение людей и всю их идеологию. Пролетариат по своему положению является носителем социалистической идеологии, а следовательно, и носителем своей пролетарской социалистической культуры. Создание социалистической идеологии и есть те зачатки и фундамент пролетарской культуры, которая по мере роста классового сознания пролетариата и завоевания им политической и экономической власти расширяется в своем объеме и содержании. Переживаемый момент диктатуры пролетариата налагает еще большие обязанности на рабочий класс в смысле сознательного и организованного подхода к вопросу пролетарской культуры. И именно теперь, когда идет ожесточенная борьба за укрепление и расширение власти пролетариата, мы должны выявлять все возможности формирующейся социалистической культуры. Но организованная борьба возможна только в том случае, когда мы создаем условия для проявления творческих сил пролетариата. Это обстоятельство и диктует нам необходимость иметь свою организационную базу, как имеет ее партия в области политической. Странно было бы если бы пролетариат, встав у власти, давал широкую возможность создавать всем слоям населения культурные учреждения лишь бы они были лояльны по отношению к пролетарской власти, а самому пролетарию этой возможности не давал, как этого хотят наши противники. Все посягательства на организационную самостоятельность пролетариата в области культурной со стороны наших же партийных товарищей нам представляется какой-то чудовищной, уродливой ограниченностью мышления, его непоследовательностью. Если бы мы смешали свою организацию со всеми другими слоями населения, из этого получились бы только одни ненужные путевые задержки в культурном развитии пролетариата. Как партия оформливает свою политическую линию внутри своей организации, а потом распространяет ее, воздействуя на все население, так и наши пролеткульты, являясь организационными лабораториями пролетарской культуры в оформленном виде, распространяют ее на все население Советской Республики. Мы знаем, что задача, которую мы перед собой ставим, нелегка; но это не заставит нас от нее отказаться. Кроме преодоления предрассудков буржуазной культуры, которые довольно глубоко проникли в пролетариат, нам еще приходится преодолевать ограниченность и непоследовательность мышления наших товарищей. Но в конечном счете и это не должно нас смущать, логика самой жизни работает за нас и, если наши слова бессильны преодолеть ограниченность и непоследовательность мышления, то факты жизни слишком „упрямая вещь“, чтобы игнорировать их.

Федор Калинин.

Очерки организационной науки.

Основные понятия и методы ¹⁾.

А. Организованность и дезорганизованность.

I.

Первые попытки точно определить, что такое организации, привели к идее *целесообразности*. Понятие организации относилось тогда, конечно, только к живым существам, и исходным пунктом исследования брался отдельный организм. Целесообразное устройство разных его частей и целесообразная их связь не только были очевидны, но при дальнейшем исследовании этот их характер выступал все полнее и глубже, поражал своим совершенством.

Идея целесообразности включает в себе идею цели. Организм, организация имеют свою „цель“ и „сообразно“ ей устроены. Но цель предполагает кого-то, кто ее ставит и реализует, существо сознательно-активное, устроителя, организатора. Кто же именно поставил организму человека, животного, растения те цели, которые достигаются в его жизненных функциях? Кто устроил органы и ткани сообразно этим функциям? Эта вполне естественная для обыденного мышления постановка вопроса немедленно лишала исследование всякой научности, направляла усилия мысли в области метафизики и религии, приводила к понятию личного творца, бога. И до сих пор жрецы всех религий, христианских и не-христианских, в основу „апологетики“, т.-е. теоретической защиты религий, кладут „целесообразность“ устройства живых существ.

С развитием науки, однако, выяснилось, что те соотношения, которые выражаются словом „целесообразность“, могут возникать и называться вполне естественным путем, при отсутствии всякого „субъекта“, сознательно ставящего цели,—что в природе существует *объективная* целесообразность. Она—результат мировой борьбы организационных форм, в которой формы „нецелесообразные“ или „менее целесообразные“ разрушаются и исчезают, „более целесообразные“ сохраняются: процесс естественного подбора. И самое понятие целесообразности оказывается при этом, в сущности, только аналогией или, вернее, метафорой, способной вводить в заблуждение. Ясно, что оно не годится для научного определения организованности.

Попытки формально определить организованность, как гармонию или соответствие частей между собою и с целым, также не решают вопроса; это просто замена слова „организованность“ его синонимами. Надо именно выяснить, в чем заключается это соответствие или гармония; а иначе нет пользы ставить одно обозначение на место другого.

Биологи уже давно характеризовали организм, как „целое, которое больше суммы своих частей“. Хотя, употребляя эту формулу, они сами вряд ли смотрели на нее, как на точное определение, особенно в виду ее внешней парадоксальности,—но в ней есть черты, заслуживающие особого внимания. Она, не включает фетиша—ставящего цели субъекта, и не сводится к тавтологии, к повторению того же другими словами. А ее кажущееся или действительное противоречие с формальной логикой само по себе еще ничего не решает: ограниченность значения формальной логики вполне установлена научно-философской мыслью.

Что, собственно, подразумевалось под словами: „организм есть целое, которое больше суммы своих частей“? В каком смысле или отношении он больше этой суммы? Дело идет, очевидно, об его жизнеспособности, об его силе в борьбе с окружающей средой. В разъединенном состоянии части сколь угодно сложного организма обладают жизнеспособностью либо бесконечно-

¹⁾ Это—вторая статья в ряду „Очерков организационной науки“.

малой, либо настолько пониженной, что сумма ее величин, если бы ее удалось численно выразить, была бы, конечно, гораздо меньше величины, соответствующей живому целому: тело, лишенное руки, и рука, от него отрезанная,—достаточный пример. Но исследовать вопрос на таких сложных системах, как организм, и на таких относительных, трудно измеряемых величинах, как жизнеспособность, всего менее удобно; лучше начать с комбинаций более простых.

Таково, напр., элементарное сотрудничество. Уже соединение одинаковых рабочих сил на какой-нибудь механической работе может вести к возрастанию практических результатов в большей пропорции, чем количество этих рабочих сил. Если дело идет, положим, о расчистке поля от камней, кустарников и корней, и если один человек расчищает в день 1 десятину, то два вместе выполнят за день не двойную работу, а больше, $2\frac{1}{4}$ — $2\frac{1}{2}$ десятины. При 3, 4 работниках отношение может оказаться еще более благоприятным,—до известного предела, разумеется. Но не исключена и та возможность, что 2, 3, 4 работника совместно выполнят менее, чем двойную, тройную, четверную работу. Оба случая всецело зависят от способа сочетания данных сил. В первом случае вполне законно утверждение, что целое оказалось *практически больше* простой суммы своих частей, во втором—что оно *практически ее меньше*. Первое и обозначается, как *организованность*, второе, как *дезорганизованность*.

Итак, сущность этих понятий сводится к сочетанию активностей, взятому с его *практической стороны*; и для полной ясности формулы о целом, которое больше или меньше суммы своих частей, ее надо дополнить этим словом „практически“. Тогда она становится простым выражением несомненного, бесспорного факта. И все-таки с логической стороны некоторая парадоксальность в ней еще остается, по крайней мере, для среднего современного мышления. Оно легко представляет себе, каким образом соединение активностей может уменьшить их практическую сумму; это происходит тогда, когда они друг другу противодействуют, вполне или отчасти друг друга парализуют, уничтожают,—словом, взаимно „деорганизуются“. Но каким образом величины могут соединяться так, чтобы это *увеличивало* их практическую сумму? С первого взгляда, здесь получается какое-то создание из ничего.

В действительности загадка решается просто,—надо только представить организуемые активности вместе с теми *сопротивлениями*, которые они преодолевают. Почему два работника совместно выполняют расчистку поля не в 2, а, напр., в $2\frac{1}{2}$ раза быстрее, чем один? Экономист в ответ на это укажет такие моменты: во-первых, самая совместность работы действует на нервную систему работника оживляющим, ободряющим образом и тем повышает интенсивность труда; во-вторых, соединение двух сил позволяет преодолевать препятствия, каждую из них в отдельности превышающие, а многие препятствия, ее не превышающие, но для нее значительные, осилить гораздо быстрее. Исследуем оба эти момента, начиная со второго, легче поддающегося анализу.

Пусть мускульная сила каждого работника в отдельности позволяет ему поднять и перетащить камень весом в 5 пудов, но не больше. Двое могут справиться с камнем, конечно, не в 10 пудов, а меньше, потому что комбинировать усилия нельзя без потери, т.-е. без некоторой взаимной помехи: эта сумма всегда окажется меньше, чем результат простого сложения; допустим, она равна 9 пудам. В таком случае камень в 8 пудов для одного работника представляет сопротивление либо вообще непреодолимое, либо вынуждающее к изменению метода работы, значит, во всяком случае к значительной лишней затрате энергии и потере времени, напр., на раскалывание камня молотом или на устройство рычага для его передвижения. Координация сил двух работников устраняет непреодолимость или надобность в изменении методов. Если же камень и меньше 5 пудов, но близок к этому пределу, то отдельный работник вынужден применять к нему наибольшее

напряжение, чем резко истощает свои силы, и затрачивает гораздо больше времени, тогда как для двоих этот вес много ниже предельного, они убирают его со средним напряжением и быстро.

Что касается „психического“ влияния сотрудничества, то оно относится к *внутренним* сопротивлениям организма. При труде в одиночку работник все действия предпринимает и выполняет за счет собственной инициативы и собственных стимулов; для каждого нового акта ему приходится вполне самостоятельно настраивать соответственным образом свой нервно-мускульный аппарат. В совместной же работе значительная доля этого процесса приспособления идет за счет подражания, т. е. гораздо более механическим, более автоматическим путем, при котором для подражающего внутренние сопротивления организма значительно меньше. Возбуждающее действие видимой успешности работы также сводится к уменьшению внутренних сопротивлений, и т. п.

В общем, как видим, дело сводится к отношению между организуемыми активностями и теми сопротивлениями, на которые они направлены. Организуемые активности складываются не без потери, так что взятая сама по себе, „абстрактно“, их практическая сумма *меньше*, чем была бы при точном численном их сложении: 5 пудов и 5 пудов дали у нас в результате 9 пудов. Но сопротивления либо совсем не складываются, — восьми-пудовый камень для одного и для двух работников остается того же веса, — либо, если складываются, то менее совершенно, чем организуемые активности; здесь это видно на внутренних сопротивлениях организма, связанных с переменами в направлении усилий: если для каждого при самостоятельном переходе от одного действия к другому такое сопротивление равно a , то для двух вместе оно не $2a$, а, потому что на сцену выступает подражание, и для одного из двух, того, который следует примеру другого, эта величина значительно уменьшается: $a + a$ дает практическую сумму, напр., $1\frac{1}{2} a$ ¹⁾.

Итак, организованное целое оказалось на самом деле практически больше простой суммы своих частей, но не потому, чтобы в нем создавались из ничего новые активности, а потому, что его наличные активности соединяются с меньшей потерей, чем противостоящие им сопротивления. Наш мир есть вообще *мир разностей*; только разности напряжений энергии проявляются в действиях, только эти разности имеют практическое значение. Там, где сталкиваются активности и сопротивления, практическая сумма, воплощенная в реальных результатах, зависит от способа сочетания тех и других; и для целого эта сумма увеличивается на той стороне, на которой соединение более стройно или „гармонично“, включает меньше „противоречий“. Это и означает более высокую организованность.

Иллюстрация из иной области — симбиоз сувойки и зоохлореллы, одноклеточной инфузории с одноклеточной водорослью, которая в ней живет. Первая принадлежит к простейшим животным, потребляет кислород и выделяет углекислоту; вторая — из простейших растений, включает в себе зеленые зерна хлорофилла, за счет энергии солнечных лучей разлагает углекислоту, пользуясь ею как материалом для своих тканей, и выделяет кислород. Таким образом, известная доля активностей, в материальной форме того или иного вещества, теряемая одним участником симбиоза по непригодности для него, приобретает непосредственно другим, и обратно, — следовательно, сохра-

¹⁾ На этой относительной изменчивости сопротивлений основан любопытный и важный практический парадокс. Если A убеждает, а B преследует его, то, в случае *полного* равенства их сил и способностей, второй неизбежно *догонит* первого: A принужден вполне самостоятельно выбирать путь, изменять направление, реагировать на все препятствия; между тем B в той или иной мере может следовать его примеру, затрачивая соответственно меньше энергии.

Тектология полна таких парадоксов, показывающих, насколько не охватывают действительность формальные, отвлеченные понятия, как математическое равенство, логическое тождество, и т. п.

няется в симбиотическом целом. Понятно, что это целое практически располагает большей суммой активностей, чем если бы его части существовали отдельно: образец бесконечно распространенного типа организационных связей.

II.

В предыдущем речь шла об организуемых *активностях* и преодолеваемых ими *сопротивлениях*. Легко убедиться, что это — вполне соотносительные понятия, они выражают одно и то же по существу и на каждом шагу заменяются одно другим. Если две армии, два класса борются между собою, то активности каждой стороны являются сопротивлениями для другой, — дело лишь в точке зрения того, кто обозначает. С точки зрения охотника или наблюдателя, который берет его за центр наблюдаемых фактов, усилия этого охотника представляют активности, а усилия всех животных, на которых он охотится, — сопротивления; но если в центре описания поставить борющееся за свою жизнь животное, то его усилия воплощают активности его организма.

В этом смысле опять-таки нет принципиальных различий в природе, между живым и неживым, сознательным и стихийным, и пр. Прежде в науке существовало понятие о сопротивлении, которое не есть активность, — об «инерции», которая характеризует материю. В настоящее время эта идея отжила. Материя со всей ее инерцией представляется, как самый концентрированный комплекс энергий, т.-е. именно активностей; ее атом — система замкнутых движений, своей скоростью превосходящих все другие в природе. Следовательно, элементы всякой организации, всякого комплекса, изучаемого с организационной точки зрения, сводятся к *активностям-сопротивлениям*.

Самое понятие «элементов» для организационной науки всецело относительное и условное: это — просто те части, на которые, согласно задаче исследования, понадобилось разложить его объект; они могут быть как угодно велики или малы, могут делиться дальше или не делиться, — никаких рамок анализу здесь поставить нельзя. Элементами звездных систем приходится брать гигантские солнца и туманности, элементами общества — предприятия или отдельных людей, элементами организма — клетки, физического тела — молекулы или атомы или электроны, в зависимости от поставленной задачи; элементами теоретической системы — идеи, понятия; психической ассоциации — представления, волевые импульсы, и т. д. Но как только в ходе исследования любой из этих элементов потребуются, практически или мысленно, разлагать дальше, он начинает рассматриваться в качестве «комплекса», т.-е. сочетания, соединения каких-либо элементов следующего порядка, и т. д.

Всякое разложение на элементы, реально выполняемое или только мыслимое, есть, разумеется, дезорганизация. Оно для того ведь и делается, чтобы уменьшить сопротивление вещей нашим усилиям, практическим или познавательным, усилиям, посредством которых мы затем организуем элементы в новые, желательные для нас, сочетания. *Дезорганизованное целое практически меньше суммы своих частей*, — это определение само собою вытекает из предыдущего.

По поводу примера из области сотрудничества уже упоминалось, что общая рабочая сила двух сотрудников может оказаться и меньше суммы их отдельных рабочих сил. Это и есть случай дезорганизации: два работника не помогают, а мешают друг другу. В известной комбинации силы их могут совершенно парализоваться, — когда, напр., они тянут за одну веревку в противоположные стороны: тогда толчок ребенка приведет в движение всю эту систему. Если же силы тянущих выражаются, положим, 10 и 9 пудами, то практическая сумма, определяющая движение системы, равняется 1 пуду вместо 19-ти.

Надо заметить, что полной, идеальной организованности в природе не бывает: к ней всегда примешана, в той или иной мере, дезорганизация. Так, даже наилучшее устроенное сотрудничество не может быть свободно от всяких, хотя бы минимальных, внутренних помех и несогласованностей, наилучшее

конструированная машина—от внутренних трений, и т. п. Иногда на одной и той же системе удается фактически наблюдать все переходные ступени от высшей организованности до глубочайшей дезорганизации,—как это бывает, напр., при постепенно разбурывающейся ссоре между близкими сотрудниками или между супругами.

Естественный магнит,—это, как известно, кусок особой руды, магнитного железняка,—можно значительно усилить, присоединив к нему оправу из мягкого железа, хотя оно само по себе не магнит, или, вернее, активный магнетизм в нем практически бесконечно мал. Этот яркий пример „неорганической“ организованности научная теория объясняет таким образом. Частицы железа сами по себе магниты; но в мягком железе они расположены совершенно беспорядочно, повернуты по всем возможным направлениям, и их магнитные действия взаимно уничтожаются в этом хаосе. Но когда они попадают в достаточно сильное магнитное поле, т.-е. в сферу значительного магнитного действия, имеющего одно определенное направление, то они в большей или меньшей степени поворачиваются, „ориентируются“ по линии этого притяжения, и их собственные действия уже отчасти не уничтожают друг друга, а складываются: оправа становится сама активно-магнитной в целом и усиливает таким образом основной магнит. И здесь дело сводится к более совершенному сложению активностей, при котором они перестают быть взаимными сопротивлениями. Если же сложить два вполне равносильных прямых магнита противоположными полюсами вместе, то их магнитные действия взаимно парализуются, практическая сумма будет близка к нулю—это—дезорганизованная магнитная система.

Чрезвычайно демонстративную и научно-интересную иллюстрацию разбиваемых соотношений представляет интерференция волн, электрических или звуковых, воздушных и всяких иных. Накладываясь одна на другую, они могут усиливать или ослаблять друг друга. Пусть две равных световых волны идут таким образом, что подъем одной в точности совпадает с подъемом другой, и, следовательно, долина с долиною тоже. Тогда общая сила света, от них воспринимаемого, окажется не двойная, а четверная: $1+1$ равняется 4. Если же, напротив, подъем одной вполне сливается с долиною другой, и обратно, то свет и свет вместе дает темноту: $1+1$ равняется нулю. Между этими двумя пределами организованности и дезорганизации лежат все промежуточные и в числе их та идеально-средняя, при которой сила света точно соответствует арифметике: $1+1=2$. Это именно тот случай, когда подъем одной волны наполовину совпадает с подъемом, наполовину—с долиною другой. Здесь соотношения организованности и дезорганизации взаимно уравниваются, и получается *нейтральное* сочетание.

Как видим, только при равновесии противоположных тектологических тенденций священная формула здравого смысла—„дважды два четыре“ осуществляется в самой действительности. Это не мешает ей быть приблизительно верной в массе случаев, потому что организующие и дезорганизующие процессы постоянно сплетаются в нашем опыте,—но именно *приблизительно*. Она вполне точна лишь в предельной, в идеальной комбинации; чем совершеннее способы исследования, тем неизбежнее обнаруживаются отклонения от нее; при достаточной точности анализа никакой случай не оказался бы строго ей соответствующим. Мы, напр., привыкли думать, что вес мешка с картофелем абсолютно совпадает с суммою веса всех картофелин и мешка; но для современного учения об электрической массе, как основе материи, равенство и тут зависит от грубости наших методов: масса зависит от взаимного расположения и относительных движений тех электрических элементов, из которых состоят атомы; а вес, кроме того, и от неравных расстояний между отдельными частями всего комплекса и центром Земли, а также центрами тяжести других окружающих масс.

Разумеется, можно сказать, что два человека и два других человека всегда составляют ровно четыре человека, не больше и не меньше. Но тогда

коренная неточность и условность заключается в том, что реально различные и неравные комплексы — отдельные люди — берутся, как идеально-равные математические единицы, т.е. в самом обозначении заранее отброшены все неравенства и различия. Произвольность этого приема станет сразу ясна, если мы спросим, составляют ли две женщины и два одноклеточных человеческих эмбриона, начинающие развиваться внутри их организмов, действительно четыре человека.

Теория служит для практики, счет существует для реального расчета. И хотя, напр., для армии подбираются человеческие единицы сравнительно однородные по силе и выносливости, однако их число есть весьма недостаточное, само по себе, данное для военных расчетов, хотя бы и приближительных. Опыт французских колониальных войн в Северной Африке показал, что при равном вооружении средний арабский солдат в столкновении один на один не хуже среднего французского; но отряд в 200 французских солдат уже фактически сильнее арабской дружины в 300—400 человек; а войско из 10 тысяч французов разбивает армию туземцев в 30—40 тысяч человек. Европейская тактика дает более совершенное суммирование человеческих боевых сил, и математический счет опровергается на деле. Но как первое приближение для практического расчета, он, конечно, остается полезен и необходим.

В других случаях это первое приближение бывает уже достаточным для обычных потребностей жизни, или даже вообще довольно точным. Во всех случаях, где его удастся установить и применить, его практически-организационное значение огромно. Таков жизненный смысл математики: без нее невозможна была бы ни научная техника, ни вся современная система производства и рынка, ни планомерное ведение современной войны...

Легко заметить, что между математикой и тектологией имеется какое-то особенное соотношение, какое-то глубокое родство. Законы математики не относятся к той или иной области явлений природы, как законы других специальных наук, а ко *всем и всяким* явлениям, лишь взятым со стороны их величин; она, по-своему, универсальна, как тектология.

Для сознания, воспитанного на специализации, самое сильное возражение против возможности всеобщей организационной науки есть именно эта ее универсальность: разве допустимо, чтобы одни и те же законы были применимы к сочетаниям космических миров и биологических клеток, живых людей и эфирных волн, научных идей и атомов энергии?... Математика дает решительный и неопровержимый ответ: да, это вполне допустимо, потому что это уже есть на деле, — два и два однородных отдельных элемента составляют четыре таких элемента, будут ли это астрономические системы или образы сознания, электроны или работники; для численных схем все элементы безразличны, никакой специфичности здесь нет места.

В то же время математика — не тектология, и самое понятие организации в ней не встречается. Если так, что она такое?

Ее определяют, как „науку о величинах“. Величина же есть результат измерения; а измерение означает последовательное прикладывание к измеряемому объекту некоторой мерки, и, очевидно, исходит из той предпосылки, что *целое равно сумме своих частей*. Измерять явление или рассматривать его как величину, т.е. математически, это и значит брать его, как целое, равное сумме частей, как *нейтральный комплекс*. А мы установили, что нейтральный комплекс есть такой, в котором организующие и дезорганизующие процессы взаимно уравновешены.

Итак, математика есть просто *тектология нейтральных комплексов*, определенная, раньше других развившаяся часть всеобщей организационной науки. Она обходилась до сих пор без понятий организации — дезорганизации потому, что ее исходным пунктом являются сочетания, в которых то и другое взаимно уничтожается или, вернее, парализуется.

Во всех естественных науках различаются два отдела: „статика“ — учение о тех или иных формах, взятых в равновесии; „динамика“ — исследование тех

же форм в их движении, в их изменениях. Напр., анатомия и гистология организма это—его статика, физиология—его динамика. Статика повсюду развивалась раньше динамики, а затем сама преобразовывалась под ее влиянием. Между математикой и тектологией, как видим, аналогичная связь: одна выражает организационно-статистическую точку зрения, другая—организационно-динамическую. Эта вторая точка зрения есть и наиболее общая: равновесие всегда только частный случай движения и притом, в сущности, лишь идеальный,—результат вполне равных и вполне противоположно-направленных изменений.

Разумеется, математика исследует и изменение величин, но не касаясь организационной формы тех процессов, к которым они относятся: эта форма предполагается статической, неизменной, а результат всякого такого изменения—новая величина—остается попрежнему нейтральным комплексом, равным простой сумме своих частей. В математический анализ входят и те случаи, когда величины взаимно уничтожают друг друга, вполне или отчасти, т.е. соединяются в смысле дезорганизации, как положительные и отрицательные величины или же как „векторы“; но это—взаимная дезорганизация, все-таки, величин и приводящая лишь к новым величинам,—от нейтральных комплексов к нейтральным¹⁾. Следовательно, эта математическая динамика не есть динамика организационная, не относится к преобразованию организационных форм.

Итак, для тектологии первые, основные понятия, это—понятия об элементах и об их сочетаниях. Элементами являются активности-сопротивления всех возможных родов. Сочетания сводятся к трем типам: комплексы организованные, дезорганизованные и нейтральные. Они различаются по величине практической суммы их элементов.

В. Пути и способы исследования.

I.

Организационная наука характеризуется прежде всего и больше всего своей *точкой зрения*. Отсюда вытекают все особенности ее задач, ее методов и результатов. Различие с другими науками, в их современном виде, выступает уже начиная с самой постановки вопроса.

Здесь следует установить два существенных момента:

Во-1), *всякий* научный вопрос возможно ставить и решать с организационной точки зрения, чего специальные науки либо не делают, либо делают несистематически, полу-сознательно и лишь в виде исключения.

Во-2), организационная точка зрения вынуждает ставить и *новые* научные вопросы, каких не способны наметить и определить, а тем более решить, нынешние специальные науки.

Всего ближе организационная точка зрения, казалось бы, должна быть наукам биологическим и общественным, которые трактуют об организмах и организациях. Однако она там имеется в далеко не осознанном виде, применяется нецелостно и неплановмерно. Поэтому во многих случаях достаточно ее решительного и ясного применения к той или иной задаче, чтобы сразу получилось новое освещение всех раньше известных фактов, а затем и новые выводы, иногда глубоко отличающиеся от прежних решений.

Так, напр., весь огромный вопрос об идеологиях, т.е. формах речи, мышления, права, морали и пр., вопрос, охватывающий обширную область социальных наук, обычно рассматривался вне представления о социальной

¹⁾ Положительные и отрицательные величины—символы движений, направленных *прямо противоположно*; векторы—символы движений, направленных *различно*, как, напр., стороны треугольника. Иди по одной, а затем по другой стороне треугольника, мы придем в тот же самый пункт, куда приведет и третья сторона; это изображается в сложении векторов таким образом, что сумма двух сторон треугольника равна третьей стороне, хотя численно, разумеется, третья сторона всегда меньше суммы двух других. Теория векторов и развившаяся из нее теория кватернионов дает огромные упрощения в задачах о пространстве, силах, с поростях и проч.

организации, как целом, части которого связаны необходимой жизненной связью. Марксизм впервые определенно выяснил эту связь, но не полностью, а лишь частично, одну ее сторону, — зависимость идеологии от отношений производства, как форм вторичных или производных от форм основных. Он оставил без выяснения объективную роль идеологии в обществе, ее необходимую социальную функцию; в организованной системе каждая часть или сторона дополняет собою другие части или стороны, и в этом смысле нужна для них, как орган целого, имеющий особое назначение. В отдельных случаях марксизм подходил к такой задаче, устанавливая, что та или иная идеология служит интересам того или иного класса, закрепляет условия его господства или является его оружием в борьбе против других классов. Но он не ставил вопроса в общей форме и для многих важных случаев брал без критики старые, до-научные формулировки, напр., искусство считал простым украшением жизни, науки математические и естественные вне-классовыми, высшие научные истины — чистыми, не зависящими от общественных отношений. Организационная точка зрения сразу изменила эти понятия, устранила их пестроту и неопределенность, указала действительное и необходимое место идеологии в жизни общества. Это — организующие формы для всей практики общества или, что то же, ее организационные орудия. Они, действительно, определяются в своем развитии условиями и отношениями производства, но не только как их надстройки, а именно так, как формы, организующие некоторое содержание, определяются этим содержанием, приспосабливаются к нему. Вся идеологическая сторона жизни представляется в новом свете, и целый ряд ее загадок разъясняются сравнительно легко¹⁾.

Частная иллюстрация из этой же области: вопрос о происхождении анимизма, т. е. дробления человека и других живых существ, а первоначально и всех вообще объектов природы на „душу“ и „тело“. Прежние теории анимизма даже не касались того факта, что связь „души“ и „тела“ имеет вполне ясный социально-организационный характер, именно соответствует той форме сотрудничества, которую я назвал „авторитарною“: отношение активно-властного элемента и пассивно-подчиненного, руководящего и исполнительского. Между тем, как только вводится в исследование эта сторона дела, сам собою намечается новый путь к решению задачи. Анимизм оказывается перенесенной в мышление организационной формой трудового бытия людей. При этом является возможность до конца объяснить и все исторические судьбы анимизма: почему его не было, как это теперь признается, в самых первых фазах жизни человечества, до развития авторитарного сотрудничества, почему он усиливается в одни эпохи истории, ослабевает в другие, вслед за ростом или упадком этой социальной формы, и т. д. ²⁾.

В политической экономии многие важные вопросы решаются неверно или остаются нерешенными, благодаря неспособности специалистов стать на организационную точку зрения. Яркий пример теории, касающейся законов обмена. Господствующая в старой официальной науке школа „предельной полезности“ исходит из принципов, которые можно назвать прямо-таки „анти-организационными“: она берет за основу субъективное отношение отдельного человека к его личным потребностям, индивидуальную психику с ее колеблющимися оценками полезных вещей. Между тем обмен товаров есть выражение организационной связи между людьми в обществе, как системе производства; и деятельность отдельной психики с ее субъективными оценками сводится к тому, чтобы приспособлять данное лицо с его хозяйством к объективным, от него

¹⁾ Систематический обзор идеологий и их развития, с этой точки зрения, дан в моей работе „Наука об общественном сознании“ (изд. 2-ое 1919 г.). Обзор развития материалистических и позитивных философских учений — „Философия живого опыта“. О классовом искусстве и классовой науке — „Искусство и рабочий класс“, „Социализм науки“ (обе выехи 1918 г.).

²⁾ Эта теория анимизма была впервые намечена мною во 2-м издании „Краткого курса экономич. науки“ (1899 г.). Против нее до сих пор не выдвигалось возражений, на которых стоило бы останавливаться.

независящим, условиям социальной организации. Никакие субъективные оценки не могут изменить для индивидуума даже той цены товара, которую он находит в данный момент на рынке, а тем более—технических условий производства этого товара, являющихся наиболее постоянным моментом в образовании цен.

Теория трудовой стоимости, напротив, исходит из понятия об общественной организации производства и в этом смысле стоит на организационной точке зрения. Но и она до сих пор проводила ее не вполне законченно; между тем полное и формальное доказательство ее правильности достигается только при дальнейших шагах на этом пути. Оно состоит в исследовании того, при каких условиях взаимного обмена отдельные капиталистические предприятия способны поддерживать и развивать свою долю работы в общей системе производства. Оказывается, что именно при обмене на основе трудовой нормы, со строго определенными и косвенно от нее же зависящими отклонениями¹⁾.

Иллюстрацией из области биологии может служить вопрос о происхождении сна. Имеется целый ряд теорий, которые все стремятся выяснить непосредственные условия смены сна и бодрствования в организме. Очень вероятно, что одна из них окажется верной; возможно так же, что правильными частично придется признать несколько из них. Организационная точка зрения, в разной мере, им свойственна, как вообще всем серьезным физиологическим теориям. Особенно это относится к теории М. Дюваля, которая объясняет явления сна амёбовидными движениями клеток мозга: их отростки сокращаются и прерывают связь между нервными центрами; а отсюда отсутствие сознания и все другие симптомы сна. То же можно сказать о взглядах Клиппера, согласно которым сон есть защитительная функция организма, предохраняющая его от истощения. Но даже эти наиболее широкие концепции не включают в себе одной существенной стороны целостно-организационной точки зрения: в них нет понятия об отношении организованной системы к ее изменяющейся среде. А как только эта сторона принимается во внимание, сразу выступает на первый план нечто новое: связь сна с астрономическим циклом дней—ночей у огромного большинства живых существ, и с циклом времен года у той части их, которая подвержена зимней спячке.

И суточный, и годовой цикл означают глубокие периодические изменения общей обстановки жизни на земной поверхности. Свет полной луны в шестьсот тысяч раз слабее, чем свет солнца; а между тем зрение для большинства животных и особенно для высших—главное средство ориентировки в сопротивлениях, возможностях и опасностях среды. Изменяется также температура, влажность и пр. атмосферные условия. Совокупность внешних условий для организма совершенно различна: существо, приспособленное к дневной, имеет все шансы быть неприспособленным к ночной, и обратно; двусторонняя полная приспособленность могла бы явиться только редким исключением. А отсюда вытекает также различие биологической обстановки в ее целом — ночной и дневной жизни животных и растений, чем еще более усиливается неприспособленность каждого отдельного организма либо к дневным, либо к ночным условиям борьбы за существование.

Если, напр., организация человека развивалась в достаточном соответствии с обстановкой дня, то она не могла в той же мере оказаться подходящей для ночи. Так, хотя его глаза заключают специальное устройство для ночного зрения, тем не менее ночью человек видит несравненно хуже, чем днем. Глубокий след ночной беспомощности первобытного человека сохранился в виде инстинктивной боязни темноты у наших детей, обычно принимающей стихийную, судорожную форму „мистического“ страха. Столь же беспомощны

¹⁾ В общих чертах такое доказательство было дано мною сначала в статье „Обмен и техника“ в сборнике „Очерки реалистического мировоззрения“ (1-ое изд. 1903 г., 2-ое 1905 г.). Подробнее и точнее оно развито в 4-м выпуске II тома „Политич. экономии“ А. Богданова и И. Степанова (первые главы).

многие ночные животные днем,—стоит только посмотреть на сову или филина при ярком солнечном свете.

Организму необходима возможно более полная изоляция от этой жизненно-неблагоприятной для него, периодически выступающей обстановки,—изоляция, конечно, тоже периодическая. Такова роль сна. Неподвижность сводит к минимуму общение со средою, перерыв впечатлений освобождает от двигательных реакций на события внешнего мира, со всеми их последствиями. Отсюда астрономические рамки периодов сна: день, ночь, зима. Перелетные птицы достигают изоляции от зимней обстановки громадным воздушным путешествием; медведь не может сделать этого, и потому он ложится спать. Человек достигает того же отоплением своего логовища: в природе разными путями осуществляются одни и те же цели. Благодаря искусственному освещению, человек может отчасти уклониться от суточного цикла; он и вообще спит меньше, чем большинство животных. Однако, в тропических странах для него, как и для многих животных, суточный цикл включает еще один период спячки—после-полуденный, время неприспособленности, зависящей от крайнего зноя.

Это обще-организационное сопоставление „организм—среда“ позволяет, следовательно, решить вопрос о происхождении сна принципиально; исследование же механизма сна, конечно, остается необходимым, но получает руководящую идею.

На деле всего полнее организационная точка зрения проводилась до сих пор именно в науках, которые не употребляют самого термина „организация“: в физико-химических. Она только иначе там обозначается,—именно, как „механическая“ точка зрения. Она исследует всякую систему со стороны как отношений внутри ее между всеми ее частями, так и отношений между нею, как целым, и ее средою, т.-е. всеми внешними системами. Как уже выяснилось, „механизмами“ называются сначала те организованные системы, которые планомерно устриваются самими людьми,—а затем все те системы, строение которых удалось познать и сделать понятным в такой же мере, как познается и понятно строение этих технически создаваемых систем.

Однако и в науках физико-химических вполне осознанное и потому до конца последовательное применение организационной идеи может дать новые постановки вопросов. Так, напр., в современной физике огромный интерес вызывают споры о „принципе относительности“; а его формулировка и исследование всецело основываются на соотношениях между наблюдателями, улавливающими те или иные события, и на условиях сигнализации, позволяющих согласовать их наблюдения. Ясно, что здесь расширяется в организационном смысле понятие физической среды, в него вносятся элементы, прежде не принимавшиеся в расчет, существа исследующие и их взаимоотношения¹⁾.

В общем для нас должно быть очевидно, что организационная точка зрения способна давать новую и ведущую к новым результатам постановку самых различных вопросов познания, какие ставились до сих пор.

¹⁾ Замечу, что нынешние формулировки „принципа относительности“, Эйнштейна и других, какутся мне с организационной точки зрения несовершенными. Они принимают в расчет всегда только *два* наблюдателя и световую сигнализацию между ними. Так как непосредственная световая сигнализация невозможна, если наблюдатели удаляются друг от друга быстрее, чем со скоростью света,—луч сигнала от одного не может тогда догнать другого,—то признается, что относительная скорость тел всегда меньше скорости света; и эта последняя является уже *абсолютным* предельном скоростей. Между тем стоит ввести в систему согласования третьего наблюдателя, как посредника между двумя, и получается уже иное. При распаде радиоактивных тел некоторые бета-частицы, т.-е. электроны, летят со скоростью, близкой к скорости света, напр. 285 тысяч километров в секунду (свет—300 тысяч км/сек.). Для наблюдателя, помещенного посредине между двумя такими бета-частицами, летящими в противоположные стороны, должно быть вполне ясно, что они удаляются друг от друга со скоростью 570 тысяч километров, т.-е. быстрее скорости света. Если на той и другой—представить себе особые наблюдателей, то прямая сигнализация между ними, конечно, немисляма; но при посредстве первого, находящегося между ними, они могут вступить в связь и установить свои взаимоотношения, в том числе—узнать, что удаляются друг от друга быстрее, чем со скоростью света.

II.

Организационная точка зрения порождает также постановку вопросов, которые не могли ставиться отдельными, специализированными науками и которые, однако, должны быть признаны вполне научными вопросами. Это как раз те, которые относятся к единству организационных методов в природе, во всякой практике и всяком познании.

Имеются, положим, такие научные факты. Глаза каракатицы или осьминога представляют величайшее сходство строения с глазами высших позвоночных, напр., человека. Те и другие—аппараты гигантской сложности, с сотнями миллионов элементов, высоко дифференцированных и стройно связанных между собою. Однако можно считать несомненным, что те и другие развились совершенно независимо, на двух далеко разошедшихся ветвях генеалогического дерева жизни; у общих предков человека и спрута не могло быть глаз в нашем смысле слова,—самое большое, пигментные пятнышки в наружном слое тела, для усиленного поглощения лучей. Независимость происхождения как бы специально подчеркивается тем обстоятельством, что слои воспринимающей свет сетчатки расположены у высших моллюсков в порядке, обратном расположению однородных с ними слоев у высших позвоночных. Это—одно из самых чудесных совпадений в природе.

Может ли биология, как специальная наука, поставить и решать вопрос о причинах такого совпадения, и такой степени совпадения? Имеется общее положение о том, что сходные функции ведут к развитию аналогичных органов. Но понятие об „аналогии“ ничего не говорит о возможности такого поразительного совпадения; „аналогичны“, напр., роговая верхняя кожица человека, хитинная оболочка насекомого, известковая раковина моллюска, и т. п. Биология может проследить две линии исторического развития, ряды переходов, приведшие от простого скопления пигмента независимыми путями к архитектурно тождественным оптическим аппаратам, в миллионы раз более сложным, чем наши микроскопы и телескопы; но самая обособленность обеих линий исключает возможность ответа относительно причин совпадения их определенных результатов.

Биология на самом деле и не ставила вопроса в такой форме, хотя прошло уже больше шестидесяти лет со времени исследований Бабухина над глазами головоногих. Но с организационной точки зрения он должен быть поставлен. Это частный случай вопроса об единстве организационных методов в природе. И его научное решение должно быть достигнуто на основе анализа и обобщения организационного опыта.

В физико-химических науках существует „закон равновесия“, формулированный Ле-Шателье. Он говорит о том, что системы, находящиеся в определенном равновесии, обнаруживают тенденцию сохранять его, оказывают внутреннее противодействие силам, его изменяющим. Напр., пусть в сосуде находится в равновесии вода и лед при 0° С и нормальном давлении атмосферы. Если сосуд нагревать, то часть льда тает, поглощая теплоту и продолжая таким образом поддерживать прежнюю температуру смеси. Если увеличить внешнее давление, то часть льда опять-таки превращается в воду, занимающую меньше объема,—что ослабляет повышающееся давление. Другие жидкости, в противоположность воде, при замерзании не увеличиваются в объеме, а уменьшаются; они при тех же условиях смеси, при повышающемся давлении, проявляют обратное изменение: часть жидкости замерзает; давление, очевидно, так же ослабляется этим, как и в предыдущем случае. К растворам, химическим реакциям, движениям тел принцип Ле-Шателье применяется на каждом шагу, позволяя в самых различных случаях предвидеть системные изменения.

Но тот же закон, как показывают многие наблюдения, применим и к находящимся в равновесии системам биологическим, психическим, социальным. Напр., человеческое тело на внешнее охлаждение отвечает тем, что усиливает

внутренние окислительные и иные процессы, вырабатывающие его теплоту; на перегревание—тем, что повышает процессы испарения, отнимающие теплоту. Нормальная психика, когда в силу внешних условий для нее уменьшается количество ощущений, напр., когда человек попадает в тюрьму, как бы возмещает этот недостаток, усиливая работу фантазии, а также развивая внимание к мелочам; напротив, при перегрузке впечатлениями понижается внимание, направленное на частности, и ослабевает деятельность фантазии, и т. п.

Ясно, что вопрос о всеобщности закона Ле-Шателье не может быть поставлен и систематически исследован никакой из специальных наук,—физикой нет дела до психических систем, биологией—до неорганических, психологией—до материальных. Но с обще-организационной точки зрения вопрос, очевидно, не только вполне возможен, а совершенно неизбежен.

Обычно такие вопросы называют „философскими“. В этом названии скрываются две идеи. Первая—именно та, что эти вопросы не подлежат ведению специализированных наук; она вполне правильная. Вторая—та, что эти вопросы не имеют строго научного характера, не исследуются вселюдьми научными методами, а какими-то особыми, „философскими“. Она должна быть отвергнута.

III.

Итак, организационная точка зрения, применяемая сознательно и целостно, приводит, с одной стороны, к измененной постановке вопросов частных наук, с другой стороны, к новым научным вопросам, выходящим за пределы этих наук. Какими же методами должно выполняться исследование тех и других?

Методами обще-научными, которые выработаны, главным образом, в естествознании. Они, в существенном, одинаковы для всех наук, и варьируются лишь в частности применения; чем дальше развиваются науки психологические и общественные, до сих пор сравнительно отсталые и менее точные, тем более их методы приближаются к методам естествознания. Поэтому, не предвещая будущего развития, следует принять, что организационная наука должна исходить из этих общих методов, стремясь к возможно строгому и точному их приложению, изменяя приемы и способы этого приложения по мере выясняющейся на деле надобности.

Индукция, ведущая от частных фактов к обобщениям все более и более широким вплоть до универсальных, представляет три основные формы: *обобщающе-описательную, статистическую и абстрактно-аналитическую*. Все они применимы, конечно, и к явлениям организации—дезорганизации.

Что касается обобщающих описаний, то можно заранее заметить, что они в организационной науке должны отличаться своим тяготением к „отвлеченности“ в гораздо большей мере, чем обобщения специальных наук. Описание организационных фактов стремится охватить отношения всевозможных элементов, а значит и отвлечься от всяких элементов; описание же, выполняемое специальными науками, всегда имеет в виду те или иные определенные элементы, и не может от них отвлечься. Напр., даже самая широкая из этих наук, физико-химия, исследует соотношения „тел“ или „физических вещей“; ее описания всегда характеризуют эти „тела“ или „вещи“, их связи и комбинации; но они совершенно не касаются, напр., представлений в человеческой психике, или идей в человеческом обществе, с их связями и комбинациями. Тектология же ставит постоянно своей задачей перейти эти рамки; и обобщение только тогда оформлено в ее смысле, когда оно в равной мере выражает связи или комбинации как тел, так и представлений, идей, и пр. Перед тектологией, как перед математикой, ее раньше развившейся частью, все явления равны, все элементы безразличны. Те немногие обобщения опыта, из которых исходит математика, универсально-общие, но и максимально-отвлеченны. Тектология организованных и дезорганизованных комплексов должна будет выработать, конечно, гораздо больше обобщений, чем „тектология нейтральных сочетаний“, т. е. математика,—но такого же типа. Путь к их выработке наиболее длинный и сложный, неизбежно представляющий ряд этапов, на которых обобщение связывается

еще с теми или иными элементами, как и в специальных науках; разница та что заранее поставлена цель устранить это ограничение, найти такую формулировку, которая подходила бы и ко всяким другим элементам.

Статистический метод включает, как известно, количественный учет фактов и подсчет их повторяемости. Количественный учет явно подразумевается в самом определении „организованности“ и „деорганизации“: только тогда, когда он произведен, можно сказать, действительно ли целое практически больше или меньше в каком-нибудь определенном отношении, чем простая сумма его частей, и насколько. Подсчет же того, насколько часто повторяются те или иные сочетания, здесь должен играть роль, надо полагать, главным образом, на низших стадиях исследования, пока оно еще не вышло из пределов группы частных, конкретных фактов. Было бы странно и едва ли целесообразно подсчитывать частоту, напр., централистической формы организации в строении неорганических систем, живых существ и психических комплексов, социальных, идейных группировок, и т. п. Впрочем, приблизительные оценки, в смысле особенной частоты или редкости тех или иных комбинаций, могут и тут иметь свое значение.

Высшие ступени исследования достигаются методом абстрактно-аналитическим. Он устанавливает *основные законы* явлений, выражающие их постоянные тенденции. Средством для этого служит „абстрагирование“, т. е. отвлечение, удаление осложняющих моментов; оно обнаруживает в чистом виде основу данных явлений, т. е. именно ту постоянную тенденцию, которая скрыта под их видимой сложностью. Абстрагирование выполняется иногда реально, как это бывает в точных „экспериментах“ естественных наук; иногда же только идеально, т. е. мысленно, чем в огромном большинстве случаев приуждены ограничиваться науки социальные. Напр., когда физики исследовали превращение механического движения в теплоту, они старались с помощью специальных аппаратов устранить всякие потери получающейся теплоты за пределы точного контроля и всякий ее случайный приток извне; или, что равносильно тому же, они стремились установить полное равновесие таких потерь и такого притока. Этим способом они воспроизводили явление „в чистом виде“, т. е. реально упрощали его, освобождая от усложняющих моментов, делали доступной наблюдению его основу—в научном, а не метафизическом смысле, разумеется,—и находили ее закономерность: определенное количество механического движения переходит в определенное, строго пропорциональное ему, количество теплоты.

Точно так же химики, отыскивая законы соединений между веществами, стараются получить исследуемые вещества в чистом виде, на деле „отвлекая“ от них всякие примеси путем разных процессов разложения или „анализа“; а затем, вызывая реакции между этими „абстрагированными“ веществами, систематически устраняют или нейтрализуют все побочные, затемняющие основу явления, моменты, напр., уход образующихся газообразных продуктов из поля наблюдения, и т. под. На примере химии особенно ясно, почему абстрактный метод называется также „аналитическим“: сущность его заключается именно в разложении, в анализе сложных объектов и сложных условий, и в оперировании с упрощенными объектами и упрощенными условиями, как результатами анализа.

Легко видеть, что, напр., астрономы находятся в ином положении, чем физики или химики. Наблюдая запутанные движения какой-нибудь планеты или кометы на небесном своде, они лишены возможности реально анализировать это движение, на деле упрощать его, устранять такие усложняющие условия, как, положим, движение самой Земли с ее обсерваториями, как пертурбации от притяжения разных других космических тел, как неравномерное преломление лучей в атмосфере, и т. под. Тем не менее без упрощения, абстрагирования исследовать сколько-нибудь точно и здесь нельзя; оно и выполняется, но не в реальном эксперименте, а мысленно. Один за другим, привходящие моменты устраняются в расчетах и вычислениях, пока

не останется основа исследуемого—орбита планеты или кометы по отношению к центру системы, для нас обычно—Солнцу. Самое начало новейшей астрономии лежит в могучем усилии абстрагирующей мысли Николая Коперника, который нашел главный усложняющий момент видимого движения планет в движении самой Земли и сумел „отвлечь“ его, идеально поместив наблюдателя на Солнце. Это был первый шаг астрономического абстрагирования; затем уже легче было находить и устранять анализом другие составляющие наблюдаемых астрономических фактов.

В общественных науках, при колоссальной сложности их предмета, реальный упрощающий эксперимент возможен разве лишь в исключительных до сих пор случаях. Поэтому и здесь решающая роль принадлежит мысленной абстракции, образцы которой дала сначала буржуазная классическая экономия, а затем, в гораздо более совершенной и обоснованной форме—исследования Маркса¹⁾.

В какой форме должна применять абстрактный метод организационная наука? Ответ дают факты. Дело в том, что хотя этой науки формально еще не существовало, но организационные эксперименты уже имеются.

Известны опыты Квинке и особенно Бючли над „искусственными клетками“. Они готовились путем составления коллоидных смесей, по своему физическому, но не химическому строению подходящих к живой протоплазме; и в них удавалось воспроизвести главнейшие двигательные реакции одноклеточных организмов: передвижение посредством выпускаемых ложноножек, наподобие амёб; захватывание и обволакивание твердых частиц, копуляция, и т. под. К какой области науки следует отнести эти опыты? К биологии? Но ее предмет—живые тела, жизненные явления, которых здесь нет. К физике коллоидных тел? Но весь смысл и цель опытов лежат вне ее задач: дело идет о новом освещении, новом истолковании процессов жизни. Ясно, что опыты эти принадлежат той науке, задачи и содержание которой охватывают одновременно то и другое,—науке об общем строении живого и неживого в природе, об основах организации всяких форм. Перед нами эксперимент, в котором от жизненной функции „отвлекается“ как раз то, что мы привыкли считать собственно „жизнью“, все специфически-частное в ней, и остается только ее общее строение, основа ее организации.

Старинный эксперимент Плато, путем вращения жидкого шара в уравновешивающей его среде (другой жидкости, того же удельного веса), воспроизводит картину колец Сатурна. Опять-таки, из какой это научной области? Ни гидромеханика, ни космогония не могут с полным правом присвоить себе этот опыт, относящийся к вопросам основной архитектуры мира. Он, по существу и полностью, принадлежит организационной науке.

То же можно сказать об опытах Майерса, выяснявшего возможное равновесие электронов в атоме посредством электромагнита и плавающих маленьких магнитов или токов.

На этих иллюстрациях видна главная особенность применения абстрактного метода в тектологии. В опытах, напр., Бючли, или идущих по тому же пути опытах Румблера, Геррера, Ледюка, Леманна и других, от жизненного явления реально отвлекается его „биологический“ материал; но затем надо еще мысленно отвлечься и от того материала, на котором эксперимент воспроизводится. Реальное абстрагирование необходимо дополняется мысленным.

Еще чаще, разумеется, тектология принуждена будет ограничиваться одним мысленным абстрагированием.

Таковы индуктивные пути, на которых организационная наука должна вырабатывать свои обобщения и законы. Дальше начинается роль дедукции, которая прилагает и комбинирует эти добытые результаты для получения новых теоретических, а также и практических выводов. Можно заранее пред-

¹⁾ Более элементарные и частью более подробные разъяснения о трех фазах индуктивного метода даны в „Политич. экономии“ А. Богданова и И. Степанова, т. 1, стр. 5—11 (2 изд.) и в „Науке об обществ. сознании“ А. Богданова, стр. 10—21 (2 изд.).

видеть, что эта роль окажется огромна. В математике—тектологии нейтральных сочетаний—она так подавляюще-велика, что совершенно заслонила для большинства мыслителей опытную, т.-е. индуктивную основу этой науки. В тектологии организованных и дезорганизованных комплексов такая основа должна быть гораздо шире: „нейтральное“ соединение, т.-е. равновесие организующих и дезорганизующих моментов, все же лишь частный случай, и притом чрезвычайно упрощенный случай, до крайности облегчающий дедукцию. В общей тектологии, следовательно, соотношение индукции с дедукцией не может быть таким неравномерным. Как наука универсальная, она должна в полной мере и с наибольшей стройностью объединять в себе обще-научные методы.

С. Отношение тектологии к частным наукам и к философии.

Как было выяснено, и вопросы специальных наук могут ставиться с обще-организационной точки зрения, т.-е. „тектологически“. Эта точка зрения всегда шире и потому способна, по крайней мере, в некоторых, а может быть, и во всех случаях приводить к результатам более полным или более точным. Опыт всех наук показывает, что решение частных вопросов обычно достигается лишь тогда, когда их предварительно преобразуют в обобщенные формы; и при этом вместе с первоначально поставленным решается масса других, однородных вопросов. Так, если бы кто-нибудь поставил своей задачей выяснить расстояние от Земли до Луны и ограничился этими рамками, он никогда и ни к чему не пришел бы; но решение более общей задачи—как найти расстояние предмета, не подходя к нему—дало сразу путь к решению и данной частной задачи, и бесчисленного множества других. Основное значение тектологии—в самой общей постановке вопросов.

Отсюда легко устанавливается отношение тектологии к специальным наукам: *объединяющее и контролирующее*. Весь их материал и все добытые ими результаты законно принадлежат ей, как основа ее работы; все их обобщения и выводы подлежат ее проверке со стороны своей точности и полноты, поскольку на той и другой может отразиться относительная узость точки зрения.

Методы всех наук для тектологии—только способы организации материала, доставляемого опытом; и она исследует их в этом смысле, как и всевозможные методы практики. Ее собственные методы не составляют исключения: они для нее—такой же точно предмет исследования, тоже организационные приемы, не более. Так называемую „гносеологию“, или философскую теорию познания, которая стремится исследовать условия и способы познания не как жизненного и организационного процесса в ряду других, а отвлеченно, как процесса, по существу отличающегося от практики, тектология, конечно, отбрасывает, признавая это бесплодную схоластику.

Тектология не следует смешивать с философией. Философия при своем зарождении была просто совокупностью тогда еще не разбедненного по специальностям научного знания, связанного наивными обобщающими гипотезами. В эпоху специализации наук она является надстройкой над научным знанием, выражающей стремление человеческой мысли к единству. Но она тем меньше могла его достигать на деле, что сама распалась, соответственно основному разрыву социальной жизни, на теоретическую и практическую ветви. И та и другая коренным образом отличаются от тектологии.

Практическая философия имеет в виду общее моральное руководство поведением людей. Для тектологии мораль—только предмет исследования, как организационная форма в ряду других; моральные связи людей она рассматривает с той же точки зрения, как связи клеток организма, частей машины, электронов в атоме, и т. под. Она так же чужда морали, как математика.

Философия теоретическая стремилась найти единство опыта, и именно в форме какого-нибудь универсального объяснения. Она хотела дать картину

мира, гармонически-целостную и во всем понятную. Ее тенденция—созерцательная. Для тектологии единство опыта не „находится“, а *создается*, активно-организационным путем: „философы хотели объяснять мир“, а суть дела заключается в том, чтобы изменить его“, сказал великий предшественник организационной науки, Карл Маркс¹⁾. Объяснение организационных форм и методов тектологией направлено не к созерцанию их единства, а к *практическому овладению* ими.

Философские идеи отличаются от научных тем, что не подлежат опытной проверке; напр., „философский эксперимент“ есть совершенно неестественное сочетание понятий. Для тектологии постоянная проверка ее выводов на опыте обязательна: организационные законы нужны прежде всего для того, чтобы их применять; и тектологические эксперименты не только возможны, но, как мы видели, уже существуют. Здесь коренное различие особенно ясно.

В своей объединительной работе философия не раз предвосхищала широкие научные обобщения; самый яркий пример—идея неунничтожаемости материи и энергии. В этом смысле философия является и предтечей тектологии. Такие философские концепции, как диалектика или как учение Спенсера об эволюции, имеют скрытый и неосознанный, но несомненный тектологический характер. Поскольку они будут исследованы, проверены и организационно-истолкованы, они войдут в новую науку, а вместе с тем потеряют свой философский характер. Вообще, по мере своего развития тектология должна делать излишней философию и уже с самого начала стоит *над* нею, соединяя с ее универсальностью научный и практический характер. Философские идеи и схемы для тектологии—предмет исследования, как всякие иные организационные формы опыта.

Тектология—всеобщая естественная наука. Она еще только зарождается; но так как ей принадлежит весь организационный опыт человечества, то ее развитие должно стать стремительно-быстрым, революционным, как она сама революционна по своей природе.

А. Богданов.

Ч. Дарвин и К. Маркс²⁾.

(Канун шестидесятых годов, 1859 год).

Мне приходилось уже ранее указывать на то, что наша „эпоха возрождения“—шестидесятые годы совпали с периодом совершенно исключительного подъема естествознания в Западной Европе и находились под его благотворным влиянием³⁾. Позднее я имел случай подробнее остановиться на совершенно исключительном значении в истории науки кануна шестидесятых годов, этого 1859 года, обратившего на себя внимание по совпадению двух великих открытий одного в области теории—*дарвинизма*, другого в области экспериментального метода—*спектроскопии*⁴⁾. Полувековой юбилей этих двух событий был своевременно отмечен всем ученым миром, но ни мною и, если не ошибаюсь, никем другим не было замечено совпадение, придающее этому году еще более широкое значение. Руководясь известным правилом: „лучше поздно, чем никогда“, попытаюсь теперь, по истечении нового десятилетия, пополнить этот пробел.

¹⁾ Один из его 11 тезисов по поводу Фейербаха.

²⁾ Редакция помещает статью К. А. Тимирязева, члена Социалистической Академии, как интересную попытку сблизить две совершенно различных области познания, естествознание и экономику, и найти в них единый организационный принцип, каковая задача в области науки и стоит перед пролетариатом.

³⁾ См. статью „Пробуждение естествознания в третьей четверти XIX столетия“ в Истории России в XIX столетии, изд. товарищества бр. Грассе.

⁴⁾ См. статью „Год итогов и поминок“. „Вестник Европы“, 1910 г.

В 1859 году появилось не только „Происхождение видов Дарвина“, но и „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“ Маркса¹⁾. Это не простое только хронологическое совпадение; между этими двумя произведениями, относящимися к столь отдаленным одна от другой областям человеческой мысли, можно найти сходственные черты, оправдывающие их сопоставление, хотя бы в форме этого краткого очерка. Как заключительная страница книги Дарвина, так и замечательная, блестящая пятая страница предисловия книги Маркса представляют поразительные по своей ясности и лаконичности итоги основного хода их идей. Как первая была завершением более чем двадцатилетней деятельности Дарвина, так и вторая была, по собственному признанию Маркса, „путеводной нитью“ для последовавшей более чем двадцатилетней его деятельности, прерванной только его смертью, еще в полном расцвете его умственных сил. Остановившись на белгой параллели этих двух произведений, которые оставили глубокий след в истории девятнадцатого и начинающегося двадцатого века, — конечно, оставят его и в последующих веках.

О Дарвине говорили, что он — „величайший революционер в современной науке, или, вернее, в науке всех времен“ (Уотсон), что „отрадно было видеть, как из затихшей своей скромной рабочей комнаты в Дауне он приводил умы всех мыслящих людей в такое движение, которому едва ли найдется второй пример в истории“ (Рейлей). О том революционном движении, которое, исходя из убогой каморки в Дин-Стрите (в Лондоне) охватило не только „сознание“, но и „бытие“ всего человечества, излишне распространяться в переживаемый момент, какого уже, несомненно, не знала история.

В чем же заключалась общая сходственная черта этих двух революций, одновременно проявившихся в 1859 году? Прежде всего в том, чтобы всю совокупность явлений, касающихся в первом случае всего органического мира, а во втором социальной жизни человека, и которые теология и метафизика считали своим исключительным уделом, изъять из их ведения и найти для всех этих явлений объяснение, заключающееся „в их материальных условиях, констатируемых с точностью естественных наук“²⁾.

Как Дарвин, усомнившись в пригодности библейского учения о сотворении органических форм, к которому так или иначе прилаживалась теологически, или метафизически настроенная современная ему наука, нашел действительное объяснение для происхождения этих форм в „материальных условиях“ их возникновения, так и Маркс, как он сам пояснил, усомнившись в гегелевской метафизической „философии права“, пришел к послужившему ему „путеводной нитью“ во всей его последующей деятельности выводу, что „правоотношения и формы государственности необъяснимы ни сами из себя, ни из так называемого человеческого духа, а берут основание из материальных условий жизни“. Оба учения отмечены общей чертой искания начального исходного

¹⁾ Что касается меня, то этот пробел объясняется очень просто. К стыду моему, я должен признаться, что с содержанием замечательного предисловия к этой книге я ознакомился уже после 1909 г. из статьи В. И. Ильина (Ленина) в XVIII томе Энциклопедии бр. Гранат. В утешение себе могу сказать, что зато с „Капиталом“ я ознакомился, вероятно, один из первых в России. Это было так давно, что Владимир Ильич тогда еще не родился, а Шехавцов, которого многие наши марксисты считают своим учителем, было всего десять лет. Осенью 1867 года проездом из Симбирска, где я производил опыты по плану Д. И. Менделеева, я заехал к П. А. Ильенкову, в недавно открытую Петровскую Академию. Я застал П. А. Ильенкова в его кабинете-библиотеке за письменным столом; перед ним лежал толстый, снежный немецкий том с еще заложенным в него разрезальным ножом; это был первый том „Капитала“ Маркса. Так как он вышел в конце 1867 года, то, очевидно, это был один из первых экземпляров, попавших в русские руки. Павел Антонович тут же с восхищением и свойственным ему умением прочел мне чуть не целую лекцию о том, что уже успел прочесть; с предшествовавшей деятельностью Маркса он был знаком, так как провел 1848 год за границей, преимущественно в Париже, а с деятельностью пионеров русского капитализма — сахароваров был лично знаком и мог иллюстрировать эту деятельность и лично знакомым ему, и примерами. Таким образом, через несколько недель после появления „Капитала“ профессор химии недавно открытой Петровской Академии, уже был одним из первых распространителей идей Маркса в России.

²⁾ „Zur Kritik der Politischen Oekonomie“. S. V.

объяснения исключительно в „научно изучаемых“, „материальных“ явлениях, что у Маркса определенно выразилось в обозначении всего его научного направления словами: „Экономический материализм“ и „Экономическое понимание истории“. Способ производства материальной жизни и определяет тот „реальный базис“, на котором возвышаются „как надстройки“ „все юридические, политические, религиозные, художественные, философские, выражаясь кратко,—идеологические формы“. Но „на известных ступенях своего развития эти материальные производительные силы общества вступают в столкновение с ранее существовавшими производственными отношениями“, и эти последние „из форм развития производительных сил превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции. С этой переменой экономической основы рушится и вся громадная ее надстройка“. Я продолжаю эти цитаты классических афоризмов Маркса вплоть до слова *революция*, потому что вокруг него чаще всего вертится спор об отношении учения Дарвина к учению Маркса. Говорят, дарвинизм, это учение об эволюции, а эволюция, будто бы, прямая противоположность революции. У Дарвина слово революция не встречается и, вероятно, потому, что в биологии это слово вызывало еще свежее воспоминание о *Revolutions du globe* Кювье, под которой разумелись вымышленные геологами катаклизмы, совершавшиеся будто бы с быстротой какой-нибудь театральной чистой перемены декораций и сопровождавшейся исчезновением целых населений земли и сотворением новых. Но зато у единственного унаследовавшего качества своего отца сына Дарвина, Джорджа—известного астронома,—мы встречаем подробное развитие мысли о научной, гомологической связи (а не простой риторической только аналогии) между понятиями о революции, как в сфере явлений политических так и в сфере явлений космических и просто механических ¹⁾.

В своих объяснениях и Дарвин и Маркс исходили из фактического изучения настоящего, но первый, главным образом, для объяснения темного прошлого всего органического мира, Маркс же, главным образом, для предсказания будущего, на основании „тенденции“ ²⁾ настоящего, и не только предсказания, но и воздействия на него, так как, по его словам, „философы занимаются тем, что каждый на свой лад объясняют мир, а дело в том, как его изменить“. Но и здесь следует сделать оговорку—указать, что Дарвин, дав не „свое“ философское, а основанное на изучении действительности объяснение, заставил людей обратить внимание на тот процесс созидания новых органических форм (искусственным отбором), которым они пользовались полусознательно, помог довести его до тех изумительных результатов, до которых он доведен, например, Бербанком ³⁾—этим современным рабочим-чудотворцем, творцом новых органических форм.

Основными исходными материальными факторами, определяющими историческое развитие человечества, Маркс признает факторы экономические, все остальное является „идеологической надстройкой“. Главным фактором развития органических форм Дарвин признает исторический процесс, метафорически названный им „естественным отбором“ (Элиминация Огюста Конта) и вытекающий из закона перенаселения, обыкновенно называемого законом Мальтуса. Это, как известно, ставилось Дарвину в укор Чернышевским и особенно Дюрингом, но предъявлявшие это обвинение, очевидно, не знали или забыли, что сам Мальтус заимствовал свой закон у натуралистов, применявших его уже ранее к растениям и животным (Линней, Франклин). Но в чем же заключается

1) См. мою статью „Кэмбридж и Дарвин“. Добавляю, что, развивая эту мысль о научной закономерности явления революции,—мысль, конечно, не рассчитывавшую на сочувствие буржуазной английской аудитории, Джордж Дарвин умышленно сделал оговорку: „человек, который поспит имя Дарвина, высказывая суждение об эволюции, должен сознавать всю ответственность, которую при этом берет на себя“.

2) Э. Бернштейн напрасно глумится над этим выражением Маркса.

3) О деятельности Бербанка см. мой перевод книги Гарвуда. Обновленная земля,—и слово Бербанк в энциклопедии бр. Гранат.

это явление естественного отбора? В приспособлении организмов к условиям их существования; в нем, как объясняет Дарвин на первых же страницах своей книги, заключается ключ к пониманию органического мира, объяснение его основной загадки. Это слово „приспособление“ стало лозунгом современной биологии; биологу становилось понятным только то, что приспособлено, потому что ему становилось понятным его историческое происхождение. Геккель, мастер на составление новых названий, для всей этой области биологии, изучающей явления приспособления, предложил новое название—*экология*. Этому слову, повезло особенно в Америке, где, например, рядом с физиологией растений утвердилась новая наука *экология*¹⁾. Но это слово происходит от того же греческого корня, как и *экономика*, *экономиста*. Вместо того, чтобы придумывать новые слова, не лучше ли было сохранить старое, указывающее на полное сходство понятий. Поэтому я уже несколько лет тому назад предложил назвать эту часть ботаники просто—*экономикой растений*²⁾. Таким образом и у Дарвина и у Маркса мы встречаемся с полным сходством исходных факторов изучаемых ими исторических процессов, проявляющихся даже в полном тождестве их словесного обозначения. И здесь и там мы встречаемся с экономическим использованием условий своего существования.

Но сходство этим не ограничивается; оно распространяется и на ближайшие продукты этого экономического процесса. По Марксу, на первых же стадиях развития деятельность человека, при переходе его от животного, выразилась в изобретении орудий производства: „изготовление рабочих орудий... специфически характеризует человеческий процесс труда... вот почему Франклин определяет человека как: а *tool making animal*, т.-е. как животное, изготавливающее рабочие орудия труда“³⁾. К. Каутский, передавая эту мысль Маркса, пользуется свойствами немецкого языка для удачной игры слов; животные могут *finden* (находить) орудия в природе, и только человек умеет их *erfinden* (открывать, изобретать). Рутерфорд в одной из своих последних речей очень наглядно изобразил эти первые ступени человеческой изобретательности: дело сводилось к последовательному сосредоточению того же запаса энергии в наименьшем пространстве,—дубина обрушивалась на более или менее значительную поверхность, топор или нож уже ограничивали действие одной линией и, наконец, копье или стрела сосредоточивали его в одной точке.

Но в чем же состоял процесс приспособления животных и растений к условиям их существования, как не в выработке органов, т.-е. орудий?⁴⁾ И здесь опять простое словесное сближение делает это очевидным. В былое время, еще в начале XIX века, русские ученые организмы, организованные тела называли телами „орудийными“. К объяснению, почему живые существа являются телами орудийными—организмами, сводилась по Дарвину главная задача естествоиспытателя, желавшего себе объяснить их происхождение. Уже в первом дошедшем до нас наброске его теории он говорит: „Мы должны смотреть на каждый сложный механизм или инстинкт, как на длинный исторический итог полезных приспособлений, подобный произведениям искусства“⁵⁾. Следовательно основой для Дарвина объяснения происхождения органических форм и Марк-

¹⁾ Друде, автор одного из новейших немецких руководств по экологии, идет еще далее и предлагает для общей среды, как обиталища растения, термин того же греческого словопроизводства *экумен*, понимая под ним всю совокупность и материальной обстановки, и доступных источников энергии.

²⁾ См. мою брошюру „Основные черты истории развития биологии в XIX столетии“. 1908. Совсем неудачной должны считать попытку некоторых ученых эти отделы ботаники и зоологии называть „биологией“, „биологическим“, при чем читатель не знает, о какой биологии идет речь, о настоящей, т.-е. совокупности ботаники и зоологии, или о части ее частей.

³⁾ К. Маркс, „Капитал“ Том I, русск. перев. 1898 г., стр. 134.

⁴⁾ На это указывает и Маркс („Капитал“, русск. пер., 1898 г., глава XIII, стр. 323, примечание 94).

⁵⁾ Darwin The foundations of the origin of species. 1842, рукопись найдена и издана только, в 1909 году.

сом форм человеческого общества являются экономические условия существования, а одним из первых продуктов этой деятельности является выработка орудий. Но точно ли это направление деятельности характеризует только первые шаги первобытного человека? Не с тем же явлением встречаемся и на высших ступенях этой деятельности? Бекон, в котором Маркс и Энгельс видят первого провозвестника того мировоззрения, которое легло в основу их „исторического материализма“¹⁾, Бекон, этот „вестник“ (buccinator), возвестивший миру пришествие „царства человека“, т.-е. царства науки и победы человека над природой, так характеризовал современное ему направление деятельности возникшей новой опытной науки: „Nec manus nuda nec intellectus sibi permissus multum valet; instrumentis et auxiliis res perficitur“. — „Голая рука и разум, сам себе предоставленный, многого не стоят, делается дело орудиями и другими пособиями“. И не только на заре зарождения современной науки, а и в период ее полного развития в XX веке встречаемся мы с тою же мыслью. Известный физик Винер в своей замечательной речи: „Расширение области наших чувственных восприятий“²⁾ указывает, что важнейшие успехи физики тесно связаны с изумительным усовершенствованием инструментов, представляющих только как бы подражание органам чувств, этих, по меткому выражению И. П. Павлова, „анализаторов“ внешнего мира. Наконец, едва ли не с большей рельефностью высказал ту же мысль со свойственным ему остроумием Больцман, говоря о Кирхгофе, как изобретателе спектроскопа: „он сделал из глаза как бы совершенно новый орган“³⁾. Таким образом интересуемся ли мы происхождением всего органического мира, или человеческого общества, в основе мы встречаемся с экономическим процессом производства, — будет ли то первоначальное производство органического вещества растением, или венец деятельности человека — производство знания — наука, один из первых вопросов сводится к изучению происхождения органов или орудий этого производства. Такова аналогия между историческим материализмом и дарвинизмом в той области, где их объекты совершенно различны: у одного — человек, у другого — мир животных и растений. Но есть еще часть дарвинизма, где и объект изучения у них тот же. Через двенадцать лет после появления „Происхождения видов“ и „Zur Kritik“ вышло „Происхождение человека“ Дарвина. Не ограничиваясь биологической стороной вопроса, Дарвин перешел и на социологическую почву, поскольку рассмотрение ее было необходимо для доказательства происхождения человека от животного типа — и в двух замечательных главах ответил, что все умственное и нравственное превосходство над животными (вся идеологическая надстройка, как выразился бы Маркс) берет начало в двух материальных особенностях — в развитии высшей области нервной системы, в головном мозге, и его результате — развитии умственных способностей и в развитии „социального инстинкта“, присущего и высшим животным. Таким образом, социальный инстинкт, общечеловечность, и у него, как и у Маркса, является исходным началом естественно-исторического процесса развития умственного и нравственного облика человечества. Не даром многие английские и немецкие писатели считают Дарвина основателем новейшей реалистической школы этики. Развитие нашей параллели между дарвинизмом и марксизмом в этом отношении потребовало бы более места, чем может быть отведено здесь⁴⁾ и вышло бы за пределы 1859 г., о котором собственно здесь идет речь.

Таковы некоторые черты сходства в основных идеях этих двух великих произведений, появление которых так удивительно совпало и, следовательно, исключает всякую возможность непосредственного влияния. Но является вопрос: эти два великие человека, в течение более двадцати лет жившие в таком

1) Karl Marks und Friedrich Engels „Die heilige Familie“, стр. 201—204.

2) См. мою книгу „Насущные задачи современного естествознания“.

3) См. мою статью: „Год итогов и поминок“. (1859).

4) Интересно было бы коснуться и ее отношения к появившемуся в промежутке в 1864 г. „Утилитарианству“ Д. С. Милля.

близком соседстве (на расстоянии одного часа езды), приходили ли они в непосредственное общение? Мы имеем на этот счет свидетельство зятя Маркса—Эвелинга. Он категорически заявляет, что Маркс этот феноменальный чтец, вероятно, по своей начитанности не имевший себе подобного, тщательно изучил все произведения Дарвина, и, когда вышел первый том „Капитала“ (вторым изданием в 1873 г.), послал его Дарвину, который ответил следующим письмом: „Благодарю вас за оказанную мне честь, выразившуюся в присылке вашего великого труда „Капитал“. От всего сердца желал бы, чтобы более основательное понимание глубоких и важных вопросов общественной экономики делали бы меня более достойным этого подарка. Хотя области наших исследований так далеки одна от другой, я все же убежден, что мы оба одинаково стремимся распространять знание, и это знание, в конце-концов, послужит на благо человечества. Уважающий вас и преданный Чарльз Дарвин“.

Заканчиваю эту краткую заметку тем, с чего начал. Отмечая упущенную в свое время годовщину 1859 года и значение ближайшего десятилетия—тех шестидесятых годов, которые, по справедливости, можно назвать десятилетием Дарвина и Маркса¹⁾,

Остановимся на том, что оба они шли под знаменем естествознания. Оба в естествознании видели единственную прочную основу своих революционных учений, призванных встряхнуть до самой глубины и „сознание“ и „бытие“ всего человечества. Не ясно ли, что именно в науке, в естествознании, а не в мистических и метафизических словозвержениях, не в бессмысленных футуристических потугах или призывах вернуться на путь „свободной классической эротики“, не в этих всех пережитках позорно издыхающей буржуазной культуры должна быть заложена основа идущей на смену ей культуры пролетарской—культуры будущего. Это предсказывал еще в 1831 году Огюст Конт, говоря, что из всех классов пролетариат наиболее способен понять и воспринять тот умственный переворот, который несет с собой положительная философия—философия науки²⁾.

Н. Тимирязев.

Познание в свете истории.

Человек—совершеннейшее существо в мире, но он все-таки часть этого мира. Его жизнь протекает в борьбе со стихиями вселенной; в этой упорной борьбе он подчиняет себе универсум, познает законы его развития; познает,—другими словами, организует данные опыта, приводит их к стройному единству, к гармонически целостной системе. Материал познания неограничен, он необъятен, как сама вселенная, и нет предела человеческому познанию. Но в своем стремлении к единству, к монизму, познание всегда ограничено степенью развития своих орудий: формы мышления, выработанные в недрах капиталистической общественной среды и, естественно, ее отражающие, дают разрозненное знание, исключаящее стройную организованность, и только новый общественный строй, социализм, создаст такие условия, при которых монистическая тенденция познания сможет развернуться до конца.

К. Каутский в своей работе „Этика и материалистическое понимание истории“ писал: „если изменения в обществе в состоянии были преобразовать

¹⁾ Дарвин. „Происхождение видов“, 1859 г. „Происхождение человека“, 1871 г. Маркс. „Критика политической экономии“, 1859 г. „Капитал“, 1-е издание. 1867 г. 2-е—1873 г.

²⁾ О. Comte. Philosophie positive. T. VI, p. 518. Одним из вернейших средств для первого сближения между пролетариатом и наукой О. Конт считал популяризацию, при чем он ссылается на собственный опыт; в течение двенадцати лет он читал бесплатные популярные лекции астрономии парижским рабочим, подвергался за это преследованиям своего начальства. Это невольно приводит на память И. М. Сеченова, также читавшего бесплатные популярные курсы физиологии московским рабочим, пока чтение этих лекций не было ему запрещено царскими ревнителями народного просвещения.

организм человека, его руки, ноги, мозг, то они могут еще более и быстрее изменить его сознание, его воззрения“.

В этой статье мы и попытаемся набросать общую схему развития познания, главнейшие его этапы, чтобы дать рабочему классу возможность ориентироваться в вопросах реорганизации науки на новых началах.

На первых ступенях своей жизни человек мало чем отличается от своих предков—животных. Правда, способность речи отличает человека от всего остального животного мира, но, как замечает архиепископ Уэлли, „человек не единственное животное, которое пользуется языком для того, чтобы выражать, что происходит в его голове, и которое способно более или менее понимать мысли, выраженные другими“. И Ч. Дарвин писал, что „человека отличает от низших животных не то, что он способен различать членораздельные звуки, ибо и собаки, как известно всем, понимают многие слова и предложения. В этом отношении они стоят на той же ступени развития, как дети в возрасте от 10 до 12 месяцев, которые понимают некоторые слова и короткие предложения, но сами не в состоянии произнести ни одного слова“.

Свою радость, тревогу, боязнь и гнев животные выражают криком. Криком, междометиями, как определяет этимология, выражает свои чувства и первобытный человек,—у него еще нет членораздельной речи.

С течением времени, благодаря сложности трудового процесса, требующей взаимного приспособления сотрульников, отдельные инстинктивные крики начинают складываться в речь. Общность труда, взаимная помощь в труде создают необходимость в новом орудии общественных отношений и речи. Если животные в своем способе общения могут обходиться языком жестов, т.-е. мимикой, языком осязания и языком отдельных звуков, то с разделением труда, с организацией работ и распределением продуктов одних мало связанных звуков стало недостаточно. „Разделение труда“,—писал К. Каутский,—„невозможно без наличности речи, которая должна выражать не только ощущения, но также обозначать предметы и факты; оно может развиваться только в той мере, в какой выработалась речь, и, в свою очередь, приносит с собой потребность в таковой“.

В начале речь состоит исключительно из слов, означающих самое действие. Эти слова представляют из себя сочетание звуков, вырывающихся из груди человека при том или ином трудовом акте, как, например, звук „ух“. Когда рабочие в припеве к „Дубинушке“ произносят слова: „эй, ухнем“, слог „ух“ как раз совпадает с тем моментом, когда из грудной клетки вырывается глухой звук „ух“ при продвижении тяжести вперед. Это легко заметить и при других работах. Или же от сочетания звуков того шума, которым сопровождается явление природы или процесс труда. Таковы немецкие слова: „klopfen“, „klaffen“, „klittern“, русские—хлопать, топать, лязгать, шелкать.

От слов, обозначающих действие, произошли слова, обозначающие определенный предмет, вещь, без которой не может совершиться соответствующий акт.

Этот процесс прекрасно поясняет Лацарус Гейгер в своей работе „Происхождение языка“. Он пишет: „если задаешь себе вопрос, почему свет и цвет были объектами без названия на первых ступенях речи, но зато было название для действия наведения краски, то ответ мы найдем в том, что человек сначала давал названия своим действиям или действиям себе подобным, когда для таких возвышенных вещей, как свет и тьма, блеск и молния, он не имел еще понятий“, которые в начале сводятся к весьма узкому кругу человеческих действий. Поэтому-то различные понятия о предметах, окружающих нас, и явлениях природы возникают из наблюдений над человеческой деятельностью, которая и вызывает их появление. Грент-Аллен, как бы продолжая мысль Л. Гейгера, рассуждает: „название цветов увеличивается по мере развития способов, техники производства красок. Целям техники, а не целям описания природы служат прежде всего названия красок. Если человеку

удается применить краску, тогда название этой краски легко примет характер прилагательного“.

Позже и опять-таки под влиянием развития хозяйственной жизни и разделения труда речь становится сложнее и сложнее.

Животному хотя и присущи в известной степени абстрактные понятия, как доказал Ч. Дарвин в своей работе „Происхождение человека“, но оно живет наглядными представлениями; зависимость воли животного, его поступков, от той или иной причины—непосредственна и очевидна. Эти *наглядные представления* и наглядные мотивы, определяющие также в сильной еще степени волю первобытного человека, в позднем периоде развития речи сменяются *понятиями и побуждениями абстрактными*, отвлеченными, которые вспоминаются, выплывают из накопленного сокровища опыта, которые были в наличности раньше, чем человек начал действовать в данный определенный момент.

Еще позже, когда общественная жизнь становится уже довольно сложной, речь из орудия простого практического общения людей, сталкивающихся между собой в процессе труда, превращается в орган мышления.

На первых порах, конечно, систематического мышления не было. Отрывочные представления и идеи связывались с теми трудовыми актами или моментами жизни, к которым они относились. В дальнейшем мышление увеличивается количественно. Стремясь познать существенное и необходимое, оно по тому или другому принципу, в тесной связи с развитием производства и обмена, проверяет опыт отдельного человека, выбирает из него и систематизирует то, что помогает организовать общественную жизнь и вообще способствует в борьбе за существование; а это становится общезначимым, общеобязательным. Так *опыт отдельного человека перерабатывается в опыт социальный, общественный*.

Одновременно намечаются формы мышления и *несложная идеология*, целиком отражающая хозяйственную сторону жизни. В авторитарной общине организатором всей хозяйственной и административной жизни является старший в роде, патриарх. Он сосредоточивает у себя весь опыт. С увеличением численности общины и развитием разделения труда патриарх все дальше и дальше отходит от рядовых людей—исполнителей его воли. В этот период идеологии зарождаются и оформливаются идеи о почитании предков, о переселении душ, о бессмертии душ, о боге, как творце и организаторе жизни вселенной. Одновременно складываются формы и методы мышления. По типу: организатор и исполнитель устанавливаются, например, категории причины и следствия. Патриарх приказывает, исполнитель действует. Выступает причина, непосредственно за ней происходит действие-следствие.

Говорить об отдельных отраслях познания, тем более систематизированных, на первых стадиях человеческой жизни не приходится. Все наблюдения и впечатления, весь опыт в этот период объединяются в *религиозное знание*, своеобразную форму познания, ярко отражающую всю пестроту разрозненного опыта того времени.

Когда же параллельно с разделением труда начинает развиваться и усложняться производство средств производства, человечество вынуждается часть опыта, неукладывающегося в рамки религиозного познания, оформлять в качестве простого, не религиозно-священного, а „мирского“ познания.

После того, как была изжита авторитарная община, когда накопилось значительное количество опыта и его необходимо было систематизировать по тому или другому принципу, появляются зачатки отдельных отраслей познания и *самостоятельные науки*, на первых порах совершенно оторванные и даже друг друга исключющие. Это не исчезло еще и в наше время. Этот процесс мы можем до некоторой степени проследить на истории древне греческой философии. Греки пытались рассматривать философию, как *основоположение всех наук*, как науку об общеобязательных ценностях. Они стремились в философии объединить разрозненное, создать связь и распространить ее, не считаясь с границами каких-либо отдельных дисциплин; но уже в „Апологии“ Платона,

великого эллинского мудреца, правильно и глубокомысленно указывается, что, приступая к разрешению задачи общеобязательности знания, она пришла к незнанию. В школе Платона изучаются математика и астрономия. Около Аристотеля организуются целые школы, в которых отдельные науки, развиваясь, достигают величайшей самостоятельности. Основные идеи телеологического строения и эволюции, методы описания, расчленения и метод сравнительный привели в этой школе к созданию описательных и расчленительных естественных наук, а также к образованию политики и учения об искусстве. Однако связь между отдельными науками быстро порвалась; отдельные науки постепенно, но прочно овладевают всей действительностью. Этот процесс и в наш век еще не достиг своего завершения. Римско-стоическая философия, в лице ее представителей Цицерона и Сенеки, рассматривает философию как „учительницу жизни, изобретательницу законов, побудительницу добродетели“,—словом, как законодательницу жизни. Однако намеченной задачи не в состоянии была выполнить и римская философия. Философия, в связи с экономическим понижением уровня средневекового общества, подпадает в подчинение религии. Итак, философия, как основоположница всех наук, не смогла выполнить своей задачи. И это, конечно, не случайность. Она неправильно поставила цель; ее роль, наоборот, объединить научное знание. Философия не определяет принципы наук, а только обобщает их, сводит к единству, к монизму, каковая задача может быть осуществлена в недалеком будущем рабочим классом. Отличительной же чертой греческой философии, да и вообще всей буржуазной философии, является дуализм, противопоставление мышления, как особого духовного руководящего начала, действительности, бытию. В это мдуализме отразилось разделение человечества на классы и непонятый в то время характер товарного производства. Характеризируя товарно-производственное общество, Ф. Энгельс писал: „как только производители перестали сами употреблять свой продукт и пустили его в обмен, они потеряли власть над ним. Они уже не знали более, какова его дальнейшая судьба, и стало возможным, что продукт обратился против производителей, явился средством их эксплуатации и угнетения. Продукт господствует теперь над производителями“. Это противоречие бытия и отразилось в мышлении, в его раздвоении, дуализме.

Когда же человек познает трудовой процесс, будет сознательно регулировать и управлять им, то спадают цепи, сковывающие его мышления, и будет восстановлено единство бытия и сознания. Развитие капиталистического хозяйства вызвало рост естественных наук, который в наши дни превратился в триумфальное шествие. Сначала мы познали законы природы, а потом познанные силы природы подчинили себе, чтобы с меньшей затратой труда удовлетворять свои потребности. Но прежде, чем естествознание сумело превратиться во всепокоряющую науку, целый ряд поколений естествоиспытателей, особенно в Германии, были в сущности простыми коллекционерами, гербаристами, черными рабочими, собирающими материал, из которого последующие поколения построили величественный храм точной науке, точного мышления, вытеснившего метафизику; точно так же и отдельные науки нашей эпохи, прочно базирующейся на естествознании, продукте капитализма, являются в сущности только материалом к высшей науке, *пролетарской науке*. Если капиталистическое хозяйство сумело преодолеть формы грубо-авторитарного, религиозного мышления, социалистический строй сможет привести к единству то многообразие наук, в котором мы живем.

Капиталистическая наука характеризуется эклектичностью, раздробленностью, отсутствием единства. Как дитя своего века, она унаследовала от него все ее признаки. Производство материальных благ в капиталистическом строе квалифицируется, как анархическое. Предприниматель производит, но он не в состоянии учесть, что и в каком количестве требуется на рынке. Предприниматель часто даже не понимает своей зависимости от рынка и,пуская в ход свое предприятие, не учитывает, что другой, более могуще-

ственный промышленный гигант уже убивает новое предприятие при его рождении или превращает в свой придаток; это мы наблюдаем в период расцвета трестов и синдикатов. Этот процесс всецело отражается и на познании. Возникает масса больших и малых наук, которые конкурируют между собой, объединяются, растворяются одна в другой и т. д.

От первобытного коммунизма, через авторитарную общину, товарно-капиталистическое хозяйство, мы идем к социализму. От примитивного религиозного знания, через философию, как основоположницу всех наук, как законодательницу жизни, через естествознание, еще далеко не объединенное единым принципом, мы вступаем в полосу монистического познания.

Уже теперь, поскольку профессиональная интеллигенция в лице своих техников, инженеров, механиков и т. п., соприкасясь в мастерских фабрик и заводов с производством, сливается с ним, элементы новой науки начинают вырисовываться. Но это только слабые растеньица, бледные, выросшие без света, готовые захиреть; и только в будущем, когда пролетариат сумеет совместить в себе и организатора и исполнителя, когда рухнет баррикада между трудом и собственностью, расцветет дерево единого знания. Теперь люди разных профессиональных знаний мало друг друга понимают, иногда совсем не понимают. Профессия разъединяет людей духовно; тогда эта ненормальность исчезнет, единый метод наук и монизм форм познания даст возможность и не специалисту в общем и целом правильно подойти к тому или другому вопросу. Теперь отдельные науки распределили между собой царство действительности, и каждая из них разрабатывает особую часть, подобно тому, как предприниматели распределили между собой производство. В своей работе они обособляются и, независимо развивая свои методы, расходятся дальше и дальше. Социализм обобществит царство разрозненного производства. В будущем философия объединит царство отдельных наук и превратится в теорию познания, в теорию теорий не в кантовском смысле гносеологии, а как активно руководящую познанием теорию с практическим применением в жизни. „Если таким образом предметом философии служит целокупность знания, то, естественно, в нее входят и отношения отдельных наук друг к другу, их внутренний порядок, по которому каждая новая наука вытекает из предыдущих и возводит здание входящих в ее область фактов“. Классическим выразителем этой точки зрения в естественных науках является Гельмгольц. Мы распространяем эту точку зрения на все науки без исключения.

Есть ли реальные основания к таким утверждениям?

Все подтверждает, что эти основания есть. Раньше всякий предмет производился в зависимости от непосредственных усилий работника. Теперь, с гигантским процессом развития машинного производства, роль рабочего все более и более сводится к роли управителя и надсмотрщика над отдельными гигантами, первоначально над каждым в отдельности, а затем и над целой системой их, тесно связанных в производственном процессе. Из прежнего исполнителя пролетарий становится исполнителем-организатором и в будущем больше—организатором. Когда общественное хозяйство позволит нам ввести машины-автоматы, почти целиком управляющие ходом производства, в роде наших плавающих торпед, которые управляют регулируют с математической точностью свой ход под водой, функция исполнителя сольется с функцией организатора. Инженер, техник, механик и рабочий будут один тип,—разница между ними будет не в качестве, а только в степени. Один меньше, другой больше сможет охватить процесс производства. Эта монистическая тенденция в производстве, отражаясь на идеологии, с несомненностью должна будет разрушить старый дуализм мышления, законы отвлеченно авторитарного мышления.

Представит философию, как науку, обнимающую все отдельные науки, пытались еще энциклопедисты,—Бэкон, д'Аламбер, Кон и другие. Но такую философскую энциклопедию может создать только интернациональный пролетариат, подготовляемый к тому всем общественным развитием. Этим мы, однако, не хотим сказать, что будущая социалистическая наука уничтожит специаль-

ные знания. Нет, она только изменит их характер, объединяя отдельные отрасли. Все науки явятся организационными орудиями единого социально-трудового процесса. Они должны будут выработать систему общих приемов, законов, управляющих частными законами. Однородность в сфере познания будет возрастать, как она возрастает в производстве.

Прежде всего и окончательно будут переработаны в свете коллективистического монизма науки общественные, как науки, изучающие законы организации людей, затем уже и другие, вплоть до так называемых „чистых“ наук, с первого взгляда не имеющих отношения к общественной жизни. Новая форма познания и науки будут сложнее; всякая высшая форма сложнее низшей. Но для человека труда и борьбы наука, как орудие организации трудового процесса, будет ближе и понятнее, чем „чистое“ познание о вещах бесконечно от нас далеких.

Валерьян Поллянский.

Рост Пролеткульта.

„Пролеткульт—иш словечко-то какое“,—писал кто-то в „Новой Жизни“ всего год тому назад. За этот год это странное словечко выросло в большое и значительное слово. Не вызывая удивления, без рекомендации появляется оно на столбцах столичных и провинциальных газет. Ни один съезд по народному просвещению во всех его видах, ни одна серьезная статья о культуре будущего, о ее новых задачах и путях не обходится без этого словечка. Его хорошо знает вся грамотная, читающая Россия, а порой и малограмотная приветствует это новое слово, стремится к нему, борется за него. Одни чрезмерно увеличивают его значение, другие до сих пор недоверчиво поглядывают на это слово, но все с ним считаются, все признают, что за год революции пролеткульт окреп, успел сказать свое новое слово и сумел сказать его настолько громко и внятно, что его услышала вся Россия. Услышала и заговорила. Не только в журналах пролеткульта но и в газетных статьях слышится уже не робкая и затверженная речь ученика, но твердое и убежденное слово людей, много и сосредоточенно думающих над этим вопросом. И Украина среди тревог и борьбы уже успела поставить вопрос о пролетарской культуре. Из Кременчуга пишут: „И народы вся пролеткульт, або культура пролетариев—беднякив. Молодий пролеткульт. Тильки з рик налицуе свого життя. А як расте. Як у казци. Не днями, а годинами“. Вот к этому росту пролеткульта, быстрому, „як у казци“ следует присмотреться всякому работнику и серьезно задуматься над тем, не является ли это разрастание чрезмерным, не вызывает ли оно некоторой расплывчатости и неопределенности черт пролеткульта, не помешает ли оно правильности и гибкости его дальнейших движений. Мне думается, что вопрос о росте пролеткульта можно ставить только в связи с причинами, вызвавшими этот усиленный рост и тем значением, которое пролеткульт может и должен иметь в дальнейшей жизни России, а может быть, не одной только России.

Рост пролеткульта обнаруживается раньше всего в быстроте, с которой он шагает по России из конца в конец. Только год тому назад он едва приютился в столице и в существовании его сомневались почтеннейшая и осведомленнейшая газета того времени. Едва укрепившись в столицах он перебрался в промышленные центры, в губернские и уездные города, захватил целый ряд городков, о существовании которых не приходилось раньше слышать. Сейчас множество пролеткультов выдвигает уже деревня. Вырастают они не только без помощи, но чаще всего без указаний и даже без всякой связи с центром. В некоторых волостях Витебской губернии имеются „самодельные“ пролеткульты. Организовались они без всяких уставов, инструкций, или утвержденных положений, под влиянием сильного стремления населения к знанию. Если бы в данном явлении и можно было усмотреть некоторую долю

увлечения модным словом, то всецело этим объяснить его никак нельзя. К тому же всякая мода таит в себе больше смысла, чем это может показаться с первого взгляда, а мода, выдвинутая революцией, требует самого внимательного к себе отношения. И мне кажется, я не ошибусь, если скажу, что эти волостные пролеткульты, бесформенные и беспомощные говорят нам о том, пожалуй, враждебном недоверии, какое существуют среди трудящихся масс к старой барской науке и культуре. Тут раньше всего сознание, что им ее не одолеть и не может она рассеять тот мрак, который сейчас так мучительно чувствуется темной массой. И когда волости рядом с отделом народного образования создают пролеткульты, то они надеются, что в организациях, выдвинутых пролетариатом, они найдут нечто близкое, более отвечающее их запросам в данный момент, чем народное образование вообще. Когда работа внешкольного отдела разрастется и окрепнет в должной мере, и когда все или хотя бы значительное большинство внешкольников поймет, что им делать и как нужно делать, тогда исчезнет это тяготение деревни к пролеткультам, и последние также незаметно исчезнут, как и появилось.

Но в росте пролеткульта есть другая сторона, более серьезно отражающаяся на его работе. Это его состав и в смысле работников, и в смысле среды, в которой он работает. И в том и в другом отношении дело обстоит не вполне благополучно. По постановлению Съезда Всероссийского Совета „пролеткульт должен непосредственно включать лишь культурный авангард пролетариата, индустриальный, и при том его элементы, наиболее передовые и сознательные в культурном отношении“. На деле это далеко не так. „В Сормове,—читаем мы,—перезбран совет пролеткульта. В него вошли, кроме представителей рабочих организаций, представители от студенческих организаций, Нижегородского Государственного Университета, учителей“. В утешение надо сказать, что такие пролеткульты быстро распадаются, так как пестрота состава сильно сказывается уже с первых шагов его деятельности. Из Орла пишут: „В селе Брасове организовался пролеткульт в конце 1918 года, но работы никакой нет, между членами пролеткульта идут мелкие ссоры, дразни, интриги. Главная причина неудач, повидимому, объясняется присутствием в пролеткульте местной интеллигенции, которая требует к себе особого внимания и почта. Поднят вопрос об ее изгнании из числа членов пролеткульта“. Таким образом, в тех случаях, когда уклонения в составе работников пролеткульта очень резки, дело быстро ликвидируется. Но в большинстве случаев в совете пролеткульта и во всех его организациях мы встречаем интеллигенцию, близко стоящую к рабочим и мирно с ним уживающуюся. И все же ее присутствие существенным образом отражается на характере работы. Конечно, трудно было ожидать, чтоб молодая рабочая организация отличалась чистотой своего состава. Тем более трудно, что организация эта выросла в обстановке пролетарской революции, когда вся страна разделилась на два враждующих лагеря. Условия жизни и дух времени толкает близко стоящие промежуточные слои в рабочие организации и даже более старые и определившиеся вынуждены постоянно очищать свои ряды от элементов сомнительных и чуждых. Когда пройдет острый боевой момент, прекратится, или хотя бы ослабеют, тяжести, лежащие теперь исключительно на пролетариате, рабочие значительную часть освободившихся сил несомненно отдадут культурному строительству, и тогда состав пролеткульта и его физиономия изменятся в желательном для нас смысле. Надо прибавить, что в пролетарских университетах и студиях состав слушателей постоянно улучшается, и если некоторых из них сейчас еще нельзя назвать строго пролетарскими, то преобладание рабочих выражено достаточно сильно. Во всяком случае, здесь мы имеем дела с недостатком очевидным, против которого ведется постоянная борьба и уже достигнуты значительные успехи.

Гораздо сложнее и серьезнее обстоит дело с самым характером работ пролеткульта и всех ее особенностей. „Выработка пролетарской культуры“— вот та цель, которую себе поставил пролеткульт при самом возникновении.

В этих трех словах заключается огромная, сложная идея. Самая ее разработка и выяснение потребует длительной, серьезной работы. Недостаточная ясность и разработанность идеи пролетарской культуры, тяжелые, ненормальные условия, в которых протекала работа с самого начала и еще целый ряд крупных и мелких причин мешали пролеткульту в достаточной мере сосредоточить свою работу, придать ей определенные очертания и ограничить ее от работы внешкольного отдела, партии, военного комиссариата и других организаций, с ним соприкасающихся. Между тем, такая определенность деятельности и ясность задач пролеткульту является необходимым условием не только продуктивности его работы, но и для того, чтоб его участие в дальнейшем строительстве страны было существенно и значительно. Идеальная близость пролеткульту с партией и внешкольным отделом сама собой разумеется, но часто пролеткульту, особенно молодые, берутся не за свою работу. В Крюкове (вблизи Кременчуга) резолюция, принятая на конференции пролеткульту, призывает помочь советской власти планомерно проводить мобилизацию и содействовать через культурно-просветительные организации укреплять здесь и в деревне идеи советской власти. В Печенежской волости, Харьковской губ. пролеткульт ведет, повидимому, исключительно агитационно-пропагандистскую работу. Поскольку эти явления связаны с острым недостатком в рабочих или опасностью переживаемого момента, с ними бороться не приходится. Но эта вынужденная работа не должна заслонять тех больших задач, на которые постоянно должен быть обращен взор и мысль пролеткульту. Теснейшая близость пролеткульту с переживаемым моментом, ближайшее его участие в дальнейшем строительстве страны очевидна, но все это он может и должен сделать преследуя свои определенные, ему одному свойственные задачи. Если пролеткульт будет часто менять свою физиономию и превращаться то в партию, то во внешкольный отдел, то он, не оказав существенной помощи ни внешкольному отделу, ни партии, скоро потеряет самого себя.

Какую же часть работы партии пролеткульт может и должен взять на себя и какова его роль в дальнейшем революционном строительстве страны? Не ослабляет ли его значение и роль то обстоятельство, что вся власть в стране находится в руках того самого пролетариата, который выдвинул пролеткульт и, следовательно, вся работа по строительству новой жизни и культуры будет вестись в том направлении и проникнута тем духом, выработка и развитие которого являются главнейшей задачей пролеткульту. Мне думается, что все эти благоприятные условия только усиливают значение пролеткульту и помогает ему лучше выяснить свою физиономию.

Если ему удастся скоро стать на правильный путь и в достаточной мере развернуть свои силы, то, оставая в стороне его конечную цель, он должен попутно сыграть значительную роль в самом ходе революции.

Исключительные тяжести, лишения и позор прошлого создал необходимые кадры сознательные и стойких борцов, беззаветно отдающих свои силы революции. На каторге, в ссылке, в тюрьмах и изгнании многих из них, хотя и дорогой ценой, удалось накопить необходимые знания. И когда интеллигенция, выдвинутая каторгой, тюрьмой и ссылкой, столкнулась лицом к лицу с дипломированной интеллигенцией, то весь мир увидел на чьей стороне и сила, и мысль, и знания. После первого вихря революции русская интеллигенция стояла обесиленная, выцветшая, сморщенная. Когда раскладится ее чело, просветлеет взор, окрепнет мысль, сказать сейчас трудно. Революция выдвинула и продолжает выдвигать множество героев и борцов. Но уже сейчас остро чувствуется, что кроме борцов и героев нам нужны культурные, образованные работники, и нужда в них возрастает с каждым днем. А их нет и взять неоткуда. Государственный университет нам их не скоро даст. Университет народный дать их не может. Между тем предстоит еще долгие годы, быть-может, десятилетия труда, борьбы и жертв. Нам нужен источник, откуда черпать силы подготовленные, пригодные и надежные. Таких источников у нас сейчас нет. И всякий серьезный дальновидный работник должен над этим

сильно задуматься. Но кроме этой задачи, бесспорной и неотложной, перед революцией стоит еще одна, не менее серьезная. Боевой момент революции кончится. Начнется, вероятно, продолжительный период перехода к мирной жизни. И этот переходный период будет, пожалуй, не менее серьезен и опасен самой революцией. Он потребует длительного напряжения всех сил. Надо помнить, что цензурные запреты и др. чрезвычайные меры, вызванные революцией, исчезнут гораздо раньше, чем в мышлении и психике интеллигенции, крестьянства и слоев промежуточных произойдет соответствующий необходимый переворот. Сейчас сознание масс быстро просыпается и крепнет, но это делается помимо наших сознательных усилий. Это результат пропаганды действием, как говорил Вакунич. Пока идет революция, людьми руководит отпращение к незабываемым страданиям и ужасам прошлого, и они смелее отдаются всему новому. Но революция кончится, появится достаточно хлеба и сахара, люди успокоятся, обленятся, порывы отяжелеют, движения сделаются нерешительными и вялыми. Формы начнут застывать, давить и мешать дальнейшей работе. Нужно выковать новое орудие, создать новые способы воздействия на жизнь и психику масс. С наибольшим успехом это можно сделать только в обособленной рабочей организации.

Но и этого недостаточно. Предстоит еще одна задача. Надо создать и выработать новый тип работника, который обладал бы всеми теми исключительными достоинствами, которые отличали лучших революционеров прошлого, свадбить его достаточными знаниями и больше приспособить к мирной жизни. Революционеров сознательных, стойких и несокрушимых, создавала раньше не только партия, но и весь строй русской жизни, безобразный, дикий, варварский. Но старого строя нет, а в партии неминуемо произойдет некоторое разжижение ее рядов. Таким образом, выдвигается вопрос о создании работника нового типа, который соединил бы в себе закаленность, преданность делу, стойкость и готовность к борьбе, отличающую революционера, с деловитостью, достаточной научной подготовкой и всеми прочими достоинствами, которые отличают мирного работника. Для создания соответствующего работника понадобится специальное воспитание, длительная подготовка, приспособленная обстановка. Если бы не бояться сравнений неприятных и жутких, то можно было бы сослаться на дворянские лицеи и другие специальные заведения, где воспитывались люди из слоев, близко стоявших к правительству, особенно ему преданных и надежных. И, конечно, ненависть к лицам не помешает нам признать, что они имели крупное значение для данного строя и что там воспитывались и готовились ответственные и преданные работники. И не только этим ограничивалась их роль. Они занимали значительное место во всей культурной жизни страны.

Таковы в общих чертах главнейшие задачи, стоящие перед пролеткультом в связи с революцией. Они велики, сложны и ответственны. Пролеткульту надо значительно укрепиться и оформиться, чтоб вплотную приступить к их выполнению.

Но кроме этих специальных задач, пролеткульту предстоит еще серьезное участие в общей культурной и просветительной работе страны. Мы думаем, что его совместная работа с внешкольным отделом не только не является параллелизмом и излишней растратой сил, но при правильной и целесообразной постановке должна внести величайшую экономию и продуктивность в работу последнего.

Чтоб в ближайшем будущем наиболее отсталые и темные трудящиеся массы взялись за разрешение и проведение в жизнь сложнейших задач, поставленных перед человечеством, нужны знания и знания не поверхностные. Считая, обеспеченная и спокойная обстановка на продолжительный период жизни до сих пор являлась необходимым условием для накопления знаний. Трудящиеся массы должны их воспринимать не в теплых и спокойных кабинетах, но в обстановке борьбы и лишений. Сама наука выросла, развивалась и служила до сих пор иному строю, враждебному нам. Это наложило известную

печать на характер науки. Целый ряд вопросов, важных и насущных в новой жизни, остались не разработанными или слабо разрабатывались до сих пор, и рядом с этим выдвигались не только отдельные вопросы, но и целые отрасли науки, которые разрабатывались с величайшей тщательностью, но которые оказываются лишними в дальнейшем прогрессе человечества. Даже такая человеколюбивая и бесхитростная (в смысле политики) наука, как медицина, знает смены течений, когда одни вопросы ступеньваются, другие неожиданно выдвигаются, когда создаются новые методы, более отвечающие потребностям данной жизни и обстановке работы. Вот почему пролеткульт считает, что в самой науке должны произойти глубокие перемены. Должны быть заново собраны, по иному соединены, освещены и изложены наиболее драгоценные ее элементы. К этой задаче Комиссариат Просвещения сейчас приступить решительно и непосредственно не может. Его безуспешная борьба против духа старых университетов, встретившая противодействие с первых шагов, когда речь касалась реформ самых невинных и бесспорных, служит красноречивейшим тому доказательством. Но помимо всяких фактов ясно, что Комиссариату сейчас не справиться со всеми задачами, выдвигаемыми пролеткультом. Среди работников, которыми располагает Комиссариат, имеются идейные и добросовестные люди, но они составляют незначительное меньшинство. Главным образом, там работает рядовая интеллигенция. Если среди нее и отсутствует (и то не вполне) предательская и злобствующая ее часть, то тупое равнодушие, обывательское безразличие во всех его видах, под самыми разнообразными покровами, еще не скоро исчезнет. При таких условиях трудно надеяться, чтоб Комиссариат в ближайшем будущем выдвинул в достаточном количестве пытливых и смелых искателей новых путей будущей культуры. Но и помимо состава работников перед комиссариатом стоит ряд труднейших препятствий для решения предстоящих задач. Пестрота среды, в которой он работает, громоздкость аппарата, громадная ответственность за каждый неправильный шаг—все это условия, далеко не благоприятствующие смелым исканиям новых методов и быстрым переменам в постановке работы. К тому же самая необходимость работы мешает внимательному наблюдению и точному учету. В жизни комиссариата наступит длительный период, когда ему из соображений самых разумных и правильных придется все свои силы направить на укрепление, а не на искание. Между тем нам предстоит целый ряд скачков в областях неразработанных, не освещенных. Почтенная старая культура скакать не любит, а Комиссариат, обремененный многочисленными народами, тоже вынужден будет все делать с оглядкой. Вот для всей этой серьезнейшей и ответственной работы, работы неотложной, требуются специально приспособленные условия, особая атмосфера и хорошо подобранный, однородный по духу состав работников. Работники пролеткульта сейчас не таковы. И там имеется интеллигенция часто не высокого типа. Но здесь ее присутствие очевидный и, конечно, временный недостаток, а в Комиссариате это пока неизбежное условие работы.

Но кроме задач, связанных с революцией и общей культурной работой страны, у пролеткульта имеются еще свои специальные задачи, которые не должны выходить за границы того класса, которому он служит. Это внимательное, строгое, и точное изучение способа мышления и особенностей психического уклада индустриального пролетариата. Начну с примера. Несколько месяцев тому назад мне в санатории пришлось столкнуться с молодым рабочим, умным и даровитым. Если говорить о формальном образовании, то он был малограмотным, так как простого адреса он не мог написать без затруднений и ошибок. Но он читал, хорошо воспринимал, много мыслил. По тем вопросам, по которым ему удалось прочесть хотя бы несколько книг, с ним спорить не легко было. Людям с университетским образованием и даже не глупым частенько приходилось отступать в смущении. Он был революционер честный и горячий. Как-то раз в разговоре он мне сказал, что, конечно, готов во всякую минуту отдать свою жизнь за революцию, но отдавая ее,

он хотел бы верить, что он еще когда-нибудь родится, и что эту вторую свою жизнь он посвятит науке. У меня не было ни малейшего основания сомневаться в искренности его слов, но меня удивило, что в течение нескольких месяцев нашей совместной жизни в санатории не заметно было, чтобы он много читал, работал, учился. Правда, условия жизни в санатории не располагали к умственному труду, но судя по его молодости, сумме накопленных знаний и условиям, в которых он жил, работоспособность у него была значительная. Пришлось обратиться к нему за разъяснением. Он ответил, что знания он приобретал и копил по ночам после дневного труда на заводе, что ему для умственного труда необходим предварительный труд физический, что только в этом случае занятия дают ему удовлетворение и радость. Отсутствие физического труда вызывает у него вялость мышления, он плохо воспринимает, занятия его раздражают. После дневного труда на заводе его мысль приобретает особую остроту и силу, он легко воспринимает и усваивает прочитанное, каждая фраза кажется ему выпуклее и ярче. Когда он мне говорил о бессонных ночах, проведенных им за книгой, о том большом счастье, которое книги ему доставили, о той свежести и ясности, с которой каждая прочитанная мысль запечатлевалась в его мозгу, мне казалось, что он в немногие часы, посвященные им умственному труду, проявлял напряженность и продуктивность мышления, граничащую с гениальностью. Я не думаю, чтобы это было обидно для гениев. Мне кажется, в жизни каждого среднего человека бывают минуты, когда он проявляет некоторую гениальность, у гениев эти моменты только чаще и отличаются большей продолжительностью. Но дело не в этом. Я только хочу сказать, что такие минуты, когда человек обнаруживает крайнюю напряженность и продуктивность мышления, повидимому, чаще посещают представителей передового слоя рабочего класса. Тов. Богданов в своей статье о пролетарском университете рассказывает, какой сильный отпечаток на его научную и философскую работу наложила первая встреча и совместная его работа с развитыми рабочими. В той или другой степени для всякого интеллигента-социалиста первая и непосредственная встреча с сознательными рабочими должна была оставить значительный след в его дальнейшем мышлении. Вот это-то серьезное влияние и определенный след, который до сих пор передовые слои рабочего класса оставляли на отдельных представителях интеллигенции, должно в дальнейшем существенным образом отразиться на всей культурной жизни страны. Для того, чтоб это произошло в достаточной мере, нужно, чтоб влияние это было сознательно и планомерно. Это только тогда возможно, когда способы мышления и особенности психики индустриального рабочего будут в достаточной степени выявлены, освещены и изучены. Эта одна из серьезнейших задач, стоящих пред пролеткультом.

Нужны чрезвычайно благоприятные условия, чтоб пролеткульт мог в достаточной мере справиться с серьезнейшими задачами, стоящими перед ними. Но уже одно то, что он сумел выдвинуть и разъяснить целый ряд задач и вопросов является его значительной заслугой.

Райнин.

О тенденциях пролетарской культуры ¹⁾.

А. Пролетарская культура вся в будущем.

Русская литература очень богата теоретическими изысканиями о пролетарской культуре. Добрый десяток писателей отдал свои лучшие силы этой заманчивой и интригующей теме. И несмотря на то, что часть из них, венчаемая таким схематиком, как А. А. Богданов, подходила к этому вопросу с

¹⁾ Статья печатается в дискуссионном порядке.

лабораторной осторожностью, все же от русских построений веет духом восточной философии, беспомощно-книжной и чуждой эксперимента. А. В. Луначарский дал этим схемам вдохновенные крылья, но все же лишь укрепил „восточный“ консерватизм Богданова. Группа писателей во главе с Потресовым выявила энергичный скептицизм, но на этом и кончила.

Все представленные теоретические попытки характеризуются тем, что они идеологичны, что они к сложной психологической проблеме подходят с грубой дедуктивностью, взятой на прокат из агитационных политических брошюр.

В области экономической литературы мы имеем такую монументальную величину, как „Финансовый капитал“ Гильфердинга, в машинной технологии мы имеем Тейлора, создалась новая наука наших дней—психотехника, а для построения системы пролетарской культуры оказалось достаточно элементарной теории классовой борьбы и теории вооруженного восстания...

Для того, чтобы почувствовать такую тонкую вещь, как пролетарская культура, уже мало быть литератором, адвокатом, политиком,—надо быть своего рода инженером, надо быть опытным социальным конструктором и добывать свои научные методы не из общих посылок о развитии производительных сил, а из тончайшего молекулярного анализа нового производства, дитятею которого является современный пролетариат.

И не русская современная промышленная действительность с отсталой какапской индустрией может открыть глаза пролетарскому психологу. Металлургия нового света, автомобильные и аэропланые фабрики Америки и Европы и, наконец, военная промышленность всего земного шара нового мира—вот новые гигантские лаборатории, где создается психология, где фабрикуется культура пролетариата. И будем ли мы переживать эпоху сверхимпериализма или же мирового социализма,—структура новой индустрии по существу будет одна и та же. И можно с уверенностью сказать, что теперь, в эти дни, в эпоху войны и революции, контуры новой индустрии еще не окончательно определились; индустрия еще только разворачивается. А психологические отложения этой индустрии в сознании работающего в ней пролетариата придут тогда, когда новая индустрия и выросший на ее основе быт станет обыденностью. Мы можем пока лишь учесть те рассыпанные психологические образования, которые намечаются у работников нового производства. Вообще же весь комплекс пролетарской культуры—в будущем.

Б. Рабоче - индустриальные типы.

В современной социально-политической литературе чрезвычайно упростились обращения с такими понятиями, как рабочий класс. В сознании литераторов это—одна сплошная масса, которая демонстрирует свою новую психологию в классовой борьбе. А между тем, если и в старой индустрии чувствовалось разделение рабочего состава на квалифицированных и чернорабочих, то в новой индустрии выступают определенно сложившиеся рабоче-профессиональные типы, друг от друга отграниченные, и в то же время связанные между собой общей производственной конструкцией.

Прощупать и определить сложившиеся рабочие типы чрезвычайно трудно. Их никоим образом нельзя определить, охарактеризовать „на глаз“. Даже непосредственный участник производства, будь то инженер, администратор или рабочий, может дойти до этих определений лишь через большую теоретическую и организационно-экспериментальную работу. К сожалению, не только в российской, но и в западно-европейской, даже в американской литературе нет никаких соответствующих указаний или работ. Даже так разросшаяся в последнее время тейлоровская литература дает лишь общую административную схему новых научных индустриальных предприятий и не пытается представить типы индустриальных рабочих.

Для нашей цели приходится обращаться к другим источникам. Такими источниками, как это, может-быть, ни покажется странным с первого взгляда,

являются рабочие тарифы, разработанные в индустриальном масштабе пока только в одной стране—России.

Чтобы внести в тарифную работу определенный план, приходилось улучшать общие „групповые“ и „категорийные“ определения рабочих. И в сознании работников профессиональных союзов и некоторой части инженеров складывались определенные характеристики рабочих. К сожалению, тарифная работа, несмотря на всю ее организационную солидность, не дала еще точных, законченных сводок.

Пишущий эти строки, один из тарифных работников России, решил в тарифную конструкцию внести ту научность, которая хотя бы отчасти соответствовала общей научности новой индустрии¹⁾. Сделать это было возможно только в стенах предприятия, завода. Для настоящей работы мы здесь и продемонстрируем некоторые добытые таким чисто экспериментальным, а в то же время и дедуктивным путем, данные.

Но прежде, чем делать намеченные демонстрации, необходимо принять, как аксиому, что пролетариат металлообрабатывающей промышленности и особенно тот, который работает в механическом производстве, это—как раз тот пролетариат, который прежде других знакомится и воспринимает новый производственный строй и является наиболее передовой пролетарской группой.

Продемонстрируем прежде всего класс станочных рабочих—серию стружкоотделительных работ. Это—рабочие-станочники, рабочие нового машинного производства. На представленной здесь таблице дана квалификация основных типов и основных профессий. (См. табл. № I.)

Тип I это—токаря-художники, которые не только прекрасно владеют токарной машиной-станком, но они в самом ходе токарного рабочего процесса как бы его монтируют²⁾. Это такой тип токарей, который наполняет конструктивные мастерские: инструментальные, сборочные, ремонтные и т. д. Аналогично токарям можно мыслить и квалификацию всех других профессий этой серии.

Тип II—станочных рабочих—характеризуется тем, что они, не имея тонкого художественного метода, зависящего от субъективных качеств работника, свободно переходят от станка к станку и могут работать оригинальные вещи. Если тип I можно назвать уточненным, современным отпрыском ремесленничества, то тип II, это—своего рода рабочий инженеризм. Тип II дает громадное количество людей, известных под именем установщиков, настройщиков, конструкторов. Это—контингент подлинных организаторов производства.

Тип III это—самый многообещающий тип в этом типе—полное торжество современного машинизма.

Массовая работа, лишенная какой бы то ни было субъективной печати, один произзывающий метод,—метод резца и шестерни, вот что характерно для типа III. Этот тип до войны был распространен сравнительно мало, он был на многих крупных заводах: машиностроительных, автомобильных, ружейных, артиллерийских, но окончательное его торжество было закреплено во время войны с ее массовым и нормализованным производством. Не надо думать, однако, что это—тенденция чисто „военная“,—нет, она целиком переходит в „гражданскую“ промышленность—электро-техническую, машиностроительную и даже котельную промышленность⁴⁾.

Тип IV это—станочники, так сказать, входящие в производство, это—тип взрослого машинизированного ученичества, где работают взрослые мужчины как бы на правах учеников индустрии. Производственная инициатива и педагогика здесь воплощаются не в лице мастеров и „погонял“, а рассыпанных по заводу установщиков.

¹⁾ Все попытки построения новой организации производства—теперь под именем „научной организации предприятий“.

²⁾ Монтаж мы понимаем как сборку, комбинирование, конструирование. Перевод французского „monter“ мы даем—„собирать“, „demonter“—„разбирать“.

Т а б л и ц а № 1.

Производство			Механическое					
Класс			Станочные рабочие					
Серия			Стружко-отделительные работы					
Профес- сии. Типы.	Токаря.	Револьверщики (включая рабо- тающих на по- луавтоматах).	Автомат- чики.	Фрези- ровщики.	Строгаль- щики.	Долбеж- ники.	Сверловщики.	Шлифовщики.
I.	Токаря-инстру- ментальщики, наготавливающие резьбовые и гладкие калиб- ры с доводкой в каленом виде.							Исполняющие доводки резьбо- вых и гладких калибров.
II.	Машинострои- тельные тока- ря-универсалы на оригиналь- ных работах.	На оригиналь- ных работах по обточкам вну- тренних и внешних по- верхностей, включая ориги- нальные нарез- ки при помощи гребенок и рез- цов.		Рабочие-универсалы на оригинальных работах.				Шлифовщики- универсалы по доводкам ори- гиналов.
III.	Токарь на мас- совой работе по калибрам, шаб- лонам, скобам.	На массовой работе по ка- либрам, шаб- лонам, скобам.		На массовой работе по калибрам, шаблонам, скобам.			На радиальных горизонталь- ных, много- шпиндальных станках, про- изводящие ра- сточки, фрези- рование и на- резки.	На массовой шлифовке по калибрам, ша- блонам и по микрометру.
IV.	Токаря на гру- бых обдирках.	Исполняющие массовую рабо- ту при помощи настройщиков.		На грубых работах по от- делкам поверхностей обди- рочных резцов или фрезиро- вание на поручных поверх- ностей.			На сверловоч- ных работах по машинам с контрольным кругом.	На заточке инструментов слесарных и станочных.
V.			Работаю- щие при по- мощи уста- новщиков.				На сверловке о кондукторами.	На зачистке поверхностей без определен- ной точности.

Т а б л и ц а № 2.

Производство				Механическое	
Класс				Ручная обработка металла	
Серия		Слесарь		Рубщики.	
Профес- сии. Типы.	Лекальщики.	Инструменталь- щики.	Машиностроитель- ные слесари.	Разметчики.	Рубщики.
I	Работающие на сырой и каленой работе с рихтовкой лекал и каленой доводкой карборундом.	На штампах простых, прямолинейных, радиальных, фасонных, сложных.	На притирках плоскостей и овалов с испытанием под краску, воду и воздух.	На генеральной машиностроительной и инструментальной разметке.	
II		На сыром изготовлении машиностроительных шаблонов.	На опиловочных работах с точностью до 0,01 мм./м.	На массовой разметке работающих машиностроительных деталей.	Точная рубка по рискам с допуском в 1,25 мм./м.
III		На изготовлении ходового слесарного и машинного инструмента.	На зачистках, требующих чистоты штриха и внешней отделки.		Грубая обрубка литья железа и стали.
IV			На черновых опиловках, имеющих характер заправки и зачистки грубым штрихом.		
V					

Т а б л и ц а № 3.

Производство				Механическое		
Класс				Монтаж		
Серия		Монтеры		Ремонтщики		
Профес- сии. Типы.	Механики.	Часовщики.	Машинострои- тельные монтеры.	Монтеры на приспособленных.	Установщики.	Ремонтщики.
I	Слесарная квалиф. машиностроительного слесаря I гр. Квалификация станочной работы II гр. Умение регулировать, выверять измерительные приборы и аппараты. Инструментальная квалификация II гр.	На большом ремонте часов и хронометров с изготовлением шпинделей всех систем.	Квалификация машиностроительного слесаря I гр. Умение установить машину на место и пустить в ход.	Инструментальная и слесарная квалификация I гр. Исполнение конструктивных работ по эскизам с непроставленными размерами. Умение установить и испытать приспособление.	Установщики, конструирующие оригинальные приспособления для станков, в том числе и для всякого рода автоматов.	
II	Слесарная квалификация II гр. и все прочие квалификации II гр.	На малом ремонте без изготовления шпинделей.	Квалиф. слесаря II гр. Умение собирать машины по эскизам размеров.	Инструментальная и слесарная квалификация II гр. Исполнение конструктивных работ по эскизам размеров.	Установщики, обслуживающие приспособления рабочих станочных III, IV и V гр.	Квалификация слесаря II гр. Умение составлять программы ремонтных работ. Умение распределять работу между рабоч. ремонтной колонны.
III			Квалиф. слесаря III гр. и рубрика III гр. Работа под контролем и указаниями монтеров I и II гр.		Установщики, обслуживающие простые, сверлильные машины (одншт. вертл.).	Квалификация слесаря III гр. Квалификация медника и жестяника III гр.
IV			Грузные сборочные работы, исполняемые по указаниям монтеров III гр. (подручные монтеры). Квалиф. слесаря IV гр.			Грузные сборочные работы, исполняемые по указаниям монтеров II и III гр.
V						

Т а б л и ц а № 4.

Производство		Механическое
Класс		Технический контроль
Серия		Контроль цеховой
Профес- сим.	Б РА К О В Щ И К И.	
Типы.		
I.	Браковщики слесарной работы, исполняемой по шаблонам и лекалам, а также притироч- ных работ с правкой всех слесарных дефектов работы. Слесарная квалификация I гр.	
II.	Браковщики слесарной работы с правкой ее по квалификации II гр.	
III.	Старшие браковщики станочной и слесарной работы, надзирающие за партиями браков- щиков и браковщиц. (Без правки работы).	
IV.	Браковщики, проверяющие изделия серий лекал или калибров. Браковщики, проверяющие изделия по операциям у рабочих мест.	
V.	Браковщики по вторичной браковке, лишь определенными лекалами и калибрами.	

Во время войны IV тип характеризовался невиданной динамичностью, поставляя целые полки рабочих в III группу. (Тип III).

Наконец тип V это — люди, почти не имеющие никакой выучки, это „чернорабочие“ или просто „рабочие“, известные под последним названием в Питере и Москве.

Далеко не просто дело обстоит с рабочей квалификацией и в области ручного труда. Чтобы показать это, мы приводим следующую таблицу. (См. табл. № II.)

Здесь новая индустрия точно так же дает свои „типические“ отложения. И любопытно, что те же „машинизированные“ тенденции выступают и здесь, как и в работах чисто станочных. Тип I дает высшее художественное слесарное достижение: лекальные и штамповочные работы, где нечего делать рабочему с мозолистыми руками, а надо иметь невиданно-тонкое пальцевое осязание, которое незнакомо даже нашей изысканной буржуазии. Как и в станочных работах типа I, здесь необходима чисто монтировочная сноровка.

Мы не будем подробно останавливаться на других типических характеристиках; отметим лишь любопытную тенденцию внедрения машинизма в

представленные виды работы. Тенденция намечается снизу вверх: от IV типа к I. Тип I будет съеден машинизмом тогда, когда вместо „типа“ появится специальный завод инструмента.

Переходим теперь к новой чрезвычайно интересной серии чисто-монтажных типов. (См. табл. № III.)

Монтажные типы любопытны тем, во-первых, что они постепенно развенчивают свои чисто ручные операции, заменяя их машинными; во-вторых, тем, что высший тип как бы выступает массовым учителем низшего. Это особенно заметно в такой профессии, как установщик, где тип I учит тип II, тип II учит III тип и так далее. Может быть, тип III возьмет тип IV не из серии монтажной, а из станочной или серии ручной обработки. Во всяком случае мы здесь вскрываем вместо индивидуального профессионального накопления посредством индивидуальных указаний мастеров—рассыпанное массовое инструктирование.

При современной специализации возможны и такие парадоксы, что установщик III типа будет инструктировать токаря II или даже I типа. Вот этот парадоксальный перебой в инструктировании необходимо лишний раз отметить, чтобы показать, до чего инструктирование в современной индустрии переходит в заурадную работу или даже в мелкую „операцию“. Ремесленная педагогика тут летит вверх ногами.

Только что отмеченная тенденция выступает еще яснее, когда мы продемонстрируем „типы“ технического контроля. (См. таб. № IV.)

В переходный период от старой индустрии к новой в качестве браковщиков выступают экстраквалифицированные рабочие, прошедшие полный станочный, слесарный и монтажный стаж (тип I). Но в индустрии научно построенной квалификация браковщиков постепенно опускается до IV и V типов. Технический контроль становится, как это ни странно, теперь привилегией самых неквалифицированных рабочих. Мало того, в дальнейшем технический контроль эволюционирует так, что контролируют уже не чернорабочие, а специальные механизмы, инструменты, машины. Чтобы управлять такой машиной даже не надо быть грамотным...

Только что приведенные „типические“ характеристики дают нам возможность сделать несколько обобщений.

Выживающий тип пролетариата, представляющий, действительно, трудовую природу класса,—это тип III. Это тот тип, куда идет деквалификация высших и квалификация низших типов. Он характеризует *длительную* социально-трудовую динамику класса. Он характеризуется высшей степенью *машинизации* труда, его *нормализованностью*, *объективизмом* работы, чуждой личных индивидуальных эффектов и, наконец, *точностью* самой работы.

Все эти качества III типа и должны быть характерны для психологии „нового“ пролетариата.

Представленные здесь „типы“ дают материал и для социально-трудовой психологии пролетариата. Перед нами раскрывается не только машинизированный индивидуум-рабочий, но и машинизированная система трудового управления. Не лицо, не авторитет, а „тип“—группа управляет другими „типами“—группами или даже машина, в буквальном смысле этого слова, управляет живыми людьми. *Машины из управляемых переходят в управляющие.*

В. Рабоче-производственные нормы.

Еще тогда, когда не развернулся так широко современный машинизм, в западно-европейском пролетариате, особенно в английском, обозначались любопытнейшие социально-трудовые нормировки. Они затрогивали так глубоко и так разнообразно трудовую жизнь европейского пролетариата, что систематизация их потребовала бы несколько солидных томов. Здесь мы приведем главнейшие, уже наше время соответственное отражение и в российском пролетариате.

Самыми показательными нормами надо признать так называемые *нормы выработки*. На заре рабочего движения они складывались как форма обычного

рабочего права, потом они были закреплены регламентами и уставами профессиональных союзов. В России нормирующие постановления были развиты чрезвычайно слабо, но во время революции от лица самого передового союза рабочих-металлистов был брошен лозунг борьбы за нормы выработки, подхваченный потом всей рабочей Россией. Напрасно было бы думать, что нормы выработки преследовали лишь цель нарочитого организованного понижения производительности. Нет, они в своем роде представляли классовую гордость пролетариата. Ведь это было и есть не что иное, как выработка одинаковой трудовой напряженности целых рабочих предприятий, целых профессий и, наконец, целого класса. В дальнейшем развитие этой нормировочной тенденции обещает не виданную старым миром классовую претензию пролетариата — работать не только в пределах своей нации, но и на всем земном шаре совершенно *одинаковым темпом*.

Любопытно, что эту тенденцию живых людей-работников завершает машинная регламентация скоростей, от которой не имеет права отступать современный рабочий ни в ту ни в другую сторону.

Нам могли бы возразить, что система Тэйлора своим сознанием „сверх норм“, созданием „типов-модель“ разрушает нивелирующую тенденцию нормирования. Но это глубокое заблуждение. Система Тэйлора может производить свои дикие опыты с „сверх-нормами“ исключительно с чернорабочими и с ручным трудом, мало квалифицированным. На высшей стадии машинизма тэйлоризм просто совпадает со всей машинной технологией века и пасует перед ее твердыми фиксированными нормами.

Одним словом, чисто человеческое рабочее нормирование труда было смутным предчувствием твердого машинного нормирования труда, в котором тонет всякий субъективизм и торжествует голый принцип технологии, превращающейся мало-по-малу и из чисто технической в социальную.

Социальное нормирование в недрах рабочего класса чувствуется не только в области чисто трудовой жизни, но проникает во весь социальный уклад, во весь быт.

Постепенно, шаг за шагом, вместо рассыпанных местных обычаев, конструируется, так сказать, экстерриториальный план рабочих часов, рабочих отдыхов, рабочих перерывов и проч. И здесь опять — таки чувствуется совпадение смутных рабочих стремлений с тенденцией машинизма, который предусматривает квалификацию рабочих отдыхов, перерывов и проч.

Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в боевые формы рабочего движения: стачки, саботаж, — социальное творчество, питание, квартиры и, наконец, даже в интимную жизнь вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата.

Г. Контуры пролетарской культуры.

Надо ли еще раз сказать, что к определению пролетарской культуры надо подходить с величайшей осторожностью. Храбрость некоторых мыслителей в этом вопросе большей частью венчается лишь банальностью.

Говорят, что это прежде всего культура труда. Но труд существует с сотворения мира. Это психология труда наемного. Но и здесь трудно отличить рабскую психологию от пролетарской. Психология борьбы, восстания, революции... Но разве мало прошло в общей исторической процессии революционных классов? Наконец, последняя, решающая характеристика — коллективизм. И опять же „но“. Коллективы — артели, коллективы — коммуны, коллективы религиозные, коллективы политические, социальные... Их было тысячи...

Напрасно стали бы мы черпать материал для пролетарской культуры в различных формах рабочих организаций политических, профессиональных и кооперативных. Ведь эти организации свое организационное проявление находят лишь в одной форме — демократии, парламентарной или прямой в виде референдумов. Не надо думать, что тип „советской“ организации открывает

нам какие-либо новые горизонты для раскрытия пролетарской культуры. Ведь „советская“ конституция есть не что иное, как демократия с избирательными ограничениями для имущих классов, и кроме того, ведь советы это — политический блок пролетариата, крестьянской бедноты, и даже крестьян „середняков“. Куда-то вдаль, куда-то ввысь от этих временных образований надо идти, чтобы прощупать восходящую культуру пролетариата.

Для нового индустриального пролетариата, для его психологии, для его культуры прежде всего характерна сама индустрия. Корпуса, трубы, колонны, мосты, краны и вся сложная конструктивность новых построек и предприятий, катастрофичность и неумолимая динамика, — вот что пронизывает обыденное сознание пролетариата. Вся жизнь современной индустрии пропитана движением, катастрофой, вделанной в то же время в рамки организованности и строгой закономерности. Катастрофа и динамика, скованная грандиозным ритмом — вот основные, осеняющие моменты пролетарской психологии.

Методическая, все растущая точность работы, воспитывающая мускулы и нервы пролетариата, придает психологии особую настороженную остроту, полную недоверия ко всякого рода человеческим ощущениям, доверяющуюся только аппарату, инструменту, машине.

Машинизирование не только жестов, не только рабоче-производственных методов, но машинизирование обыденнобытового мышления, соединенное с крайним объективизмом, поразительно нормализирует психологию пролетариата. Смело утверждаем, что ни один класс ни старого, ни современного мира не проникнут такой нормализованной психологией, как пролетариат. Где бы он ни работал: в Германии, в Сан-Франциско, в Австралии, в Сибири, у него есть только общие психологические формулы, которые воспринимают с быстротой электрического тока первый производственный наметок и завершают его в сложный шаблонный комплекс. Пусть нет еще международного языка, но есть международные жесты, есть международные психологические формулы, которыми обладают миллионы. Вот эта-то черта и сообщает пролетарской психологии поразительную анонимность, позволяющую квалифицировать отдельную пролетарскую единицу как А, Б, С, или как 325, 075 и 0 и т. п. В этой нормализованности психологии и в ее динамизме — ключ к величайшей стихийности пролетарского мышления. Это не значит, что пролетариат элементарно-стихийен, как крестьянская масса, артельная, шальная, слепая, — нет это значит, что в его психологии из края в край мира гуляют мощные грузные психологические потоки, для которых как будто уже нет миллиона голов, есть одна мировая голова. В дальнейшем эта тенденция незаметно создаст невозможность индивидуального мышления, претворяясь в объективную психологию целого класса с системами психологических включений, выключений, замыканий.

Рядом с отмеченной, нормализованной психологией надо отметить ее особую социальную конструктивность.

Пролетариат, постепенно разбиваемый новой индустрией на определенные „типы“, „виды“, на людей определенной „операции“, на людей определенного жеста, с другой стороны впитывает в свою психологию весь тот грандиозный монтаж предприятия, который проходит перед его глазами. Это, главным образом, открытый и всем видимый монтаж самого завода, последовательность и соподчиненность операций и фабрикаций, наконец, генеральный монтаж всего производства, выражающийся в подчинении и контроле одной операции — другой, одной фабрикации — другой, одного „типа“ другому и т. д. Психология пролетариата здесь уже превращается в новую социальную психологию, где один человеческий комплекс работает под контролем другого и где часто „контролер“ в смысле трудовой квалификации стоит ниже контролируемого и очень часто персонально совершенно неизвестен. Эта психология раскрывает новый рабочий коллективизм, который проявляется не только в отношениях человека к человеку, но и в отношении целостных групп людей к целостным группам механизмов. Такой коллектив-

визм можно назвать *механизированным коллективизмом*. Проявления этого механизированного коллективизма настолько чужды персональности, настолько анонимны, что движение этих коллективов-комплексов приближается к движению вещей, в которых как будто уже нет человеческого индивидуального лица, а есть ровные, нормализованные шаги, есть лица без экспрессий, душа, лишенная лирики, эмоция, измеряемая не криком, не смехом, а манометром и таксометром.

Не ясно ли, что в лице пролетариата мы имеем растущий класс, который разворачивает одновременно и живую рабочую силу, и железную механику своего нового коллектива, и новый массовый инженеризм, превращающий пролетариат в невиданный социальный автомат.

Все это не так просто как хотелось бы думать многим специалистам по пролетарской культуре.

Не с такой простотой мы хотели бы подойти и к проблеме пролетарского искусства.

Обыкновенно, говоря о пролетарском искусстве, идеологи не только просто разрешают самый вопрос, но и главной характеристикой пролетарского искусства считают его нарочитую простоту. Такой подход к величайшей проблеме современности нам представляется большим недоразумением. Если даже говорить не о пролетариате, а о современном народе вообще, прошедшем через горнило техники, войны, революции, то к нему теперь не подойдешь с той нетронутой простотой, которой характеризуются наши народные художники-классики. Что же касается пролетариата, то подходить к нему с простотой значит с нашей точки зрения проповедывать ханжество.

Конечно, не надо умышленно кривляться и заниматься стилизацией, но не надо упиваться и лубком.

Со стороны внутреннего содержания нового пролетарского искусства придется подойти к раскрытию всех сложных растущих психологических переживаний посылно нами раскрытых выше. И если бы мы были только благочестивыми лубочниками, то, конечно, постарались бы только лишь влить „новое вино“ в меха старье. Но такое предприятие будет обречено на неудачу. Класс, раскрывающий невиданную психологию, потребует рано или поздно новых методов раскрытия, он потребует нового художественного стиля.

Мы не хотим быть пророками, но во всяком случае с *пролетарским искусством* мы должны *связывать ошеломляющую революцию художественных приемов*. В частности художникам слова придется разрешить уже не такую задачу, какую поставили себе футуристы, а гораздо выше. Если футуризм выдвинул проблему „словотворчества“, то пролетариат неизбежно ее тоже выдвинет, но самое слово он будет реформировать не грамматически, а он рискнет, так сказать, на технизацию слова. Слово, взятое в его бытовом выражении, уже явно-недостаточно для рабоче-производственных целей пролетариата. Будет ли оно достаточно для такого тонкого и такого нового творчества, как пролетарское искусство? Мы не предпрещаем формы технизирования слова, но ясно, что это будет не только звуковым усилением, оно будет постепенно отделяться от живого его носителя — человека. Здесь мы вплотную подходим к какому-то действительно новому комбинированному искусству, где отступают на задний план чисто человеческие демонстрации, жалкие современные лицедейства и камерная музыка. Мы идем к невиданно-объективной демонстрации вещей, механизированных толп и потрясающей открытой грядиозности, не знающей ничего интимного и лирического.

А. Гастев.

О тенденциях пролетарской культуры.

(Ответ А. Гастеву).

1. Вопрос о пролетарской культуре нельзя решать слишком просто: это сложный и трудный вопрос.

2. Его следует решать на основе живой действительности, путем исследования тенденций развития.

Вот положения, для нас вполне бесспорные, нами всегда проводившиеся, и которые только по странному недоразумению тов. Гастев выдвигает как нечто новое.

3. Решать этот вопрос следует всецело исходя из техники производства, из его „тончайшего молекулярного анализа“.

Так пытается решать его тов. Гастев. Здесь начинается наше расхождение с ним. Мы полагаем, что исследование нарождающейся культуры следует вести, исходя *в первую очередь* из условий техники, но не *всецело* из них, не *только* из них. Третье положение противоречит второму: оно берет не всю живую действительность с ее тенденциями, а только часть ее, одну сторону. Технический процесс производства есть основа социальной жизни, но не *вся* эта жизнь. Пролетариат живет *трудом*, но не исключительно в труде: он живет также в сфере *экономических* отношений к капиталу и рынку, как продавец рабочей силы и покупатель предметов потребления. Он живет также в сфере возникающей отсюда политической, а затем и „культурной“ борьбы, в узком смысле слова. Пролетарская жизнь есть целое, и надо исследовать ее в целом, а не вырывать кусок, хотя бы и очень важный, основной. Здесь Гастев хочет решать вопрос чересчур „просто“, — значит, как видим, вступает в противоречие и с первым своим положением.

4. Металлургия Нового Света, автомобильные и аэропланные фабрики Америки и Европы и, наконец, военная промышленность всего земного шара нового мира—вот новые гигантские лаборатории, где создается психология, где фабрикуется культура пролетариата“. Это „надо принять как аксиому“, повторяет затем Гастев.

И на это мы не согласны. Решение вопроса становится еще более „упрощенным“. Вместо целой живой действительности берется уже не одна ее сторона, а кусок этой ее стороны. И берется без анализа. Механическое производство в *общем* можно признать передовым: научная техника, концентрирующая гигантскую сумму накопленного опыта, огромная концентрация живой рабочей силы. Но разве ниже по научно-технической прогрессивности, напр., химическая индустрия Германии? А затем, насчет „всей военной промышленности земного шара“ следовало быть много осторожнее, именно со времени мировой войны. Дело в том, что „промышленная мобилизация“, с необыкновенным расширением военной индустрии, втянула в нее огромную массу *отсталых* элементов, по всему прошлому не пролетарских, а мелко-буржуазных и крестьянских. Коренной пролетариат всюду был сильно разбавлен, а во многих случаях прямо-таки затоплен им. Сразу стать „культурным авангардом“ рабочего класса они, конечно, не могли. Напротив, как раз отсталостью этих масс определились некоторые организационные особенности самой военной индустрии, в том числе, как увидим, одна важнейшая, по мнению Гастева, тенденция.

Итак, уже в исходных пунктах нашего критика есть несомненные ошибки и противоречия. Но, прежде чем проследить, как они на деле приводят его к ложным выводам, нам надо остановиться на одной скрытой ошибке, свойственной не одному Гастеву, на ложной предпосылке, которая бессознательно принимается в наше время огромным большинством людей. Это—смешение трех глубоко-различных организационных понятий: „планомерная организация“, „регулирование“, „нормирование“.

Гастев, несомненно, разделяет нашу основную идею относительно „культуры вообще, классовой или не классовой: именно, что она сводится к совокупности методов и средств организации социальной жизни людей. Согласится он, вероятно, и с тем, что пролетарская культура идет в направлении *планомерной организации жизни*, сначала самого класса, затем всего общества. Но что такое эта *планомерная организация*?

Когда в Германии был широко проведен государственный капитализм, то многие—вероятно, почти все—экономисты рассматривали его, как „*планомерную организацию*“ экономики общества, проведенную буржуазией в ее интересах. На самом же деле это была далеко еще не *планомерная организация*, а только *регулирование*, в наибольшей же части и того меньше—всего лишь *нормировка*.

Через широкую и глубокую реку требуется построить мост. Постройка „*планомерно организуется*“ инженерами. Что сюда входит? Сначала исследование местных условий, т.е. приобретение новых, относящихся к задаче данных. Затем составление и разработка плана, т.е. комбинирование этих данных с накопленным раньше техническим опытом при помощи научных методов. Затем подбор соответственных работников, приобретение материалов, орудий, целесообразное распределение всех этих элементов производства. Наконец, сообразное с планом выполнение самого дела. Можно ли охватить такую совокупность организующих актов одним понятием „*регулирования*“? Конечно нет.

Регулирование—это только „упорядочение“ того, что делается, внесения правильности в идущий процесс работы. Глубже лежит вся *творческая* сторона процесса, которая и есть его основа. Ее можно обозначить, как „комбинирование“ разных элементов процесса—взявши термин в самом широком значении: комбинирование данных опыта в стройный план живых и мертвых элементов производства в цельную действительную группировку.

Когда этим путем создан план и реально собраны воедино все условия его выполнения, тогда „дело“ идет этап за этапом к своей цели: организованной системе вещей, называемой мостом. В самом ходе дела возникают несогласованности и противоречия. Напр., рабочие, исполняющие одну операцию, не успевают за другими, которые ведут другую, технически предшествующую или последующую; у иных обнаруживается нерасчетливость в обращении с материалом, или неосторожность с машинами; некоторые служащие вызывают недовольство и протест подчиненных, чем нарушается ход работы; какие-нибудь доставленные машины оказываются по величине полезного действия ниже, чем предполагалось, какие-нибудь строительные материалы не с теми коэффициентами сопротивления, что значились в проекте и по договорам с поставщиками, и т. под. Тогда выступает на сцену второй момент организационного процесса: „регулирование“. Оно устраняет противоречия, вносит необходимую согласованность во взаимоотношения разных живых и мертвых факторов, изменяет для этого их пропорции, темп работы, отбрасывает негодное, и т. д. Оно не создает, а исправляет то, что уже есть; оно само по себе не инициативно, а только следует за событиями, за требованиями, которые предъявляет ход дела. Оно подобно судебному приговору, который не предотвращает преступления, но восстанавливает нарушенный им порядок.

Самый характер регулирования бывает различен. Здесь представляется два типических случая: „индивидуализация“ и „нормирование“. В первом согласование вырабатывается специально для *тех данных* условий, которые вызвали вмешательство регулирующей активности; напр., выяснив, насколько рабочие одной функции отстают от рабочих другой, с нею связанной, соответственно увеличивают число первых или уменьшают число вторых; устраняют инженера, которым рабочие недовольны; перевычисляют и изменяют размеры некоторых частей постройки сообразно найденным на деле коэффициентам сопротивлений материалов, и т. п. Во втором случае ограничиваются применением какой-нибудь „нормы“, которая должна служить для всех случаев подобного рода;

напр., рабочим предписывается определенный дневной „урок“, с требованием, чтобы они его выполняли или увольнялись; на выражение недовольства отвечают штрафами и предложением подчиняться или уходить; материалы постановляют принимать только вполне соответствующие первоначальным предположениям, а в противном случае отсылать их обратно. Словом, это—регулирование по шаблону.

Не надо думать, что творческий организационный момент относится только к началу процесса, в нашем примере—технического предприятия. Нет, в разной степени, он играет роль и на дальнейших стадиях. Во-первых, если в ходе дела обнаружится много новых, не предусмотренных обстоятельств, или извне жизнь предъявит новые потребности, то может понадобиться пересмотр выработанного плана, переорганизация всей системы; напр., выяснится очень быстрый экономический рост окружающего района, и возможность того, что мост должен будет вскоре обслуживать гораздо более широкий транспорт; или вероятность того, что он понадобится для стратегических целей, и т. под. В любом капиталистическом предприятии этот момент выступает во всяком расширении производства, при всяком техническом или организационном усовершенствовании, при введении новой машины, а также когда предприятие приспособляют для выделки нового продукта, и т. д. Вообще, в *развивающейся* системе он имеется постоянно, и есть именно двигатель развития.

Во-вторых, творческий момент, хотя и в ослабленной степени (без характера инициативы) сопровождает и большинство случаев регулирования, особенно там, где применяется индивидуализация: тут прежде всего комбинируются данные и делаются выводы, и результат является частично-новым, если не в качественном, то в количественном смысле. То же относится и к нормировке в ее *начальной* фазе, когда норма вырабатывается: это акт комбинационного, созидательного характера. В дальнейшем, когда норма или шаблон только применяется, творческий момент уменьшается до ничтожной величины, и регулирующий акт становится просто механическим¹⁾.

В деле планомерной организации сторона инициативно-творческая, очевидно, является по преимуществу *человеческой*, всего меньше может передаваться мертвому механизму, всего больше зависит от культуры работника—от суммы его опыта и знания, от навыка в применении методов, от гибкости нервно-психического аппарата. Напротив, сторона регулятивная, а особенно регулирование по нормам, по шаблонам, несравненно меньше связана с этими условиями; путем технического упрощения, путем дробления на отдельные, частичные операции, она доводится в массе случаев до такой элементарности, что легко передается сначала не—квалифицированному и мало-культурному работнику, а затем даже машине.

Именно об этом шаблонном регулировании говорит Гастев следующее:

„Технический контроль теперь становится, как это ни странно, привилегией самых неквалифицированных рабочих. Мало того, в дальнейшем технический контроль эволюционирует так, что контролируют уже не чернорабочие а специальные механизмы, инструменты, машины“...

Но когда это приводит его к выводу о „машинизированной системе трудового управления“ о том, что „*машины из управляемых переходят в управляющие*“ (он сам подчеркнул это курсивом),—то для нас уже должно быть ясно, что он впал в недоразумение. Если, напр., рабочий вытягивает стальные шарики, а контрольная машина отбрасывает в сторону те из них, которые

1) Стихийные организационные процессы природы не по существу отличаются от планомерных, выполняемых человеком: те и другие подчинены общим закономерностям. Исследуя их в „Тектологии“ (организационной науке), я обозначил инициативно-творческий момент тех и других словом „конъюнция“, регулирующий—термином „подбор“; оба термина взяты из биологии, которая среди частных наук ближе всех подошла к общим организационным вопросам. „Конъюнция“ есть универсальный формирующий механизм; она создает новое путем соединения того, что есть; „подбор“—ассоциальный регулирующий механизм, который из этих новых формирований сохраняет один приспособленный к их среде, разрушает другие, неприспособленные к ней.

отклоняются от нормальной величины диаметра, или имеют царапины, неровности, то это далеко еще не значит, что машина стала „управляющим“, т. е. организатором производства. Он смешал организаторскую функцию вообще с ее нисшей стороной—шаблонно-нормировочной. А где же вся главная инициативно-творческая сторона, и где даже высшие формы регулирования, с индивидуализацией условий?

Во многих машинах давно имеются регуляторы силы пара, силы тока, скорости движения, и пр. Когда такой регулятор поставлен, положим, на известное число оборотов в секунду, то понятно, что тем самым „регулируется“ затем и внимание рабочего, и темп его действий. Но значит ли это, что машина им распоряжается? Он должен быть, действительно, фетишистом, чтобы так воспринимать факты. Пусть он не сам установил норму скорости машины; но он знает, что она установлена другими участниками производства, на основании коллективно-трудового опыта, воплощенного в науку. Таким образом мнимая власть машины является для него—если он не фетишист—лишь выражением его организационной связи с другими людьми, и даже с другими поколениями, опыт которых мог быть учтен в данной норме. Если другие, установившие норму, социально-чужды ему, не принадлежат к его товарищескому коллективу,—пусть это буржуазно-инженерская интеллигенция,—то он ощущает над собою власть, но не власть машины, а враждебно-классовую; она будет тогда порождать в нем идеологию борьбы, а не идеологию „нормализации“, как полагает Гастев.

Но он ссылается на те „нормировочные тенденции“, которые идут уже из самого рабочего класса. Они, по словам Гастева, обозначались в западно-европейском пролетариате, особенно английском, еще тогда, когда „современный машинизм не развернулся так широко“, еще „на заре рабочего движения“. Отразились они и в России. На первом плане Гастев ставит „нормы выработки“, борьба за которые объединила рабочих всей России во время революции. Они отнюдь не просто преследовали цель нарочитого организованного понижения производительности. „Нет, они в своем роде представляли классовую гордость пролетариата“. В своем развитии эта нормировочная тенденция „общает невиданную старым миром классовую претензию пролетариата — работать не только в пределах своей нации, но и на всем земном шаре совершенно одинаковым темпом“.

Поразительно, до какой степени предвзятая идея мешает ясности взгляда, беспристрастности исследования. Самые различные вещи смешиваются воедино, когда они внешним образом подходят под заранее принятую схему. И еще тот же Гастев без малейшего одобрения называет меня „схематиком“!

Всякому экономисту и многим даже неэкономистам известно, что „нормировочные тенденции“ английских трэд-юнионов „на заре рабочего движения“ были прежде всего *перешитком* предшествующей ремесленно-цеховой регламентации. Оттого в этих нормировках было так много бесспорно-реакционного. И видеть в них тенденцию пролетарской культуры!

Иного характера борьба за нормы выработки, напр., у нас в революционную эпоху, при обострении классовой борьбы. Эти нормы устанавливаются не по среднему рабочему, а ниже среднего, чтобы не выбрасывать за борт значительную долю работников. По этому они способны „организованно понижать производительность“, и Гастеву приходится их оправдывать „классовой гордостью“, в форме „претензии на одинаковый темп работы“. Для трудового класса, стремящегося взять в свои руки всю организацию производства в целях высшего прогресса, такая невыгодная для производительности „гордость одинакового темпа“ может показаться странной. Но она имеет свои, *временные* основания. Где всего важнее и нужнее „одинаковый темп?“ В армии. Для чего он требуется? Для сплочения боевой массы. „Нормы выработки“ значают коллективизм не труда, а социальной борьбы, служат не для технического прогресса, а для победы. Очевидно, это лишь временная и частичная

тенденция. Строить на ней пролетарскую культуру, значит—впадать в „консерватизм“, который так любезно тов. Гастев мне всецело уступает.

Но,—говорит он,—нормировочная тенденция совпадает с общей тенденцией развития машинизма. Недаром „война с ее массовым нормализованным производством“ закрепила торжество III тарифного типа приведенных таблиц. Это тип „массовой работы, лишенной какой бы то ни было печати“, где господствует „один произзывающий метод—метод резака и шестерни“. И далее: „Это именно тот тип, куда идет деградация высших и квалификация низших типов. Он характеризуется высшей степенью *машинизации* труда, его *нормализованностью*, *объективизмом* работы, чуждой всяких индивидуальных эффектов, и наконец, *точностью* самой работы“. Действительно, если месяц за месяцем точить, в сотнях тысяч, в миллионах, шпательные трубки или патронные гильзы одного и того же калибра, какие уже тут индивидуальные эффекты! Но это ли идеальный тип работника?

III тип до войны, т.-е. в более нормальных условиях производства, был мало распространен; а война его страшно размножила. Почему? Потому что потребовалось сразу в сотни раз увеличить производство шаблонных элементов истребительной техники: патронов, снарядов, винтовок, полевых орудий, и пр. Были привлечены массы не-пролетарского, городского и сельского населения, без навыков индустриальной техники, без пролетарского заводского воспитания. Приспособить их к новому делу в кратчайший срок было возможно только путем полного сведения работы к шаблонам, путем крайней „нормализации“. Что же этот неизбежный на время способ обработки отсталых, непролетарских рекрутов военной промышленности предопределяет линию развития пролетарской культуры в целом? Было бы слишком печально, если бы это было возможно. К счастью, для этого нет никаких оснований. Итог милитаризма, всюду, а не только в казарме, механизмирующего людей, будет и здесь в свое время сброшено пролетариатом.

С неуклонной последовательностью, которая заслуживала бы лучшего применения, тов. Гастев делает, поистине, грозные выводы:

„Социальное нормирование в недрах рабочего класса чувствуется не только в области чисто трудовой жизни, но проникает во весь социальный уклад, во весь быт... Постепенно расширяясь, нормировочные тенденции внедряются в боевые формы рабочего движения: стачки, саботаж,—в социальное творчество, питание, квартиры, и наконец, даже в *интимную жизнь, вплоть до эстетических, умственных и сексуальных запросов пролетариата*“. (Курсив мой. А. В.).

Эта чудовищная аракчеевщина есть, конечно, порождение не производственного коллективизма, а милитаристической муштровки.

И еще вывод—о „величайшей стихийности пролетарского мышления“, соединенной с „поразительной анонимностью, позволяющей квалифицировать отдельную пролетарскую личность“ каким-нибудь номером или буквой. Он пытается уверить, что это не обыкновенная стихийность, „шальная, слепая“, а какая-то иная, высшая. Но увы!—вот картина, которую сам он тут же рисует: „мощные грузные психологические потоки, гуляющие из края в край мира“, с психологическими „включениями, выключениями, замыканиями“... Это именно картина так называемых „панических массовых настроений“, с резкими переходами от подъема к упадку, от боевого порыва к покорной сдаче или безумному бегству. Это—не коллектив, это всего лишь толпа, или даже стадо.

Гастев недаром отказывается характеризовать пролетарскую культуру ее коллективизмом. Это, по его мнению, ничего не выясняет. „Коллективы-артели, коллективы-коммуны, коллективы религиозные, политические, социальные... Их было тысячи“,—говорит он.

Да, их было тысячи; и потому надо исследовать, тов. Гастев, а не просто отмахиваться. И от этих тысяч надо перейти к тому единому, пролетарскому трудовому коллективу, который и создает, сперва стихийно, а

потом все более сознательно, новую культуру. И когда „схематик“ исследовал, то оказалось вот что.

Пролетарский коллектив отличается и определяется особой организационной связью, которая называется *товарищеским сотрудничеством*. Это такое сотрудничество, в котором организаторская и исполнительская роль не разъединены, а связаны в общей совокупности работников, так что нет властного авторитета и не рассуждающего подчинения, а есть общая воля, которая решает,— и участие каждого в выполнении общего дела. Где же работа требует прямого руководства отдельного лица, там вместо авторитета и власти выступает товарищески признаваемая компетентность; и тот, кто в одном деле был инструктором, в другом может сейчас же следовать указаниям товарища, которым только что руководил: организатор и исполнитель часто меняются местами. Это кажется „парадоксом современной специализации“ тов. Гастеву, который отмечает возможность того, что установщик III типа будет инструктировать токаря II или даже I типа; но это давно отмеченная в „схемах“ черта новейшего сотрудничества.

Исследование трудового коллективизма, действительного принципа пролетарской культуры, велось не на основе „элементарной теории классовой борьбы и теории вооруженного восстания“. Оно исходило из трудовой техники машинного производства. В этом сам Гастев только последовал по намеченному до него пути.

В ряде работ было показано, как машина порождает и вынуждает новый тип труда, совмещающий особенности организаторского и исполнительского, как при этом возрастает все более основная однородность труда рабочих и преодолевается разъединяющая сила специализации, как новые технические условия ведут ко все более широкому нервно-психическому прогрессу рабочей силы, к повышению культурного уровня пролетария. Правда, все это опиралось не на опыт мобилизованной промышленности, его тогда и не было, лет за 15 до мировой войны. Но имелся опыт более, чем векового развития машинного производства в нормальных, мирных условиях, и временная обстановка нескольких лет, созданная разрушительными задачами, не может подорвать сделанных выводов.

Напротив, совершенно неверным следует считать вывод Гастева о неизбежном поглощении I и II рабочего типов, типов артистической тонкости и инженерски-разносторонней умелости, обезличенно-механичным III типом. Это—тип только *средний*, и только для определенного момента, а вовсе не тип *нормальный*. Совершенно непонятно, почему высшие типы должны „девальфироваться“, т. е. принижаться к нему. Наоборот, прогресс и усложнение машин вместе с культурным ростом работников должны мало-по-малу возвышать этот тип до нового уровня, сливающего технически-артистическое чутье с универсальной технической умелостью. В коллективе связь создается основной однородностью типа, дающей глубокое взаимное понимание; но единица в нем ценна не „безличностью“, а напротив, „индивидуальностью“, которая отнюдь не означает индивидуализма, а означает своеобразие личного опыта и способностей, благодаря которому все единицы дополняют друг друга в целом.

Гастев не видит, насколько противоречит обезличенной „нормализованной“ механичности та „социальная конструктивность“, в которой он сравнительно усматривает важную тенденцию пролетарской культуры. Где уж там безличностно-механическому исполнителю „впитать в свою психику весь грандиозный монтаж предприятия“!

А между тем для широкой „социальной конструктивности“ требуется „впитать“ не только этот монтаж отдельного предприятия. И потому наше исследование на нем не остановилось.

Техника отдельного предприятия, как бы оно ни было грандиозно, способна связать воедино только рабочих этого предприятия. Она не может сама по себе дать связи классового пролетарского коллектива, а следовательно и служит исключительной основой пролетарской культуры.

Товарищеское сотрудничество, которое зарождается и углубляется в рамках мастерской, завода, расширяется и выходит из этих рамок в социальной борьбе. Связь общего экономического положения, общих интересов оформляется и развивается дальше в рабочих организациях, профессиональных, кооперативных, политических, а затем и культурных.

Это надо помнить, а не игнорировать, как делает тов. Гастев, говорящий по этому поводу о „грубой дедуктивности, взятой напрокат из агитационных брошюр“. Он слишком „упрощает“ и самый вопрос, и свои расчеты с другой стороны.

В его упрощенных схемах есть еще одна сторона, скрытая, но страшно важная. За его коллективом, созданным по образу и подобию отсталых масс, втянутых в индустрию ее мобилизацией, невидимо чувствуются руководящие авторитеты.

В самом деле, способна ли эта масса механизированных безличностей, в головах которой „из края в край гуляют“ хотя бы очень „грузные и мощные психологические потоки“,—способна ли она—этот III тарифный тип—взять на себя *планомерную организацию производства* во всей широте и в мировом масштабе? Конечно, нет. Требовать той или иной нормировки¹⁾, соглашаться на те или иные нормы, это — да. Но где ей взять художественно-научное творчество и инженерский точный расчет для строительства и прогрессивного развития стройного мирового аппарата, технического и экономического? Эта главная, самая трудная сторона дела планомерной организации—не для нее. Очевидно, это будет даваться откуда-то со стороны. Раскроем скобки: останется социальная группа не обезличенного, полного оригинальности и талантов, ученого *инженерства*, которое будет брать на себя инициативу и вести общее руководство над анонимно-стихийным коллективом, при случае считаясь с „замыканиями и размыканиями“, гуляющих в нем потоков, но в общем умело их направляя. Это неизбежный вывод, ибо вопроса о сближении, а затем слиянии обоих типов—инженерской и исполнительской рабочей силы—Гастев даже не ставит¹⁾.

Вот что в действительности скрывается за верой в „механизированный“ коллектив, за фетишизмом „машин, управляющих людьми“.

Итак, попытка Гастева заключает в себе глубокие ошибки. Но мы не считаем ее „жизненно-бесплодной“, как он любезно характеризует всю нашу работу, и не будем искать в ней „консерватизма восточной философии“ (откровенно говоря, и не понимаем, что он под этим разумеет).

Серьезные искания могут вести и к ошибкам; но даже тогда они не бесплодны, даже тогда помогают выяснению дальнейшего пути.

До сих пор мы имели дело не с такими критиками. Перед нами проходили то „скептические“ рассуждения о том, что куда уж бедному, забытому пролетариату строить свою культуру,—хоть бы ему только понять, как следует, свои пятачковые интересы; то иронические замечания о „пролетарской геометрии“ со стороны, большей частью, людей не знающих ни геометрии вообще, ни ее социально-исторического развития.

Тов. Гастев суров в своей критике, и, как мы показали, несправедлив. Но он старается исследовать и дать решение вопроса, исходя из положительных основ. Ему повредило недостаток „лабораторной осторожности“; но его попытка все же—материал для дальнейших шагов.

Идея пролетарской культуры не исключает ни критики ни полемики; но и их она делает формой товарищеского сотрудничества. Будем же дальше исследовать и развивать работу!

А. Богданов.

¹⁾ Этот вопрос рассматривается в главах о коллективистическом строе трех моих курсов политической экономии—„Начального“, „Краткого“ и курса, составленного вместе со Степановым (II том, выпуск 4-й). Последняя была раньше напечатана в „Вопросах социализма“, Москва, 1918, статья первая).

О провинциальных пролетарских университетах.

В провинциальных центрах устраиваются один за другим пролетарские университеты. У нас имеются материалы о существующих уже около года под этим именем учреждениях в городах Петровске и Орле, разработанный проект из Екатеринослава, известие о том, что решено организовать пролетарский университет в Туле.

Программы весьма различны. Екатеринославский проект основан на резолюциях Первой Всероссийской Конференции Пролеткульта и, следовательно, в общем соответствует организации закрытого теперь Московского пролетарского университета. Такова же, конечно, будет программа Тульского университета, который основывается при участии одного из ответственных работников центрального пролеткульта. Но совершенно иного типа университет в Петровске. Это—просто широко поставленные научно-популярные курсы для взрослых. В нем имеется секция грамотности, секция научно-популярная и новых языков, предполагается открытие секций медицинских знаний и педагогической; организованы курсы счетоводства; устраивались публичные лекции о религии, об испанской болезни и проч. При этом общественные науки представлены вообще сравнительно слабо, меньше чем естественные и филологические, главным образом, конечно, по недостатку сил. Что же касается Орловского университета, он подходит более или менее к типу „народных университетов“ и, надо сказать правду, не наиболее совершенного типа. Имеется отдел гуманитарный, с преобладанием словесности и истории; медицинский; затем естественно-математический, где в естественных науках отведено большое место описательной стороне, а в математике даются основы анализа по отвлеченной, обычной, программе, даже вне связи с естественно-научными и техническими приложениями; наконец, технический отдел, с подготовительными курсами по низшей математике.

Без сомнения, ни о каких *обязательных* программах для пролетарских университетов говорить не приходится. Творчество новых форм и в этой области должно быть свободно. Но все же вполне законно требование, чтобы названия соответствовали вещам и не вводили в недоразумение. Поэтому едва ли можно признать правильным, когда курсы таких типов, как в Петровске и в Орле, обозначаются именем „пролетарских университетов“. В этих словах заключены две большие идеи. Первая: учреждение *классовое* не просто для пролетариев, а пролетарское по своей сущности, по своему духу и смыслу и, значит прежде всего—по программе. Вторая: организация *единенного* и *углубленного* научного познания. Вечерние общеобразовательные и специальные курсы нужны и полезны, особенно когда они обслуживают рабочих; народные университеты—могущественное орудие демократизации знаний. Но и те и другие ничего не приобретают от неверной вывески. Для привлечения рабочих ее не требуется,—стремление к науке и без того достаточно сильно в массах; а их классовое сознание, несомненно, только затемняется при таком легком употреблении слова „пролетарский“. Там же, где работа не выходит за пределы элементарного или популярного, громкое название „университета“, кроме того, способствует развитию несерьезного, поверхностного отношения к науке, неправильной оценке познавательного труда. Да и вообще не пролетарское это дело—громкие титулы без оправдывающего их содержания.

Какова же должна быть примерная программа провинциальных рабочих университетов? Всероссийская Конференция Пролеткульта наметила один и тот же общий план для центра и для провинции, и, конечно, в основах он должен быть общим. Но, во-первых, при его выполнении с самого начала предполагалась значительная свобода местных инициативных организаций в постановке дела: разнообразие частных, всякого рода варианты нужны и полезны для развития. Во-вторых, нельзя не считаться с недостатком подходящих научно-учебных сил в провинциальных центрах, недостатком нередко весьма острым;

он неизбежно должен отразиться и на способах осуществления плана, и особенно на его последовательности и полноте. Даже в Москве нелегко было набрать кадры руководителей и приходилось отчасти приспособлять порядок изучения предметов к возможности использовать тех или иных профессоров из товарищей, занимающих многие и ответственные советские должности. В провинции это еще хуже.

Итак, прежде всего несомненно, что на ближайший учебный год местные пролетарские университеты, которые будут открываться, должны ограничиться *первым* курсом общего плана. Это неизбежно уже вследствие того, что для второго курса не нашлось бы студентов, кроме разве нескольких одиночек. Ведь и Московский университет, собиравший студентов-пролетариев со всей России, на первый раз не мог открыть второго курса в полном масштабе: была выделена лишь старшая группа в несколько десятков человек, достаточно подготовленная по многим предметам для углубленной научной работы второго курса, но другие предметы изучавшая вместе с прочими товарищами. Возможно и даже вероятно, что местным университетам придется вести дело в рамках первого курса ближайшие два-три года. Надо помнить, что по общему плану и этот первый курс дает широкую, целостную сумму знаний и навыков, создает работника, более подготовленного по своему образованию в научно-социалистическом смысле, чем огромное большинство тех, которые заполняют теперь советские учреждения. И, разумеется, все, которых местный университет командирует для продолжения курса в центральный, должны найти там себе место.

Программа 1-го курса, разработанная для Московского университета, была такова:

Название курса.	П р и б л и з и т е л ь н о е ч и с л о учебных часов.	
I. Организация устного изложения и обсуждения	около 40	час.
Методы письменного изложения	40	"
Способы использования литературы и источников	14	"
II. Математика	64	"
Физика	50	"
Введение в химию	32	"
Введение в астрономию	28	"
Геология в связи с геоморфологией	30	"
Введение в биологию	50	"
Физиология	30	"
Физиологическая психология	28	"
III. Введение в политическую экономию	42	"
Введение в русскую историю в связи со всеобщей	56	"
Введение в изучение научного социализма	28	"
История рабочего движения и формы рабочих	56	"
организаций	42	"
Формы общественности	42	"

Итого около . . . 630 час.

Кроме того, ряд дополнительных курсов, свободно избираемых студентами:

1) повторительные курсы по арифметике и русскому языку для случайно неподготовленных по этим предметам; 2) новые языки—французский, немецкий, английский; 3) черчение, рисование; 4) статистика; 5) страноведение; 6) истории литературы, история искусства.

Несомненно, что для некоторых даже из основных предметов понадобятся командировки руководителей профессоров из центра. Они не могут быть особенно длительными, а потому такие предметы нельзя будет растягивать на расписание всего года или хотя бы на 1—2 триместра: их придется концентрировать, целиком или по крупным частям, на небольшие промежутки времени. Напр., история рабочего движения и формы рабочих организаций

могут быть даны в виде 3—4 достаточно самостоятельных и цельных курсов презжающими каждый раз на 2—3 недели лекторами. Продолжить такой курс в форме практических занятий смогут большей частью и местные лектора ближайших специальностей, проследив за ним на лекциях и столковавшись обстоятельно с презжателями руководителями.

Впрочем, растягивание предметов, практикуемое в обычных университетских расписаниях и вообще нецелесообразно: производительность работы усвоения только понижается от долгих перерывов между занятиями; всего лучше идет дело, как показывает опыт, тогда, когда занятия по одному предмету ведутся раза 2—3, для более легких в методологическом смысле даже раза 4 в неделю, каждый раз по 2 часа; только для трудных по изложению лекций лучше 1 час. Студент изучает тогда одновременно 3—4 предмета, его внимание не дробится чрезмерно, а потери от „забывания“ наименьшие. Но, конечно, при этом особенно важна последовательность перехода от одних предметов к другим и выбор тех, которые переплетаются между собою.

Однако не должно быть и чрезмерного однообразия в содержании работ,—оно ослабляет энергию. А некоторые предметы, особенно важные в методологическом воспитании, как математика, биология, политическая экономия, лучше проводить через весь годовой курс, чтобы их влияние на общий ход психического развития было прочнее.

Провинциальные пролетарские университеты, в общих интересах развития рабочего класса, не должны сводить свою работу всецело к созданию научно-трудового коллектива из тех все же сравнительно немногих рабочих-студентов, которые будут полностью проходить курс, посвящая этому наибольшую долю своих сил. Такие студенты—по плану университета, стипендиаты или полу-стипендиаты—должны ведь обладать уже заранее некоторой подготовкой; их, по нынешним условиям, даже в крупном центре найдутся едва ли сотни, скорее десятки. Университет должен не только им давать углубленное знание, но и широко разливать свет в массах. Для этого пока намечаются два пути.

Во-первых, сам студенческий коллектив: для него культурно-просветительная работа—лучшая форма приложения наличных и приобретаемых знаний к жизни. Это—„общественно-практические занятия“, которые здесь должны идти рядом с научной работой, конечно, в таком масштабе, чтобы не подрывать ее. Студенты Московского пролетарского университета, лишь только они организовались, постановили вести, как обязательную для всех, именно такую просветительную и агитаторскую работу в московском гарнизоне, многотысячном и текучем по составу; профессора взялись руководить делом, и только командировка всех студентов на мобилизацию расстроила выполнение плана. Подобного типа занятия в рабочей и красноармейской среде не только всюду полезны и необходимы сами по себе, но важны и тем, что поддерживают связь студенческого коллектива с его основой и опорой, с жизнью масс.

Во-вторых, состав аудиторий местного пролетарского университета, мы полагаем, не должен ограничиваться его настоящими студентами. И это не только в том смысле, что пролетарский университет должен быть центром организации публичных лекций для рабочих. Основные занятия также не следует делать строго закрытыми. С одной стороны, кроме стипендиатов и полустипендиатов, конечно, придется допустить „вольнослушателей“, работающих систематически, но не связанных всей полнотою программы: большинство их сможет посещать только часть занятий по своему выбору, какую позволит им свободное время. Их участие в практических и семинарских работах будет, очевидно, поставлено в такие рамки, чтобы не вредить интересам основного студенческого коллектива, который сам и урегулирует все это. С другой стороны, самые лекции курса могут быть открыты даже не только для этих вольнослушателей, но и для других рабочих, поскольку это позволит вместе-
мость аудиторий.

Затем цикл дополнительных предметов надо по возможности расширить гораздо больше, чем предполагалось в Центральном пролетарском университете. Это надо сделать особенно по двум направлениям: техническому и социально-инструкторскому. В провинциальных центрах нет того множества профессиональных инструкторских курсов, какое имеется в столицах. Пролетарский университет должен и вообще быть центром, вокруг которого организуются такие курсы и, поскольку их нет, посылить заполнить своими средствами этот недостаток; подходящие для этого силы найдутся, очевидно, в большем количестве, чем собственно научные. Петербургский Пролеткульт при своем университете устроил показательные мастерские разных профессий, оборудованные лучшими станками; воспользоваться ими, кроме студентов и вольнослушателей, могут в еще большей степени, чем лекциями, масса других рабочих. Найдутся, может быть, центры, где удастся организовать отдельные политехнические институты для рабочих; там пролетарский университет должен не конкурировать, а поддерживать связь с ними путем взаимного участия в работе и помощи научными силами.

В прошлом году в Перми предполагалось открыть—помешала война—особого типа учреждение, под именем „Государственного коммунистического университета“, но которое правильнее было бы назвать: „социальный политехникум“. Это—широко разветвленные инструкторские курсы; их отделения должны были охватывать все отрасли общественной деятельности, готовить ответственных работников для всех сторон общественной организации и управления: политики и административного дела разных комиссариатов, профессионального и культурного движения, устройства кооперативов, коммун и пр. Этого рода учреждений пролетарский университет также вообще не может и не должен заменять,—его задача совершенно иная: выработка руководящих деятелей социалистического строительства, а вместе с тем новых форм науки и научной работы. Но в провинциальных условиях, являясь обычно единственным научным центром, пролетарский университет по мере наличных сил должен организовать замену таких курсов в виде ряда лекций и практических занятий по инструктированию в разных областях общественной работы. Главные кадры их будут состоять не из студентов; но и студенты будут находить здесь при случае полезное дополнение своей обычной теоретической и практической работы.

Задачи местных пролетарских университетов, как видим, намечаются в более широком масштабе, чем для центра; это вытекает из обстановки самой жизни. Поэтому провинциальные университеты будут особенно нуждаться в существовании центра, который в живом общении помогал бы им, пользуясь сам их поддержкой, делаясь с ними опытом, материалами и научными силами. Теперь он закрыт, будем надеяться—на время, в виду тяжелой военной обстановки. Сохранившиеся и вновь открывающиеся местные университеты должны со своей стороны сделать все для них возможное, чтобы ускорить, при первом улучшении объективных условий, его восстановление в интересах пролетариата и революции.

А. Богданов.

К закрытию пролетарского университета.

В настоящее время Московский пролетарский университет прекращает свое существование. Мотивируется его закрытие тяжелой военной обстановкой, не допускающей для пролетариев долгой и систематической научной работы.

Вот основные факты, относящиеся к этому событию.

В Центральной школе Советской и партийной работы был выработан проект ее слияния с пролетарским университетом. Хотя автором этого проекта был Н. В. Рогозинский, состоявший в то же время и председателем пролетарского университета,—но о содержании проекта студентам, профессорам и исполни-

тельному комитету пролетарского университета стало известно лишь после того, как он был автором доложен и проведен в Центральном Комитете коммунистической партии.

Вот текст этого проекта (в форме декрета).

1) Московский пролетарский университет, Центральная школа советской и партийной работы и др. подобные учебные заведения народных комисариатов и всероссийских центров пролетарских организаций объединяются в рабоче-крестьянский коммунистический Университет имени тов. Якова Михайловича Свердлова.

2) Временно рабоче-крестьянский коммунистический университет функционирует в составе двух факультетов: советского и партийного, с двумя курсами на каждом, — с первым курсом продолжительностью в 3—4 месяца и вторым в 9—12 месяцев.

3) Школа инструкторов Всероссийского Центрального Совета профессиональных союзов, инструкторские курсы Всероссийского Совета рабочей кооперации, продовольственно кооперативные курсы Наркомпрода, инструкторские железнодорожные курсы Наркомпути и др. подобные учебные заведения Москвы сливаются с равновеликими циклами и одновременными секциями советского факультета, а 1-й курс Московского пролетарского университета — с общими теоретическими курсами Центральной школы советской и партийной работы.

4) В 1919—20 учебном году занятия на 1-м курсе обоих факультетов рабоче-крестьянского коммунистического университета проводятся по согласованным учебным планам и программам Центральной школы советской и партийной работы и Московского пролетарского университета.

5) Занятия на 2-м курсе обоих факультетов рабоче-крестьянского коммунистического университета строятся концептически, высшей преемственной ступенью учебных планов и программ 1-го курса, при чем оба курса открываются одновременно.

6) Студенты Московского пролетарского университета и Центральной школы советской и партийной работы, а также и курсанты других объединяемых учебных заведений распределяются между факультетами и курсами рабоче-крестьянского коммунистического университета в зависимости от подготовки каждого товарища и его согласия с учебным исполнительным органом коммунистического университета.

7) Для осуществления намеченного плана мобилизуются все научные, литературные, публицистические и технические силы Москвы — в частности силы факультета общественных наук Московского государственного университета, Социалистической академии общественных наук, Московского пролетарского университета, Центральной школы советской и партийной работы и всех других учебных заведений, объединяемых в рабоче-крестьянский коммунистический университет.

8) Ученые, учебные, административные и хозяйственные аппараты всех объединяемых учреждений сливаются в соответствующие единые органы рабоче-крестьянского коммунистического университета.

9) Рабоче-крестьянский коммунистический университет находится в ведении Народного Комисариата по Просвещению.

10) Общее политическое руководство партийным факультетом рабоче-крестьянского коммунистического университета осуществляется Центральным Комитетом российской коммунистической партии (большевиков).

11) Устав рабоче-крестьянского коммунистического университета вырабатывается применительно к настоящему декрету и определенным до сих пор условиям и характеру деятельности Центральной школы советской и партийной работы, Московского пролетарского университета и др. объединяемых учебных заведений.

12) Проведение в жизнь настоящего декрета возлагается на организационную комиссию рабоче-крестьянского коммунистического университета, в которую входят: а) по 3 представителя от Московского пролетарского университета и Центральной школы советской и партийной работы, и б) по одному представителю от каждого из других объединяемых учебных заведений, Ц. К. Р. К. П., Наркомпрода и президиума В. Ц. И. К.

Это было в первых числах июля. Часть студентов, которые с мая все были командированы на мобилизационные работы, вернулась уже из командировки. Собравшись вместе с наличными профессорами, они единогласно решили просить через специальную делегацию о пересмотре решения, и в руководство ей приняла следующую резолюцию:

„Между пролетарским университетом и школами советской и партийной координация работы необходима для того, чтобы достигнуть максимальной сплоченности сил и не допустить их распыления. Но координация эта отнюдь не должна принять формы слияния, так как каждое из двух учреждений имеет свои особые задачи, и оба в одинаковой мере необходимы пролетариату в его борьбе за социализм.

Задачей всех краткосрочных школ и курсов, хотя бы и высших, как Ц. Ш. С. Р., является подготовка работников, обслуживающих советскую и партийную работу в данный боевой момент. Задачей пролетарского университета является, наоборот, подготовка вождей пролетариата на подкрепление нынешним вождям, создание мозга рабочего класса.

Эти вожди должны получить от науки полное боевое вооружение, необходимое им для огромной организационной работы, которую берет на себя пролетариат. Только тогда устранится опасность засилья технических и научных работников из старой интеллигенции и буржуазии, которые, примыкая формально к советской республике и партии, могут невольно, а иногда и сознательно извращать дело социалистической борьбы и строительства.

Совершающаяся теперь классовая революция, выступление на историческую арену пролетариата в качестве класса-завоевателя неизбежно приведет за собой новый период обновления научной методологии и формулировки научных заданий. И на ряду с медленным завоеванием старых, непреступных прежде крепостей научной мысли пролетариат должен будет создать такие крепости сам. Поэтому на ряду с советскими и партийными школами, обслуживающими его непосредственные нужды, пролетариату нужен университет, который станет не только центром преподавания, но и лабораторией, где будут пересматриваться и вырабатываться самые *методы* научной работы.

В виду всего этого простое слияние Пр. Ун. и Ц. Ш. С. Р. невозможно ни в смысле программы, ни в смысле длительности курсов, ни в смысле состава набираемых товарищей. В программе Ц. Ш. С. Р. главное место должно принадлежать *результатам и выводам науки* в приложениях к текущей социальной работе; в программе Пр. Ун. *общим научным методам* и углубленной научно-социалистической работе. Поэтому, напр., в опубликованную программу Ц. Ш. С. Р. не включены и не могут включиться науки математические и естественные, методы использования литературы и источников, лабораторная техника, изучение „Капитала“ и т. п., тогда как в программе Пр. Ун. все это необходимо. Трех- или четырехмесячный срок первого курса совершенно недостаточен для задач Пр. Ун. Наконец, строгость классового подбора студентов, недопустимая в Ц. Ш. С. Р., где она предпила бы широте самого дела, уместна и необходима в Пр. Ун., где пролетарский состав работников должен определять собой дух и направление научной работы. Участие студентов Пр. Ун. в текущей общественной работе рассматривается как необходимая практика приложения науки по мере ее усвоения и, следовательно, подчиняется задачам творческой научной работы; в Ц. Ш. С. Р. все усилия, напротив, должны сосредоточиваться на быстром усвоении готовых данных науки и непосредственном приложении их к жизни.

Таким образом, слияние с Ц. Ш. С. Р. убивает самую идею Пр. Ун. и сводит к нулю всю огромную сумму усилий, затраченную на ее осуществление, давая взамен лишь увеличение численности Ц. Ш. С. Р. на пятую или шестую долю.

Исходя из этих соображений, совещание полагает, что научные работники Пр. Ун. должны, конечно, обслуживать Ц. Ш. С. Р. и Ц. Р. и оказывать ей всеческое научное и организационное содействие, но Пр. Ун. должен быть сохранен, как лаборатория новых форм и источник новых высоко-квалифицированных сил в борьбе за социализм“.

Исходя из этого, президиум пролетарского университета предложил делегации отстаивать только программу пролетарского университета, не высказываясь против административного и технического слияния, способного дать немалую экономию сил. К проекту предложены были поправки, сводящиеся к выделению третьего факультета, *обще-научного*, с двухлетним курсом по программе 1-го и 2-го курса пролетарского университета. 3-й курс, по мнению президиума, мог бы быть впоследствии организован и при Социалистической академии; но во всяком случае вопрос о нем мог быть отложен.

17 июля в „Известиях В. Ц. И. К.“ появилась статья, дискуссионная, за подписью С. Новикова, выражающая точку зрения уже не только практического отрицания возможности сохранения пролетарский университет, но принципиального отрицания самой его идеи. Вот выводы этой статьи в ее точных выражениях.

„Руководящие круги пролетарского университета пытаются доказать, что задачей последнего является подготовка *вождей* рабочего класса в отличие от краткосрочных школ и курсов, воспитывающих лишь *работников* для обслуживания партийной и советской работы в данный боевой момент.

Вот именно в данный боевой момент пролетариату некогда готовить себе *вождей*, — достаточно, если он готовит себе *вождей* и *работников*, а для этого 3—4 месяца занятий на 1-м курсе и 9—12 месяцев на 2-м — срок более чем достаточный в условиях пролетарской революции. Вряд ли кто-нибудь докажет, что в обстановке гражданской войны необходимо „водить“ рабочих и крестьян целыми годами по дебрям организационной науки, социалистического идеала и т. д.

На опыте и росте каждого рабочего или крестьянина, побывавшего на трехдневном Всероссийском съезде советов или на трехчасовом соединенном заседании в Доме Союзов, можно легко убедиться, как быстро поднимаются из среды трудящихся масс вожди в обстановке пролетарской революции.

Коммунистический университет в отличие от пролетарского должен воспитать в рабочих и крестьянах не „революционно-марксистское“ *мироотношение*, а готовность и умение *замечать* капиталистический мир — коммунистический.

На ряду с коммунистическим университетом пролетарский не имеет права на обособленное существование“.

Профессором пролетарского университета, тов. М. Н. Смит, была написана ответная статья, отстаивавшая важность революционно-марксистского мироотношения и глубокого проникновения социалистическим идеалом, а также необходимость формирования не только вожаков, но и вождей для рабочего класса, притом именно из пролетарской среды. Статья эта не появилась в свет.

3 июля вопрос вновь разбирался в Ц. К. Р. К. П. Решено было оставить проект слияния в силе. Но, по сообщению профессора Н. И. Бухарина, являющегося также членом Ц. К. Р. К. П., решение это мотивировалось не отрицанием идеи пролетарского университета, которая, напротив, признается полезной и необходимой, а только тяжелым положением советской республики; вопрос о восстановлении пролетарского университета находили целесообразным отложить до ликвидации, главным образом, теперешних военных затруднений.

Будем надеяться, что это время наступит скоро, и постараемся до тех пор как можно лучше подготовить осуществление нашей дорогой идеи!

Хроника „Пролеткульта“.

В провинции.

Суди по маю, Пролеткульт и не думает о летнем отдыхе. Он мыслит, борется, работает. С наступлением лета он как бы почувствовал новый прилив бодрости и силы. Работа как в Пролеткульте, так и в организациях, с ним соприкасающихся, пошла волевее и шире. В клубах, студиях, университетах почти не замечается падения работы. Но рядом с этим начался интенсивный и бодрый деятельность на открытом воздухе, в садах, в рабочих кварталах, на станциях железных дорог. Город теснее связался с деревней. Говорят о передвижном и пловучем театрах, пловучих музеях, выставках.

Нарождаются все новые и новые Пролеткульты: в Одоеве, Тульской губернии, в Борисоглебске, в Шацке. Рудовский (вблизи Кирсанова) Пролеткульт уже при рождении приветливо улыбается деревне. Его драматический кружок забрался в село Осиновые Гаи, поставил пьесу Островского „Ведьность не порок“ и оставил очень яркое впечатление. Открылись Пролеткульты в Боровичах, Новгородской губ., Славянске и Ахтырке, Харьковской губ., в Усть-Сысольске и Великом Устюге.

Первый период в жизни Пролеткультов протекает трудно. Речь у них еще не вполне правильна. Им трудно бывает сразу найти себе подходящее общество. Так, в Пензе работа в Пролеткульте первое время велась плохо, главным образом из-за непролетарского состава Совета. На январьской конференции был выбран новый Совет, который приступил к энергичной работе. Зато Пролеткульты, имеющие хотя бы год от рождения, говорят уже внятной пролетарской речью, и не только говорят, но и работают осмысленно и плодотворно. Таков Саратовский, Тульский, Тамбовский и другие Пролеткульты. Саратовский Пролеткульт ведет энергичную работу среди красноармейцев, работает в деревне, он создал целый ряд студий, работа которых уже дала определенные результаты, думает над пролетарским театром, органи-

зует лекции в уезде. Ярko намечается работа в Туле и Тамбове. В других Пролеткультках работа идет слабее, но все же они пользуются доверием рабочих масс. В Кузнецке Союз рабочих кожаненного производства постановил выдать Пролеткульту 50 тысяч и Рабочему Университету 250 тысяч для дальнейшей работы. В Беленском уезде (Тульской губ.) симпатии к Пролеткульту дошли до того, что местную столовую и чайную решили передать в ведение Пролеткульта. Слабо идет работа в Ельце, где библиотека Пролеткульта почему-то не работает и даже закрыта. В Вознесенске тоже замечается мало сил для дальнейшей работы.

Клубная жизнь также развивается. Появились рабочие клубы в Острогжске, Воронежской губ., в Ардатовском уезде, Нижегородской губ., в Шуре. К сожалению, работа в клубах не всегда идет успешно. Она быстро налаживается и хорошо протекает в клубах, открытых при заводах и фабриках. Там нет ни танцев, ни карт, ни забав легкого характера, а идет серьезная, сосредоточенная работа: открываются студии, создается театр, выпускаются газеты, ведутся беседы. И все эти начинания вызывают интерес, создают подъем, сосредоточивают внимание. Таковы клубы при Ростокинской красильной ф-ке вблизи Москвы, при дробилейном заводе, на ф-ке Цинделя. В городских рабочих клубах работа идет слабее, а иногда и вовсе угасает. Состав посетителей, случайный и смешанный, сильно ослабляет жизнь клубов. Время частично заполняется танцами или пустыми водевильми, как, например, в Жуковке, Вранского уезда, где в рабочем клубе наблюдается полное отсутствие рабочих; цены на места на спектаклях доходят до 30-ти рублей. Немного лучше обстоит дело в Кинешме, в Ливнах. Все эти неудачи, конечно, не говорят за то, что нужно отказываться от городских рабочих клубов, но к созданию их нужно приступить с большой подготовкой. Этому условию, повидавшему, отвечает вновь открытый клуб трудовых процессов им. Троцкого в Саратове. При

клубе организовано около 10-ти различных студий. Руководит клубом инструктор Пролеткульта. Садовнический рабочий клуб в Москве, организованный Центральным Рабочим Кооперативом, также ведет успешно работу. Распад замечается в клубной жизни печатников. В Москве в клубе печатников у Триумфальных ворот из 1600 чл. осталось 500. В Воронеже клуб печатников при советской типографии превратился в общегородской клуб.

Пролетарский театр, видно, не скоро создастся. То, что мы сейчас называем пролетарским театром, конечно, только попытки, первые шаги, порывы. Много сил и времени потребует на его создание. Но против театра прошлого предпринято решительное наступление. „Буржуазный театр, который достался нам в наследство от старого строя, должен исчезнуть вместе с этим строем“, пишет саратовский Губпролеткульт: сейчас можно сказать с уверенностью, что театр прошлого сильно изменился: в его физиономии появилось больше осмысленности и строгости. Он ближе и проче подошел к трудовому народу, научается служить революции и пролетариату. В Астрахани поднят вопрос о создании передвижного примитивного народного театра в роде того, какой был в Москве 1-го мая. Театр этот должен обслуживать рабочие районы в вечерние часы отдыха. Для той же цели в Вятке сооружается пловучий театр с постоянной труппой, агитаторами, музыкально-вокальными силами и оркестром. Постепенно театр связывается с наукой. Во многих оперных театрах перед спектаклем с успехом читаются краткие лекции. В рабочем университете имени П. Алексеева в Москве после лекций по истории литературы идут иллюстрации, в которых принимают участие драматические и оперные артисты. Публика в театрах перестает быть только пассивным зрителем. В Балашихе „устраиваются импровизированные вечера, где самодеятельность начинает проявляться в полной мере. Чувствуется сознательное и продуманное отношение к материалу творчества, в котором зритель и артист являются сплавающим элементом“. Пролетарского театра в его чистом и законченном виде у нас нет, но уже имеются здоровые и жизнеспособные элементы, из которых он создается. Из Ржевска пишут: „Отыскиваются новые пути в области драматического творчества“. Петроградский и московский Пролеткульт ярко показали, что можно сделать в этом направлении. Создаваясь естественно, рождаясь из недр рабочего класса, Пролеткульт сразу занял в этом смысле верную позицию.

Разрабатывают также работы в студиях. Рабочие студии открываются при многих заводах и фабриках, в рабочих клубах, некоторыми профессиональными союзами. Чаще всего открываются студии драматические. В них результаты работы сказываются быстро, и уже через пару месяцев студии не только выступают, но и благотворно влияют на жизнь местных театров. Легко надживается работа также в хороших

кружках. Работа в других студиях идет хуже или требует больше времени для того, чтобы сказались ее результаты. Все же имеются известия об очень интересной выставке работ студийцев Пролеткульта в Рыбинске и Смоленске. В Актарске на пролетарской выставке представлены коллективные работы. В Смоленске в литературно-научной студии работа шла до сих пор туго. В дальнейшем решено „обязать лекторов излагать материал без всякой примеси личной точки зрения и читать полный курс литературы, начиная с первых периодов зарождения“. Но это вряд ли подвинет дело.

Как и следовало ожидать, во многих нарождающихся *пролетарских университетах* недостаточен выведен элемент пролетарский, а университетский еще меньше. И все же приходится их приветствовать. Велики задачи, стоящие перед пролетарским университетом. И само собой разумеется, что на трудном и, вероятно, продолжительном пути создания пролетарского университета серьезному работнику придется вытерпеть много неудач, уклонений, провалов, пока будет найдена основная линия работы. В деле выяснения идеи пролетарского университета и методов его работы надо отметить заслуги пролетарского университета в Москве, который перед своим открытием проделал большую подготовительную работу. В виду переживаемого момента, он вынужден теперь слиться с партийной советской школой. При несомненной близости интересов и среды обеих организаций, московский пролетарский университет все же при слиянии много потерял в смысле серьезности и углубленности своей работы. Партийная школа, отдающая все силы данному моменту, не может быть приспособлена к реорганизации науки на новых началах и к более длительной сосредоточенной в данном направлении работе, на которую рассчитывает пролетарский университет.

Значительно окрепли пролетарские университеты — в Москве — имени Либнехта, и в Саратове как в смысле состава слушателей, так и в смысле энергии и подъема, с которыми идет университетская жизнь. При университете в Саратове имеется богатая библиотека, несколько комнат-читален, научные кабинеты. Состав слушателей, если не исключительно, то преимущественно пролетарский. Отношение к занятиям чрезвычайно серьезное. В Москве лекции в рабочем университете имени Либнехта собирают не менее 800 человек. Открыто параллельное отделение в народном доме имени П. Алексеева, где занятия идут, повидимому, успешно.

Такова картина строительства пролетарской культуры за май, поскольку она ограничилась в периодической печати. Требовать при нынешних условиях громадных результатов, блестящих успехов, исключительных удач — значит не понимать всей серьезности и сложности предстоящей работы. Но что работа растет и крепнет, это — несомненно.

О. Райнин.

Отчет Тульского Губернского Пролеткульта

с 1-го января по 1-е июня 1919 года.

Студии.

Театральная центральная студия. Дано уроков 240. Сценических демонстраций начальных исканий, характерных для путей к пролетарскому театру—10.

Один из этих вечеров, первомайский, явил собою образцы зачатков сущности пролетарского театра путем инсценировок стихотворений рабочих поэтов-коммунистов; было представлено начало и развитие октябрьской революции, ее значение, внутренний мир борцов за коммунизм; параллельно—старый мир и, в заключение, день 1-го мая.

На этом вечере было достигнуто подлинное единение зрительного зала со сценой, но не тем условно-буржуазными приемами, как-то: хождение через рампу в зрительный зал и обратно, или дача представлений на улицах, а правильным выявлением сущности показанного, захватившего содержанием своим находящегося в зрительном зале.

Вызвать на сцене сущность произведения во всей глубине так, чтобы произведение было исчерпывающе понято и чтобы внимание зрителя было захвачено не отдельным действием на сцене того или другого лица, а содержанием произведения в целом,—вот то, что должно войти одним из основных методов работ в пролетарском театре.

Дано спектаклей инструкторским составом, как наглядных практических уроков по усвоению театральной техники,—32.

Спектаклями инструкторского состава представлялась также и цель использования театра, как агитационного средства, для чего ставились пьесы, обострявшие сознание классовой непримиримости, показывавшие ничтожность мелко-буржуазных стремлений и способы монархов, князей, церкви и буржуа-капиталистов обрабатывать в своих интересах народные массы на почве религии, мистицизма и всякого рода извращений.

Студией были поставлены следующие инсценировки: „Мцари“—Мермونتова; „Хозяин“—Никитина; „Человек“—Горького; „Вашня“—Гастева, „Пролог“—его же; „Цыгане“—Пушкина. Первомайская программа: „Я подслушал эти песни“—Кириллова; „Восстание“—Садофьева, „Агония“—его же, „Поэма из Поэм“—его же, „Россия“—его же, „Красные цветы“—Самобытника, „В лесу“—его же, „Женщина“—его же, „К восстанию“—его же. Сыграны пьесы: „Красный угол“—Волкова; „Скупой рыцарь“—Пушкина; „Савва“—Андреева; „Гибель Надежды“—Гейерманса; „Королевский брадобрей“—Луначарского; „Лес“—Волки и Овца; „Трудовой хлеб“—Светит, да не греет“—„Женитьба Бедугина“—Островского; „Мещане“, „На дне“, „Дети Солнца“—Горького; „Катастрофа“—Долла-Грация; „Ревизор“—Гоголя.

Театральной студией Оружейного Завода дано сценических постановок—24.

Театральной студией Железнодорожного Пролеткульта дано сценических постановок—23.

Театральной студией клуба коммунистов „Пролетарий“ дано сценических постановок—16.

Районные студии рассматриваются нами, как подготовительные лаборатории к центральной студии. В виду того, что состав районных студий в большинстве своем представлен товарищами-рабочими, сравнительно много игравшими раньше во всякого рода любительских спектаклях, а, следовательно, усвоивших все отрицательные стороны любительщины, то первой задачей в занятиях с ними явилась борьба с этой любительщиной.

Во всех театральных студиях Пролеткульта состоит 246 человек, инструкторов—9 чел., помощников инструкторов—10 чел.

Музыкальная студия. Боро исканий объединяет работающих над созданием новых пролетарских музыкальных мотивов и собирает новые пролетарские музыкальные композиции. По 1-е июня новых произведений создано 7.

„Интернационал“—тов. Поломского для симфонического оркестра;

„Марш Красной армии“—тов. Поломского (на слова рабочего поэта Кочукова), для симфонического оркестра;

Марш „Да здравствует Пролетариат“—тов. Вязовского, для симфонического оркестра;

„Наш пролог“—тов. Поломского (на слова Гастева—„Мы посягнули“), для симфонического оркестра;

„Первомайский гимн“—тов. Вязовского (на слова поэтов Кириллова и Самобытника), для симфонического оркестра и хорового пения;

„Гимн Красной армии“—тов. Морелли (на слова поэта Кочукова), для хорового пения;

„Вашня“—тов. Шарова (на слова Гастева), для духового оркестра.

Готовится опера „Хозяин“—тов. Поломского (на сюжет стих. Никитина „Хозяин“).

Начальный метод работ по написанию новых музыкальных произведений с пролетарским содержанием пока прост: студиям прочитывается то или другое произведение пролетарского поэта, подробно объясняется его содержание, указываются все классовые особенности произведения и вызывавшей классовой идеологии, а затем уже предлагается выявить содержание данного произведения музыкальными средствами. Следующее или проверяется коллективом Бюро исканий и, по соответствующему критическому разбору, принимается или отвергается.

Симфонический оркестр. Прошло репетиций—150, дано концертов—60.

Духовой оркестр (с 1-го апреля). Прошло репетиций—60, дано концертов—24.

Оркестр хроматических гармоний (с 1-го апреля). Прошло репетиций—60, дано концертов—24.

Оркестр общедоступных (народных) инструментов (с 1-го марта). Прошло репетиций—90, дано концертов—36.

Хор. Прошло репетиций-уроков—150, дано концертов—60.

Оркестры и хор являются необходимыми средствами: 1) для демонстрации музыкальных ценностей прошлого, 2) для демонстрации достижений в области создания новых пролетарских музыкальных произведений; кроме того, эти аппараты рассматриваются, как незаменимые подсобные средства в деле овладения техникой музыкального искусства вообще.

Класс сольного—оперного пения. Дано уроков—150. Готовятся к постановке путем инсценирования следующие музыкальные произведения: „Байкал“—из мотивов каторжан; „Солнце восходит и заходит“,—слова Горького; „Воевода“—Рубинштейна на слова Тургенева; „Сватовство“—муз. Кюи на слова Некрасова; первая русская опера „Мельник-колдун, обманщик и сват“—музыка Фомина, слова Аблесимова; опера, составившая целую революцию в области оперного пения, так как в ней впервые были показаны на сцене простой человек-мужик, вместо холуяных ложно-классических персонажей.

Постановками такого рода мы стремимся выйти на путь к пролетарской музыкальной драме, пользуясь при этом в целях идейного классового воспитания певцов каждым данным произведением, как темой для политической беседы, вводящей в понимание задач Р. К. П. В целях выполнения театрально-оперной постановки, как таковой, чтобы она была характерна для пролетарской музыкальной драмы, мы так же, как и в театрально-драматических работах, приняли за основной метод—выявление внутренней сущности произведения; для этого, чтобы использовать в желательном смысле общую оперную условность, мы стремимся показать эту условность не как недостаток оперы, а как ее подлинную природу, способную при умелом использовании вылить сумму чувств и смысла более сильно, чем драматический театр; для этого наши оперные студии прежде, чем петь оперу, разучивают данное произведение, как задание драматического театра, и приступают к пению только тогда, когда исполняют ее достаточно правильно в формах драматического театра.

Всего работающих в музыкальной студии по музыкальным инструментам и пению—1.024 человека.

Студия изобразительных искусств. Дано уроков—150. Сделано плакатов по лозунгам Ц. И. К. Советов, Ц. К. Р. К. П., Губкома и Губпролеткульта, по лозунгам Всеобуча, недели товаробмена и по произведениям пролетарских поэтов—970 шт.

Работа по определенным коммунистическим лозунгам дает возможность воспитываться художественно воображению студента в коммунистическом направлении, так как лозунг, прежде, чем приступить к выявлению его содержания студентами изобразительных искусств, всесторонне разбирается с точки зрения коммунистического строительства жизни. Мы не отделяем процесса овладения техническими навыками в живописи от содержания работы и процесса коммунистического воспитания через это. Наш студент, что бы ни делал на заданного ему, прежде всего должен овладеть внутреннее

содержание данного предмета,—и только после этого упражняется над ним в техническом отношении.

Опыт нам показал, что такой метод не только не стесняет творческое воображение художника, но, наоборот, делает его глубже, шире, светлее, а в смысле выбора и овладения техническими приемами—самостоятельное и смелее.

В данное время наши студенты приступают к художественному изображению идейной сущности каждого из советских учреждений. В таком же порядке студии будут работать над изображением идейной сущности Р. К. П. и III Коммунистического Интернационала, по лозунгам специально и в известной последовательности выработанным для них Губпролеткультом и согласованным с Губкомом и Губисполкомом.

Этими плакатами будут украшаться партийные и советские организации, что явит собой постоянную выставку пролетарских достижений в области живописи и послужит могучим агитационным средством.

Литературная студия. Собран материал рабочих писателей для двух сборников. По сравнению с другими студиями—литературная является самой слабой. До сих пор не выявилось из рабочих ни одного яркого дарования, и, что всего печальнее, ни одного четко осознающего классовые особенности пролетарской литературы.

Студийные занятия с рабочими писателями пропагандируются, главным образом, по введению их в курс классовой идеологии. Не ослабив этого, мы не приступим к дальнейшим работам, так как заниматься писанием всякого рода стихотворений ради их формы мы не находим нужным, тем более, что на это и без нас тратится слишком много времени. Мы хотим производить только классовую пролетарскую литературу и не думаем подражать Бальмонтам, Белым, Северининам, Маяковским и т. п.

Цирковая студия. Мы приветствуем работников цирка: жонглеров, акробатов, гимнастов, наездников, как выразителей отваги, ловкости, смелости, изощренности и находчивости. Свои практические усилия мы сосредоточиваем на использовании цирка в целях приспособления его, как арены пролетарской сатиры, смеха и агитации; для чего вырабатываем с бывшей клоуновской частью цирка, которая должна быть реорганизована и видоизменена в соответствии с нашим временем, специальный репертуар.

Кроме того, мы рассматриваем арену цирка, как лабораторию по устройству всякого рода целесообразных массовых игр, празднеств и т. п.

Пролеткультом организовано 4 празднества: День годовщины основания Красной армии,—День годовщины Парижской Коммуны,—Первомайский день,—Проводы на фронт коммунаров.

Первомайский день был генеральным отчетом-выставкой всех достижений Пролеткульта. Все его аппараты работали целый день на площади. Работы студии изобразительных искусств были выставлены на улицах.

Текущим летом мы готовимся организовать праздники пролетарской культуры. План празднования будет предварительно прислан в Ц. К. Всероссийского Совета Пролеткульта.

Детский Пролеткульт. Лаборатория-полудетернат, а в ближайшее время — интернат, куда собрано до 50 детей в возрасте от 8 до 14 лет, обнаруживших несомненную талантливость в области искусства.

Эти дети рассматриваются, как будущий авангард в строительстве пролетарской культуры, но более гибкого по восприимчивости материала и более благоприятной в лице их почвы для выращивания семян пролетарской культуры трудно найти.

В скором времени, когда мы, организовав интернат, обставим детей со стороны моральной так, чтобы она являлась примером коммунистического строительства жизни, мы в лице детского Пролеткульта будем иметь одну из самых совершенных аудиторий-лабораторий Пролеткульта.

В данное время в Детском Пролеткульте организовано и работают студии: изобразительных искусств, литературная (собирает материал для двух номеров детского журнала), музыкальная, театральная и ораторского искусства; мастерские: обуви, столярная, рукодельная и переплетная.

В своих работах Детский Пролеткульт отчитывается перед детьми тульских пролетариев на собираемых им специальных митингах. Эти митинги захватили глубоким интересом пролетарских детей, и они стекаются на них большими массами по 3—4 тысячи.

Все работы Детского Пролеткульта идут под непосредственным руководством Губпролеткульта и Губкома.

Тульский Губернский Пролеткульт.

Выставка работ учащихся художественной школы Рыбинского Городского Пролеткульта.

Выставка была открыта 4-го июня и продолжалась до 13-го. За это время выставку посетило около 1.500 человек. Посещали выставку учащие и учащиеся Советских школ; были экскурсанты из своего уезда и других (Помехонского и Мологского).

Было выставлено рисунков и лепки около 750 экземпляров. Выставка разбита по группам, как велось занятия. Рисунки 1-й и 2-й группы, в свою очередь, разбиты по отделам: 1) рисунки с натуры и 2) фантазия. На выставке был представлен краткий отчет о работах школы. Для отзывов посетителей был помещен ящик, в него опущено до 50 отзывов, где среди различных в громадном большинстве одобрительных отзывов есть пожелания, напр., «чтобы в работах в смысле модели не был забыт рабочий».

12-го июня выставку посетил и подробно осмотрел народный комиссар А. В. Луначарский; он отметил ряд вещей и между прочим работу 16-летнего портного тов. В. Исполатова, которую рекомендовал послать в Центральный Пролеткульт, как характерную работу для человека взрослого, вышедшего из трудового класса. Эта работа весьма интересна по своей наивности, простоте и общему примитиву. В ней видно безуслов-

ное дарование, которое, несмотря на долгую трудовую жизнь, не атрофировалось, хотя вылилось уже в такие старые и законченные формы, что даже школе не следует изменять или вытравлять их.

На выставке была прочтена лекция на тему «Художественное воспитание и образование».

Школа открыта 16-го апреля 1919 года. Учатся в 2-х группах около 80 человек. Посещаемость около 50%. До открытия выставки было всего 32 учебных дня. Материалы для школы бесплатные. Помещение тесное: всего 1 комната, в которую с трудом входит от 15 до 20 человек.

Рыбинский Городской Пролеткульт.

Пролеткульт и внешкольное образование.

В целях устранения недоразумений на местах между Пролеткультами и Отделами внешкольного образования, публикуем следующие резолюции:

Резолюция Государственной Комиссии по Просвещению от 13-го апреля 1918 г.

«Государственная Комиссия, обсудив вопрос о Пролеткультах, высказывает за то, что организации эти должны существовать впрямь, как строго классовые и отдающие свои силы исключительно делу развития чисто пролетарской, социалистической культуры на совершенно автономных началах. Советская власть берет на себя дело широкого ознакомления пролетариата, как и всего трудового населения, с завоеваниями культуры, ставя своей задачей дальнейшее развитие ее в социалистическом духе».

Резолюция Коллегии Народного Комисариата по Просвещению от 6-го июня 1919 г.

«Обсудив вопрос о координировании работ внешкольного Отдела и Пролеткульта, Коллегия Народного Комисариата по Просвещению постановила:

1. Пролеткульт в центре и на местах ведет свою работу самостоятельно со своим отдельным бюджетом.

2. В целях же согласования работы в Народном Комисариате по Просвещению создается Секция внешкольного образования, в состав которой входит наравне с другими Отделами и Пролеткульт.

3. Такие же секции создаются и на местах, где существуют пролеткульты, зарегистрированные во Всероссийском Совете Пролеткульта».

Народный Комиссар А. В. Луначарский.
Члены Коллегии Народного Комисариата по Просвещению:

Заведующая Внешкольным Отделом

Н. К. Крупская.

Заведующий отделом Пролетарской Культуры *И. И. Лебедев-Полянский.*

Интересный материал в данном отношении дает передовая статья тов. А. В. Луначарского в № 9—10 «Народного Просвещения» за апрель—май 1919 года.

Приводим отдельные из нее места.

«В настоящее время проблема ставится в новом освещении. С одной стороны, про-

летариат не созрел в культурном отношении. У него нет вполне своих идеологов или их очень мало. Никто из нас, положа руку на сердце, не может сказать, что нового, радикально интересующего вносит пролетариат в те области философии и естествознания, которые, конечно, будут приведены в гармонию с высшими основами пролетарской социологии и экономики, но в которых еще мало работала пролетарская мысль. Чем будет в руках пролетариата искусство? На то есть только намеки в произведениях, правда, часто очень талантливых,—тех первых ласточках пролетарской поэзии, которые бороздят сейчас над нашими головами полное туч и молний грозное небо.

Пролетариату, стало-быть, необходимо продолжать работу по выработке пролетарской культуры для того, чтобы внести возможно более широкой рекой в готовящийся будущий строй повсюду торжествующего социализма возможно более определенные ценности, носящие на себе рабочую печать“.

Мих. Герасимов. „Завод осенний“. Стихи. Издание Московского Пролеткульта. 1919 г. 94 стр. Цена 4 руб.

Мих. Герасимов. „Цветы под ознем“. Рассказы. Издание Московского Пролеткульта. 1919 г. 144 стр. Цена 7 руб.

Мих. Герасимов хорошо известен российским рабочим. Его имя встречалось в петроградских сборниках пролетарских писателей, изданных под непосредственной редакцией М. Горького еще в 1914 году. С этого времени Герасимов значительно вырос, определился и ближе подошел к пролетарским переживаниям.

Если в сборнике „Вешние знои“, изданном в 1918 году, но где собраны вещи, написанные раньше, сквозит еще старый взгляд на завод, как на темницу, в которой вянет жизнь, где душно человеку, где смерть царит и стережет людей, то в „Заводе весеннем“ веет новый дух, принесенный могучей пролетарской революцией. Революция, как весна, обновила заводскую жизнь:

„Весенний день, какой чудесный
На землю витязь сикозел,
Завод гранитный и железный
Жемчужной радугой расвел.
Где опечаленной царевной
Душа томилась в терему,
Ты в храм улыбающе-напевный
Вдруг превратил мою тюрьму“.

И поэт любит, страстно любит обновленный, кипучий, весенний завод.

„Люблю я труб заводских струны,
Гудок, будивший паром медь“...
„Люблю ковать, сиден и молод,
У пасти огненных пещей“...
„Как люблю тебя, весенний,
Искропламенный завод“...

„В силу этого“, — продолжает автор, — „я буду отстаивать права пролетариата на совершенно самостоятельное, даже от советского государства, независимое лабораторное строительство своей особой культуры. Пусть пролетариат самостоятельно переоценивает все, что ему дается, пусть пролетариат ищет новых форм в области искусства, новых методов в областнауки.“

Быть может, Пролеткульты не всегда ясно понимают свои задачи, быть-может, иногда они ведут параллельную работу с работой советских органов. Мало ли что; все советские органы перепутываются между собой, нельзя избежать междоветовственных трений, но ведь никому не приходит в голову, что из столкновений каких-нибудь двух ведомств, например, Совнархоза с Компродом, следует, что одно из них должно быть устранено. Для Пролеткульта есть совершенно своеобразное место. И поддерживая всецело право Пролеткульта на особое существование и на широкое государственное субсидирование“.

Библиография.

Новый завод не теряет своей красоты и среди шорохов тоскливо бродящей осени.

„Осенний вечер горько скорбил
Коленопреклоненный сад,
И сколько неизбывной скорби
В соломенных морщинах хат.
Кадимый клубами тумана
Осип рыдает хоровод.
Лишь ярко на груди кургана
Веселый искрится завод“.

Поэт воспевае завод, его вагранки, молоты и болванки, его трубы и гудки. Завод, это — источник новой жизни, родившейся в буре и пламени октябрьского переворота. В заводе

„Стал каждый иламенным байном
Кружащих знонов, красных струн,
Грозиво-вскрыленным титаном,
Зари грядущего трибуна“.

И поэт убежден, что

„Красный флаг коммуны
Над миром будет пламенеть“.

В этот завод, в „купель чугуна“, на „зов сиренных пеней“ идут люди „от хат соломенных селений“, в нем забывается „преклонно-вийная межа“, и душа каждого прошедшего обливается „звенищим вылом мятежа“.

В этом искропламенном заводе каждый пришедший сливается в коллектив — „мы“. Этот коллектив молод и силен; его тело — железо, его мускулы — сталь. Поэт с уверенностью заявляет:

„Мы все возьмем, мы все познаем,
Пронизаем глубину до дна“...
„Зорей крылатого одеты,
Мы в небо дерзавство взлетим,
Громокипящего кометой
Пророем млечные пути“.

Эти основные мотивы звучат во всех отделах сборника: „Завод весенний“, „Железные цветы“, „Пиряка“ и „Прибой машин“, все это — гимн заводу, символу грядущей жизни.

Стих Герасимова образен, встречается интересная рифма. Чувствуется уверенность и чеканность стиха, но порой эта чеканность переходит в манерность, в подражание новым интеллигентским поэтам, которые сущности стиха видят по преимуществу, а иногда и всецело, в его внешности, в форме, чем отчасти заражен и автор данного сборника.

Во всех стихах чувствуется торжественно приподнятое настроение. Поэт смотрит на мир с восторгом и надеждой. Его „душа весной одета в лучисто-золотую сень“, „таинственное дуновение“ коснулось „лепестков его души“ и

„Из пелла сонного забвения
Взошло, как солнце, вдохновение
Над сумраком родных полей“.

И поэт говорит, что ему сладко „огнеструйною ракетой мгновенно взвиться и сгореть“.

Рассказы „Цветы под огнем“, написаны в начале первого года мировой войны. Все сюжеты, за исключением последнего рассказа „Хризантемы“, так или иначе связаны с войной. Фабула их несложна. Вся тяжесть — в тех переживаниях, которые испытывали волонтеры, и в частности сам автор, сидя в окопах, идя на разведку, бродя по разрушенным французским селениям и т. п.

Все вещи говорят о том, что Герасимов прекрасно владеет формой, но собранные под одну обложку рассказы теряют часть своей художественной прелести: чувствуется однообразие формы и монотонность переживаний.

Автор наблюдателен; самый незначительный факт, которого другой и не заметит, вызывает в его душе определенные переживания; но эти настроения неглубоки и порой говорят о большом и нервно-уточенном, интеллигентском отношении к жизни, так что забываешь, что рассказы принадлежат перу рабочего.

Как и стихи, рассказы написаны в приподнято торжественном стиле; не чувствуется непосредственной красоты; наоборот, видишь, как автор оттачивает свой слог, разнообразит эпитеты и усложняет сравнения и погоню за изяществом формы.

В рубиновой заре, в речистой траве, в золотистой соломе шелковисто-пурпашей и издающей сладковатый запах хлеба, в красных маках крови, в больших плачущих глазах сиреневого цвета с затененной тихой скорбью, в лентах тумана, в его дымчатых волнах и каменных узорах чувствуется скорее мастерство, чем доподлинное художественное творчество.

Сборник ничего нового не прибавляет к художественному облику Герасимова. Он сохраняет свой интерес, как определенный момент в личной жизни автора, как документ — свидетельство о том, как сильно буржуазная литература своими настроениями и формой сбивает пролетария на ложный путь.

Оба сборника по нынешним временам наданы хорошо и не очень дорого.

П. Л.

В. Александровский. „Рабочий поселок“. Стихотворения. Издание Московского Пролеткульта. 1919 г. 72 стр. Цена 3 руб.

В. Александровский. „Север“. Стихи. Издание Московского Пролеткульта. 1919 г. 32 стр. Цена 2 руб.

О стихах В. Александровского приходилось говорить не раз в связи с характеристикой пролетарских журналов, где встречались и его стихи.

Данные сборники ничего нового к прежним суждениям о поэте не прибавляют.

В. Александровский, несомненно, имеет поэтический дар, но чувствуется, что поэт мало работает над своим общим развитием, над своей техникой. Нет в нем глубокого и трепетного наблюдения, поэт стоит как бы в стороне от развивающихся событий, он только наблюдатель и наблюдатель бесстрастный, холодный, хотя и с ясно выраженными революционно-коммунистическими симпатиями. Душа поэта скрыта от читателя.

Как и другие пролетарские поэты, В. Александровский убежден, что „Дипломный год“ пролетарской революции,

„Где тлеи немощные камни,
Где кровью пеннелась руда“...
„Где брызжут молотом удары
И льются песни шестерен“...
„Выжжет новые законы
Для огненного Труда“.

Он чувствует, как у него

„Новые звоны,
Вешние зовы
В душе зарождаются
В сказочный час“.

Творец новой жизни — пролетарий рисует в следующем штрихом:

„Тело — гибкая пружина,
Страсти — пламя горна,
Перенял я у машины
Быть во всем упорным.
Одарен я буйной силой,
Молот мне игрушка“...

Одновременно с этими восторженными мотивами прорываются ноты уныния, скептицизма, старого, дореволюционного взгляда на труд и фабрику:

„Завтра послушные
Будут плакать ставки,
Фабрика пыльная, душная
Мнет лепестки“...

В другом стихотворении, посвященном девушке-ткачихе, поэт выражает эти же настроения такими словами:

„К твоему приходу алыми цветами
Уберу украдкой твой я уголок.
Пусть они рассеют вешними мечтами
Грусть, что навевает днем тебе станок“.

И в этом своем меланхолическом унынии поэт идет *всегда*, который душу открыл; жизнь для него не столько достижение, сколько „одно стремление“ и, сидя в *сумерках*, которые „одели уголок цветущий“, он просит:

„О, замедли, время, свой поспешный бег“.

Эти чуждые пролетариату мотивы ярко выступают в своем противоречии с другими настроениями поэта.

Эта невыдержанность настроения объясняется, как мы указали выше, недостаточной политической зрелостью, с одной стороны, и влиянием модернистско-интеллигентских поэтов, которое с особенной силой сказалось во втором сборнике „Север“.

„Север“ начинается довольно странными словами:

„Все минуты наполнены ядом,
Добровольно иду я на крест“...
„Я израненный случаем темным,
Окелезившим волю во мне,
Воспринимаю страдание скромно“...
„Без страдания нет Воскресения“.

Тут какая-то смесь христианского подвижничества с толстовством, с достоевщиной, в которых на разные лады говорилось об очистительной роли страданий. Непонятно и то, как это вдруг у поэта, душа которого „скалкой чудною обворожена“, все минуты оказались наполнены ядом. А куда же девались наши победы, наши достижения, наше революционное творчество, исколывавшее все трудовые элементы страны?

Среди этого непонятного пессимизма поэт, как бы в минуту просветления, вскрикивает:

„Смейся! Я груб и дерзок.
В жизни буйственно смел.
Не буду просить: отврати—
Я сам разорву предел“.

И тут же, ослабленный припадком взрыва энергии, бредит бессильный и безвольный:

„Поделись со мною грустью зимней,
Моя радости страданием заглуши,
Будет грусть владычицей единой,
Боль сердец—красивым сном“...

С одной стороны, поэт заявляет, что он „преодолеет льды и метели“, с другой стороны, тотчас же добавляет:

„Ко всему привыкаешь со временем:
И к снегам, и ко льду, и к огню.
Север жжет на полярном костре меня
И былое, что я храни“.

В. Александровский, если не осознает свою раздвоенность, то чувствует ее, — он сам себя спрашивает:

„Почему я пошел на север?
Почему воспринял пургу?
Я мечтал о весеннем посеве,
О цветах на южном лугу“.

Поэт пытается и сам дать ответ на волнующий его вопрос,—он пишет:

„Красота—вечной страданья...
Счастье—вечно гореть в борьбе...
В этом северном снежном сгорании
Я люблю. Я молюсь тебе“.

В этом невинном ответе чувствуется опять-таки какой-то мистицизм, не мирящийся с гордыми заявлениями в других стихах, например:

„Привык и тело осталил.
Мой путь, это—риск,
Но я достигаю спирали
И вижу огненный диск“.

Эти строчки заслуживают внимания и по другой причине.

Во-первых, пролетариат развивает свою борьбу не на теории риска, а на основании и в согласии с определенными социально-

историческими положениями; во-вторых, при чем тут неведомые спирали и огненный диск? Последнее отдаёт духом того „изобразительного искусства“, которое своими дисками, спиралями, квадратными головами и прочей нелепидой украшало красную Россию.

Сборник „Север“ вышел после сборника „Рабочий поселок“. Это говорит о каком-то перевороте, о какой-то надломленности и разочарованности автора. И если эти опасные настроения целиком охватят В. Александровского, он для пролетариата, как поэт, погибнет.

Но надо верить, что молодая душа сумеет справиться с налетевшими разочарованиями и сомнениями, и поэт действительно будет „дерзок и смел“.

В посвящении поэту-борцу В. Александровский пишет в „Рабочем поселке“:

„Поэзия—кровь сраженных во мраке,
Впереди—златоцвет.
Разбросай свои зноинные знаки,
Поэт!“

И мы желаем одного: пусть поэт бросит свой „север“ и вернется в „рабочий поселок“, чтобы разбросать свои „зноинные знаки“ в творчестве новой жизни.

В. П.-ий.

Александр Поморский. „Цветы восстания“. Стихи. Издание Петроградского Пролеткульта. 1919 г. 32 стр. Цена 1 рубль.

В противоположность В. Александровскому, А. Поморский является по преимуществу поэтом переживаний. Каждое событие, каждое явление, так или иначе затрагивающее его поэтическое чувство, служит для него толчком к творчеству, вызывая целую гамму настроений. Видит поэт фонарщика и, наблюдая, как вдоль улицы загораются фонарь за фонарем, от этого столь обыкновенного явления переносится к социальной борьбе и соответствующим образом выражает свои настроения:

„Лентой звездной и длинной
От движения руки,
Словно дивные рубины,
Загораются роики.
Им туманов-мрак не страшен,
Ночь сырая не страшна“.

Вот стихотворение „У моста“. Мост не имеет никакого отношения к чувствам поэта. Их он мог пережить и у опушки леса, и у себя в убогой квартире, где-нибудь за заставой, в рабочей слободке. Возможно, что в силу какой-либо капризной ассоциации, поэт, идя по мосту, вспомнил когда-то им пережитое, и его разбуженное творчество, пользуясь окружающей обстановкой, организовало переживания в строки, озаглавленные „У моста“.

Творчество поэта пытается, как развернувшейся классовой борьбой, так и явлениями, стоящими вне ее. Утро, вечер, ночь, весна, осень, поезд, колокольный звон, солнце находят отклик в душе поэта. Их он чувствует и переживает.

Иногда настроения поэта целиком совпадают с коллективным чувством пролетариата, как, например, в прекрасном стихотворении „Похороны трибуна“; иногда же, наоборот, они родят его со старым миром или говорят об его подражательности.

„Что нам горе! Что нам слезы!..
Были б только ты да я!..

Любовь двух сердец пролетариат сдав
уже в архив; он познал высшую любовь,
любовь к угнетенному человечеству. И вза-
имная любовь двух существ не должна ото-
двигать на задний план горе и слезы других.

Стихотворение:

„Выхожу я в поле золотое,
И сажусь в раздумье у могил...
Дышит мир дыханием покоя,
Мир в сиянии солнечном почил...
Только я, печальный и угрюмый,
Не расстанусь с грустью и тоской“

дышит лермонтовским настроением; даже
больше, оно является плохим подражанием
Лермонтову, пессимизм которого так чужд
рабочему классу. Пролетариат, конечно, не
только розы срывает в своей борьбе, но часто
переживает и мучительные раны, но они не
убивают его революционного порыва.

Много внимания поэт уделяет городу. Го-
род не только чудиче, дракон. Город живет
„золотыми красками, огненными сказками, с
бурным морем грохота“. Правда, город сдавлен
пролетария „железными тисками“, но поэт
полно убеждения, что город будет завоеван:

„Молчи, тиран, увенченный глупцами,
Ты будешь наш. Пред скорбными рабами
Ты сам падеши униженным рабом“.

А. Поморский — поэт своей стихийной
души, и этим он резко выделяется среди
своих товарищей.

К лучшим вещам со стороны ритма нужно
отнести: „Похороны трибуна“, „Колокола“
и „Поезд“.

Образностью стихи Поморского не отли-
чаются, хотя в них и встречаются прекрас-
ные строчки, как, например, в стихотворении
„Красив весной город Сомов“.

Если стих Герасимова четок, чеканен, и
чувствуется его отделка, то стих Помор-
ского, несмотря на прекрасные и смелые
рифмы, порой стихийно хаотичен и требует
шлифовки, на что у автора, видимо, не хва-
тает терпенья.

Некоторые „Цветы восстания“ поблекнут
и будут забыты, а некоторые останутся на-
всегда в памяти пролетариата и

„Как набат грядущей красоты
В багровом зареве мятенного волненья
Раскинут радуги цветы,
Свабод и возрожденья!“

В. П.—ий.

„Пролеткульт“. Издание Екатеринослав-
ского Губернского Пролеткульта. № 1, 2. 1919 г.
Цена 2 руб. 50 коп.

Идея пролетарской культуры пробивает
себе дорогу всюду, где только возникает
советская власть. Едва Украина освободи-
лась от гетманщины, как в ней тут и там
стали возникать организации Пролеткульта
и их органы.

Орган Екатеринославского Пролеткульта
свидетельствует о несомненном и глубоком
понимании наших задач и путей. Местами,
правда, встречаются туманные и неаучные
определения и формулировки, в роде того,
что „культура, это — зеркало человеческого

прогресса“; или „литература — эхо нашей жи-
вой действительности“, но они не затмевают
правильности и отчетливости наших основ-
ных идей. „Пролетарская культура, — пишет
тов. Борис, — должна быть душою труда, ды-
шать и твориться „под аккомпанимент мо-
лотков“, в унисон с раздувающимися меха-
ми машинного производства... Свою политиче-
скую победу рабочий должен закрепить в
определенной культурной работе. Он испы-
тывает потребность сделать это таким об-
разом, чтобы в формах новой культуры
вместились все его переживания и опыт.
Рабочий класс должен создать науку, кото-
рая была бы гармонией труда; искусство,
которое организует его жизнь... С воцаре-
нием коммунизма пролетарская культура
перейдет в высшую форму неизбежного
исторического процесса — в культуру обще-
человеческую“.

„Новая литература, вышедшая из глубин
и недр самой жизни, являясь на самом деле
ее полновзвучным эхо, сумеет выполнять
основную свою задачу — быть воспитателем
и организатором создавшего его класса. А
из этой литературы вырастет литература
будущего, общечеловеческая и внеклассовая,
— литература, которая явится венцом
человеческих достижений“, пишет тов. Вя-
рин, дополняя тов. Бориса.

Интересна и статья тов. Островского о
пролеткульте. В ней он отмежевывается от
„всяких реформ и культуртрегерства“, выис-
кивает своеобразие пролетарской культуры,
подчеркивая организационное начало новой
науки и искусства. Автор сознает, что про-
летарская культура еще не создана, но
красное знамя Пролеткульта „уже гордо
реет над миром, погрозившим во лжи и ме-
щанской пошлости“. Пролеткульт — „это
слово уже несется в мир; мы уже слышим
его раскаты“.

Неправ автор, упрекая Пушкина, что он
работал долгие годы над „Евгением Онеги-
ным“, не посвятив ни одной минуты жизни
шахтера. Не надо забывать тех условий и
тех гонений, среди которых приходилось
писать Пушкину. Кроме того, шахтерам,
в лице декабристов, он отправил особое по-
слание, заканчивая его словами:

„Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут, — и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут“.

Конечно, это не то, что хотелось бы слы-
шать строгому критику из „Пролеткульта“,
но не надо терять исторической перспекти-
вы, а при свете ее эти строки говорят об
очень многом.

Стихи неинтересны. Прозы нет. Протоколы
скучны, последние из них для читателя не
имеют никакой цены и помещать их не
следовало.

№ 2 посвящен Первому Мая. Статьи на-
писаны обычным, шаблонным стилем, а сле-
довало события осветить с точки зрения
пролетарской культуры.

В общем и целом указанные недочеты не
мешают утверждать, что журнал интересен
и для рабочих масс Екатеринослава нужен.

А. О.

„Пролеткульт“. Вестник Тверского Совета Пролеткульта. № 1—2. 1919 г. Цена 5 руб.

Журнал Тверского Пролеткульта по своему типу скорее подходит к тем журналам, которые следовало бы издавать Отделам внешкольного образования. В журнале, да еще в первой книжке, нет статей, выясняющих основы пролетарской культуры, кроме двух незначительных, из которых одна к тому же носит полемический характер. Зато целых девять страниц уделено вопросу о реорганизации высшей школы; там вы можете прочесть об акушерстве, детских болезнях и даже о почвоведении и встретить давно устаревшие формулировки: „История философии и науки“, „Общее учение о материи и энергии“. Новейшая наука уже установила, что между материей и энергией можно поставить знак равенства: одно переходит в другое.

Интересен отчет Новоторжского Пролеткульта. В нем видна работа провинциального пролеткульта со всеми светлыми и темными сторонами действительности. Товарищи сами прекрасно сознают свои недочеты и ярко пишут о них и скорбят. „Пахнет стариной“. Не чувствуется танка и размаха, порыва с дерзновением. Задания не выходит из рамок вчерашнего дня“, говорится в отчете. Все это, конечно, печально, и все-таки работа должна вестись. Сознание своих недочетов в конце-концов поможет выйти на широкую дорогу. Зачастую бывает хуже там, где товарищи выступают с видом непогрешимого римского папы.

В рубриках: „по Тверской губернии“ и „по Советской России“ собран материал, не имеющий прямого отношения к Пролеткульту. В этих отделах читатель встретится и с дошкольным воспитанием, и со школами грамоты, и с союзом увечных воинов, и с многим другим. Все эти сведения интересны, но в наших журналах они вносят в сознание читателя, особенно малоразвитого, тот хаос, с которым в будущем придется самим же бороться.

Есть в журнале беллетристика и стихи, но они не выделяются из ряда обычных вещей.

Журнал имеет 68 страниц и издан довольно хорошо, но по своему содержанию он слаб и во многом уступает другим нашим журналам.

П. Рудюков.

„Труд и Творчество“. Ежемесячник Смоленского Пролеткульта. № 1, 2. 1919 г. Цена 3 рубля.

Журнал носит характер преимущественно литературный. На $\frac{3}{4}$ он заполнен прозой и стихами; статей, которые разъясняли бы рабочим массам, что такое пролетарская культура и каковы ее пути развития, нет.

Отдел „Кузница поэтов“ ведется неорганизованно, неумело. Не сказав ни одного слова о сущности пролетарской поэзии, об

ее особенности, и даже не противопоставив ее поэзии буржуазного общества, Отдел заполняет свои страницы размышлениями о советах и ненужными на первых порах мелочами технического характера.

Попытка же связать пролетарское творчество с народной песней несостоятельна с теоретической точки зрения и отстает старым, уже изжитым народничеством. Автор выражает смелых пролетариев в следующих выражениях:

„Прежде всего учиться поэт должен у того безвестного коллектива, который называется народом“. Мы заменим туманное и расплывчатое социологическое понятие „народ“ другим, точно определенным понятием, — „пролетариат“.

„Поэзия трудовая, вечевой Советской Земли, многое почерпнет из этого древнего источника (народной песни), где увидит свое отражение“. Из этой цитаты ясно, что автор не различает поэзии пролетарской от поэзии трудовой. Под понятие трудовой поэзии наравне с поэзией рабочего подойдет поэзия крестьянства, мелкого ремесленника и других эксплуатируемых групп населения; мы же рабочую поэзию в силу различных теоретических соображений, изложенных не раз в нашем журнале, выделяем особо.

Статья „Что такое Пролеткульт“ также мало состоятельна.

Не следовало помещать в журнале стихи и прозу, принадлежащую интеллигентам. Ничего пролетарского нет ни в стихах Б. Верхоусинского „Властилин“, ни в „Заоблачных Страусах“ Т. Немчиновой.

Не вполне осознал свою задачу и научный Отдел, который ставит лекции на ряду с общественными вопросами по вопросам медико-санитарным.

Эта задача должна быть выполнена Отделом народного образования. Задача же Пролеткульта в данной области сводится, как гласит резолюция Всероссийской конференции, к следующему:

1) к систематическому пересмотру научного материала с коллективно-трудовой точки зрения;

2) его систематическому изложению применительно к условиям и потребностям пролетарской работы как повседневной, так и революционной;

и 3) массовому распространению научных знаний в таком преобразованном виде.

Этому же вопросу посвящена в № 5 нашего журнала статья А. Богданова „О пролетарском университете“. Она является прекрасным дополнением к докладу и резолюциям конференции.

Первая попытка не удалась смоленским товарищам, но будем надеяться, что в будущем, быть-может, и не сразу, смоленцы все же выйдут на верную дорогу.

П. Рудюков.

Редакция журнала просит присылать ей для отзыва рабочие журналы и сборники пролетарских писателей и поэтов.

Издатель —

Всероссийский Совет Пролет. и Пр. Организаций.

Редактор —

Редакционная Коллегия.

Типография Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., соб. дом.

"ПРОЛЕТАРСКАЯ КУЛЬТУРА".

№ 1.

1918 г. Июль.

От редакции.—Под знамя „Пролеткульт“, В. Полынский.—„Пролеткульт“—орган пролет. самостоятельности. В. Керженцев.—Пролетариат и творчество. Ф. Калинин.—Что такое пролетарская поэзия? А. Богданов.—О репертуаре рабочего театра. В. Восюковский.—К созыву Всерос. конф. к.-пр. раб. орг. Орган. Бюро.—Хроника „Пролеткульт“. Ст. Крицков.—Библиография: „Красный огонек“. Е. Х.—„Пламя“. „Творчество“. А. О.—„Грядущее“. П. Л.

№ 2.

Июль.

Национализм и социализм. В. Полынский.—Наша критика. Ст. 1-й. А. Богданов.—Рабочий клуб. Ф. Калинин.—Идеал воспитания. А. Богданов.—К созыву Всерос. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Революция и культурные задачи пролетариата. В. Полынский.—Наука и рабочий класс. А. Богданов.—Пролетариат и искусство. А. Луначарский.—Идеалы социалистического воспитания. Н. Ульянова (Н. Крупская).—Железный мессия. В. Кириллов.—Похороны. А. Поморский.—Чудеса работы. А. Гастев.—Хроника „Пролеткульт“. Втор. конф. Петрогр. „Пролеткульт“. П. Л.—В провинции. Ст. Крицков.—Библиография: Литерат. Альманах. В. П.—К. Тимирязев. Красное Знамя. А. О.—Известия Москов. Пролет. Ум-та. С. Д.

№ 3.

Август.

Мотивы рабочей поэзии. В. Полынский.—Наша критика. Ст. 2-я. А. Богданов.—Кружковая работа. Ст. Крицков.—Классовый театр. К. Малинин.—К созыву Всерос. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Пролетарский клуб. Ст. Крицков.—Норма представительства и план работ конференций. Орган. Бюро.—Хроника „Пролеткульт“. В провинции. Ст. Крицков.—Библиография: А. Богданов. „Красная Звезда“ и „Инженер Менин“ С. Д.—Ж. Тьерсо. Праздества и песни французской революции. Т. Р.—Две рецензии. А. О.—От редакции.

№ 4.

Сентябрь.

Тов. Н. Ленин. В. Полынский.—Методы труда и методы познания. А. Богданов.—Путь пролетарской критики и поэзия А. Гастева. Ф. Калинин.—Труд воспитательный и труд производительный в новой школе. В. Полынский.—Чем должен быть табачный клуб. Н. Крупская.—Всероссийский Союз рабочих писателей. В. Пятаков.—К созыву Всерос. конф. прол. к.-пр. организаций. Тезисы докладов: Рабочая кооперация и пролетарское культурное строительство. Н. Васильевский.—Завод весенний. Песня о железе. Стихи. М. Герасимов.—Хроника „Пролеткульт“. Московский „Пролеткульт“. Отчет.—В провинции. Ст. Крицков.—Библиография: „Грядущее“. П. Л.—„Пламя“. А. О.—Литерат. Прилож. № 1. В. Г.—„Творчество“. А. О.—В. Кириллов. Стихотворения. П. Л.—В. Фриче. Пролетарская поэзия. В. Г.

№ 5.

Ноябрь.

Год пролетарской диктатуры. В. Полынский.—Идеология производства. Ф. Калинин.—Пролетарский университет. А. Богданов.—Организация литературного творчества. В. Керженцев.—Первая Всерос. конф. пролет. культ.-просв. организаций. В. Кунакин.—Революции конференций. Хроника „Пролеткульт“. В провинции. Ст. Крицков.—Библиография: „Горн“. В. Полынский.—„В буре и пламени“. В. Пий.—„Венчальные ризы“. А. О.—„Из дневника детского сада“. Е. Херсонская.—„Горнячок“. В. Г.—„Грядущая культура“. П. Л.

№ 6.

1919 г. Февраль.

Международная революция и пролетарская культура. В. Керженцев.—Об идеологии. Ф. Калинин.—Очередные вопросы. В. Полынский.—Методы работы „Пролеткульт“. В. Керженцев.—Теория и практика. Т. Седелевский.—План организации „Пролеткульт“. Предметы. Стих. М. Рубинштейн.—Хроника „Пролеткульт“. В провинции. Ст. Крицков.—Пролетарские культ.-просв. организации.—Библиография: „Пролетарский сборник“. В. Полынский.—„Вестник жизни“. В. Кунакин.—„Грядущая Культура“. П. Л.—„Завод огненный“. А. О.—С. Малашикин.—„Мускулы“. А. О.—С. Есенин. Преображение. В. Г.—П. Орешин.—„Красная Русь“. В. Г.—С. Срединский.—„Огнем газетного дела“. М. М.—„Зарево Заводов“. В. Полынский.—„Мир и человек“. П. Л.

№ 7-8

Апрель-Май.

Пролеткульт и советская культурная работа. А. Луначарский.—Наши задачи и пути. В. Полынский.—Очерки организационной науки. А. Богданов.—О профессионализме рабочих в искусстве. Ф. Калинин.—О профессионализме. В. Плещеев.—Коллективное творчество в театре. В. Керженцев.—О футуризме. Ф. Калинин.—Поэзия советской провинции. В. Полынский.—„Искусство искусства“. Стих. В. Кириллов.—Авиаторы. Расск. А. Шапшиков.—Примерный устав клуба „Пролеткульт“. Шершен. Сов. Пролеткульт.—Хроника „Пролеткульт“. 3 провинции.—Инструкторские курсы. Ст. Кошачов.—Конференции.—Отчеты.—Библиография: А. Сидоров.—„Революция и искусство“. С. Д. К.—Залевский.—„Искусство и пролетариат“. Ст. Крицков.—Грешин. Рассказы. П. Рудюков.—В. Игнагов.—„Свидетная вечеринка“. П. Рудюков.—„Гудки“. В. Г.—„Наш гоги“. В. Н-ий.—„Красное утро“. А. О.

№ 9-10.

Июнь-Июль.

Пролетарская культура и ее критика. Ф. Калинин.—Очерки организационной науки. Ст. 2-я. А. Богданов.—Ч. Дарвин и К. Маркс. К. Тимирязев.—Познание в свете истории. В. Полынский.—Рост Пролеткульт. О. Райнин.—О тенденциях пролетарской культуры. А. Гастев.—О тенденциях пролетарской культуры (ответ Гастеву).—А. Богданов.—О провинциальных пролетарских университетах.—А. Богданов.—Отчеты.—Библиография: М. Герасимов.—„Завод весенний“ и „Цветы под огнем“. П. Л.—В. Александровский.—„Рабочий поселок“ и „Свер“. В. П-ий.—А. Поморский.—„Цветы всестояния“. В. П-ий.—„Пролеткульт“. А. О.—„Пролеткульт“. П. Рудюков.—„Труд и творчество“. П. Рудюков.

П 23

1488

Цена 35 руб.
